

**АСПЕКТЫ
ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО
КОНФЛИКТА**

13

**Перспективы для Грузии и Абхазии
в контексте черноморской интеграции**

Стамбул, 24 – 27 июня 2006 г.

Ирвайн
2007

Аспекты грузино-абхазского конфликта
Aspects of the Georgian-Abkhaz Conflict

Prospects for Georgia and Abkhazia in the Context of Black Sea Integration

Conference Proceedings:

Istanbul, June 24-27, 2006

Editors: Paula Garb
Walter Kaufmann
Arda Inal-Ipa
Paata Zakareishvili

This publication was made possible by financial support from
The William and Flora Hewlett Foundation, and
The Heinrich Boell Foundation,

Copyright © 2007 University of California, Irvine

Social Science Plaza A, Room 3151
Irvine, California 92697-5100
(1-949) 824-1227, fax: (1-949)824-1544
web-site: www.citizenpeacebuilding.org

СОДЕРЖАНИЕ

Foreword	5
Предисловие	7
24 июня 2006, Стамбул	9
Манана Гургулия. Абхазия: обзор текущих событий	10
Георгий Хелашвили. Политическая ситуация в Грузии и перспективы разрешения абхазской проблемы	32
25 июня 2006, Стамбул	59
Тинатин Хидашели. Как смотрят в Тбилиси на перспективу и задачи политики добрососедства в Европе	59
Ираклий Хинтба. Отношение Абхазии к политике Европейского Союза на Южном Кавказе	65
26 июня 2006, Стамбул	91
Питер Семнеби. Значение Черного моря с точки зрения ЕС	99
Андрей Рябов. Стратегическое значение Черного моря – российская перспектива	115
Вячеслав Чирикба. урегулирование грузино-абхазского конфликта в контексте черноморской интеграции: Взгляд из Абхазии	136
Давид Дарчиашвили. Перспективы решения грузино-абхазского конфликта в контексте Черноморской интеграции: Взгляд из Грузии	154
27 июня 2006, Стамбул	201
Сергей Маркедонов. СНГ-2 и европейская интеграция. В особенности в отношении Абхазии и Приднестровья, как регионов граничащих с Чёрным Морем	201
Натали Точчи. Роль ЕС на Кипре и в Сербии-Черногории: сведения для грузино-абхазского конфликта	228
Октай Ф. Танрисевер. Роль Турции в интеграции Черного моря и грузино-абхазский конфликт	246
Завершение встречи	289
Приложения:	291

All thirteen Russian publications and some English abstracts are available on the internet at <http://www.socsci.uci.edu/~cpb/progs/projpubs.htm>

The editors and project coordinators can be reached at the following e-mail addresses: pgarb@uci.edu; CHPAbkhazia@yahoo.com; paatazak@access.sanet.ge; Kaufmann@boell.ge

Полный текст всех тринадцати выпусков на русском языке и английские резюме некоторых из них можно найти в Интернете на сайте <http://www.socsci.uci.edu/~cpb/progs/projpubs.htm>

С редакторами и координаторами проекта можно связаться по электронной почте – вот их адреса: pgarb@uci.edu; CHPAbkhazia@yahoo.com; paatazak@access.sanet.ge; Kaufmann@boell.ge

FOREWORD

We present the 13th volume in the series of Georgian-Abkhaz dialogue conferences that were launched in 1997 by the University of California, Irvine with funding from the William and Flora Hewlett Foundation. Since 2004 participants from Russia and various international organizations have been involved in the dialogue process. The conferences have had bilateral, trilateral and multilateral sessions involving representatives of various international organizations.

The purpose of this project and its multi-year series of conferences and publications is to facilitate dialogues to help the sides in the conflict reach a mutually satisfactory peaceful resolution. The conferences help keep open the channels of communication between civil society activists, academics, journalists and policy makers from the two communities, and give them access to their counterparts in Russia and various international organizations. Because of the project's dedication to full transparency, the conferences also involve many more people in the dialogues through these publications and post conference meetings in each community.

This volume includes transcripts of presentations and discussions at the bilateral and multilateral conference held in Istanbul, June 24-27, 2006. The main topic was how Black Sea integration influences the prospects for resolution of the Georgian-Abkhaz conflict. As a consequence of the enlargement of NATO and the European Union, and—to a lesser extent—in connection with the European Neighborhood Policy (ENP), the Black Sea is increasingly becoming part of a united space of political and strategic importance. Romania and Bulgaria have already become members of NATO and will soon be joining the EU; Turkey is a NATO member and candidate for EU membership. Ukraine, Moldova and Georgia are being included into the ENP and are striving for NATO membership. Only Russia and the unrecognized republic of Abkhazia remain outside this framework. However, Russia is actively participating in the work of the Organization of the Black Sea Economic Cooperation (BSEC).

The first two days of the conference were dedicated to bilateral discussions of current issues in Georgia and Abkhazia, and developments in European integration from the Abkhaz and Georgian perspectives. The second part included the perspectives of experts from Russia, Turkey, and representatives of the EU and NATO.

Over a period of four days participants from Georgia and Abkhazia discussed among themselves and together with international guests on what conditions Abkhazia would like to or could become part of the integration processes around

the Black Sea, and which prospects would emerge for Abkhazia; and what impact these processes would have on resolving the Georgian-Abkhaz conflict.

Comments and presentations by international participants reflected a growing interest in the European Union to play a role, and to hear grievances on both sides. Discussions reflected serious differences of opinion among the Abkhaz, Georgian, and Russian participants about the realities and assessments of these processes. The controversies showed that the topic is relevant to all parties. The fact that no agreement was reached on many of the issues indicates the need to continue the discussions because joint analysis of complex regional issues from different perspectives can promote better understanding.

The conference was organized in cooperation with the South Caucasus representatives of the Heinrich Boell Foundation. Since 2004 this process has received major administrative and financial support from the South Caucasus Regional Office of the Heinrich Boell Foundation (www.boell.ge).

Arda Inal-Ipa

Centre for Humanitarian Programmes

Paata Zakareishvili

Center for Development and Cooperation

Paula Garb

University of California, Irvine's Center for Citizen Peacebuilding,
International Studies Program, and Department of Anthropology

Walter Kaufmann

South Caucasus Regional Office of the Heinrich Boell Foundation

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляем вашему вниманию 13-ый сборник материалов из серии конференций грузино-абхазского диалога, который продолжается с 1997 г. под эгидой проекта Калифорнийского университета (г. Ирвайн). Проект финансируется Фондом Уильяма и Флоры Хьюлетт. С 2004 г. в процесс диалога включились участники из России и разных международных организаций. В рамках конференций проводились двух-, трех- и многосторонние сессии с участием представителей разных международных организаций.

Целью данного проекта и его многолетней серии конференций и публикаций является диалог, который призван способствовать поиску взаимоприемлемого мирного разрешения конфликта. Благодаря конференциям поддерживается коммуникация между активистами гражданского общества, учеными, журналистами и политиками двух сторон и осуществляются контакты с партнерами и экспертами из России и из различных международных организаций. Проект обеспечивает полную прозрачность процесса благодаря публикациям материалов конференций, а организация последующих обсуждений внутри каждого сообщества позволяет подключить к диалогу широкий круг людей.

Данный сборник включает в себя презентации и дискуссии, прозвучавшие в рамках двусторонней сессии и многосторонней конференции, проведенных в Стамбуле 24-27 июня 2006 г. Главной темой данных встреч было влияние интеграции стран Черного моря на перспективы разрешения грузино-абхазского конфликта. Как следствие расширения НАТО и Евросоюза, и, в меньшей степени, в связи с Европейской политикой добрососедства (ENP), Черное море все больше становится частью объединенного пространства политического и стратегического значения. Румыния и Болгария уже стали членами НАТО и присоединились к Евросоюзу; Турция является членом НАТО и кандидатом вступления в Евросоюз. Украина, Молдова и Грузия включаются в ENP и стремятся стать членами НАТО. Только Россия и непризнанная республика Абхазия остаются за пределами этих процессов. Однако при этом, Россия активно участвует в работе Организации экономического сотрудничества стран Черного моря (BSEC).

Первые два дня конференции были посвящены двусторонним дискуссиям по актуальным вопросам, касающимся Грузии и Абхазии, а также по перспективам развития в рамках Европейской интеграции с точки зрения Грузии и Абхазии. Во второй части встречи были представлены доклады и выступления экспертов из России, Турции, ЕС, а также из Грузии и Абхазии.

В течение четырех дней участники из Грузии и Абхазии обсуждали между собой и вместе с гостями из разных стран вопрос о том, на каких условиях Абхазия хотела или могла бы стать частью процесса интеграции стран Черного моря, и какие в этой связи у нее могли бы появиться перспективы. Обсуждался также вопрос о влиянии интеграционных процессов в ЕС и сотрудничества в черноморском регионе на решение грузино-абхазского конфликта.

Комментарии и презентации международных участников отражали растущий интерес Евросоюза к региону, его желание играть более видимую роль и готовность выслушать обе стороны. Дискуссии выявили серьезные различия в оценке абхазскими, грузинскими и российскими участниками реальной ситуации в регионе, но в тоже время продемонстрировали актуальность поднятых вопросов. Тот факт, что не было достигнуто взаимопонимания по ряду вопросов, подтверждает необходимость продолжения дискуссий, поскольку такое взаимопонимание можно достичь путем совместного анализа сложных региональных проблем с разных точек зрения.

Конференция была организована в сотрудничестве с представителями Южнокавказского регионального офиса Фонда им. Генриха Бёлля, который с 2004 г. оказывает значительную административную и финансовую поддержку данному процессу. (www.boell.ge).

Арда Инал-Ипа

Центр Гуманитарных Программ

Паата Закареишвили

Центр Развития и Сотрудничества

Пола Граб

Центр Миротворчества; Калифорнийский университет, Ирвайн

Вальтер Кауфманн

Южнокавказский региональный офис Фонда им. Генриха Бёлля

24 ИЮНЯ 2006, СТАМБУЛ

Вальтер Кауфманн – Мы продолжаем обсуждать факторы, влияющие на грузино-абхазский конфликт. И в этот раз, я думаю, что мы еще добавляем очень важный или потенциально важный вектор – это вектор черноморской интеграции и вектор ЕС. Одному я очень рад, я думаю, что очень хорошо, что для многих из вас и из нас эти встречи уже стали рутинными, думаю, в этом нет ничего плохого, это очень положительно, очень важно, чтобы эти встречи продолжались и регулярно организовывались. С другой стороны, конечно, хорошо, когда появляются новые свежие моменты и свежие люди. И мне кажется, что нам в этот раз это достаточно хорошо удалось: пригласить новых людей, которые до этого не бывали на этих встречах, и мы будем обсуждать те темы, которые до сих пор не стояли в фокусе этих встреч. В связи с этим я ожидаю, что нам предстоит четыре дня очень интересных и живых обсуждений и дискуссий. Первые два дня в более традиционном и неформальном формате будут обсуждаться текущие грузино-абхазские дела и вопросы черноморской интеграции. Это будет нашей общей подготовкой более формальной последующей встречи.

Пола Гарб – Как вы все знаете, этот процесс идет уже долго, и большинство из присутствующих участвовали в калифорнийском проекте. Недавно я имела возможность быть в Вашингтоне вместе с Паатой, Давидом, Лианой и Лакербая, для нас было полезно узнать о взгляде на конфликт со стороны Вашингтона. Также было интересно участвовать в новом этапе нашей работы, когда можно было вместе с абхазскими и грузинскими коллегами участвовать во встречах в госдепартаменте, в USAID, было приятно, что у них было желание услышать нас и разобраться в нюансах. Теперь, на этой конференции жду обсуждения перспектив взаимодействия с Европой. Как вы знаете, и наши тома говорят об этом, наш проект открытый, прозрачный, мы сознательно шли на это с самого начала.

Паата Закареишвили – нашу работу сегодня мы начинаем с доклада Мананы Гургулия о современной ситуации в Абхазии.

Манана Гургулия

АБХАЗИЯ: ОБЗОР ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Драматизм и накал страстей, сопровождавший растянувшиеся на несколько месяцев выборы президента, постепенно пошел на спад. Жизнь в Абхазии стала возвращаться в обычное русло. Те, кто были в оппозиции, пришли к власти; а часть тех, кто был во власти, ушла в оппозицию.

Политические партии и движения, поддержавшие новые власти на выборах несколько отошли в тень. В первую очередь, это связано с тем, что их лидеры сами оказались во власти. Общественно-политические движения «Айтайра», «Амцахара» и «Единая Абхазия» формально существуют, но реально как политические институты почти ничего не делают, ограничиваясь отдельными заявлениями и обращениями. Перестала издаваться газета «Айтайра». Сегодня в Абхазии нет партии власти.

Вместе с тем, оппозиционные движения и организации, а точнее будет сказать отдельные личности, объединились в Форум Народного Единства. У оппозиции нет четкой программы и стратегии действий, при этом она очень внимательно следит за всеми шагами президента и правительства, критикуя их по любому поводу. В числе обвинений в адрес новых властей чаще всего звучат следующие: не выполнили предвыборные обещания о повышении зарплаты до 5 000 рублей; готовы распродать все; допускают возможность добычи нефти в Черном море до признания Абхазии; не отказываются от осуществления совместных с Грузией экономических проектов в ущерб национальной безопасности; отступают от внешнеполитического курса Владислава Ардзинба на независимость, международное признание и ассоциированные отношения с Россией. Более всего эксплуатируется последнее обвинение, хотя никаких оснований для этого нет. Если во время предвыборной кампании Багапша и его сторонников обвиняли в антироссийских настроениях, теперь звучат упреки в том, что они чрезмерно пророссийски настроены.

В республике издаются две крайне оппозиционные газеты – «Форум» и «Новый день», которые не обделяют своим критичес-

ким вниманием как власти, так и неправительственные организации, распространяющие якобы чуждые абхазскому обществу западные ценности.

Критический взгляд на действия властей, безусловно, полезен и нужен. Никто не отрицает необходимости существования оппозиции. Но бесконечные спекуляции на национальных интересах, государственной безопасности, образе врага, обвинение новых властей в предательстве идеалов свободы и независимости дестабилизируют общество.

По иронии судьбы, сегодня абхазскую оппозицию представляют многие из тех, кто несколько лет назад не допускал и мысли о правомочности существования оппозиции, преследовал первые оппозиционные движения и независимые средства массовой информации. «По большому счету, у нас нет оппозиции. Есть группа людей, отлученных от власти, из числа окружения первого президента, Эти люди успели конвертировать власть в собственность и боятся лишиться ее, а потому все их потуги сводятся к удержанию этой собственности», – считает депутат парламента Владимир Начач-оглы.

Весной 2007 г. предстоят парламентские выборы. Я полагаю, борьба будет очень острой. В Абхазии выборы проводятся по мажоритарной системе. Не раз поднимался вопрос перехода к смешанной пропорционально-мажоритарной системе, а это требует изменения избирательного законодательства, принятия закона о политических партиях. Медленными темпами идет процесс выдачи паспортов гражданина РА. Может случиться, что к выборам не все избиратели будут иметь паспорта и вновь возникнут те же проблемы, что и на президентских выборах.

Одним из главных предвыборных обещаний команды Багапша было обещание конституционной реформы, перераспределения полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти. Много говорилось о необходимости создания Счетной палаты, введения Конституционного суда, укреплении судебной ветви власти. Указом президента создана Конституционная комиссия по вопросам изменения действующей конституции. Специальная рабочая группа занимается анализом существующих и подготовкой новых предло-

жений по изменению и дополнению отдельных статей. Следует отметить, что сейчас взгляды президента и оппозиции по вопросу реформирования конституции в некотором смысле совпадают. И тот, и другие говорят о недопустимости кардинальных изменений и формировании темпов, об осторожном, взвешенном подходе.

В актив нынешних властей Абхазии можно засчитать относительную стабилизацию жизни общества, преодоление явного раскола, развитие экономических отношений с Россией, привлечение инвестиций не только в курортную сферу, но и в производство, увеличение собираемости налогов, восстановление дорог, материально-техническое оснащение правоохранительных органов, целевое расходование бюджетных средств, согласованную работу исполнительной и законодательной ветвей власти. Вместе с тем, не сняты с повестки дня вопросы реформирования системы власти, борьбы с коррупцией, снижения преступности и обеспечения общественного порядка. Реформы в судебной ветви власти, системе образования носят декларативный характер. Оставляет желать большего степень прозрачности приватизационного процесса.

Среди событий, произошедших в последние месяцы, следует выделить возобновление работы Координационного совета (КС) грузинской и абхазской сторон. 15 мая 2006 года в Тбилиси состоялась первая сессия возобновленного Координационного совета. Работа КС, созданного в 1997 г., была прервана из-за Кодорских событий в октябре 2001 г.

Открывая сессию, Специальный представитель Генерального секретаря ООН приветствовала инициативу грузинской и абхазской сторон о возобновлении деятельности КС. Хайди Тальявини отметила важность использования «всех существующих механизмов с тем, чтобы прийти к мирному урегулированию». Повестка дня встречи включала вопросы безопасности, внутренне перемещенных лиц и беженцев, а также социально-экономические вопросы.

КС принял решение «активизировать грузино-абхазский диалог и контакты, направленные на выработку и подписание пакета документов по вопросам неприменения силы и возвращения внутренне перемещенных лиц и беженцев, а также на продвижение этого диалога на более высоком уровне».

Май 2006 г. оказался богатым на визиты иностранных дипломатов в Абхазию. Вслед за высокопоставленной делегацией Группы Друзей Генсека ООН в Абхазию прибыли представители Фонда Маршалла. Несмотря на то, что это был второй их визит, поездка вновь оказалась ознакомительной. Так повелось, что приезжающие из разных стран и в разное время часто говорят одно и то же: «Мы хотим на месте ознакомиться с ситуацией и узнать позицию абхазской стороны относительно перспектив урегулирования конфликта». И это при том, что позиция Абхазии многократно озвучивалась.

«Наша позиция не изменилась со времени предыдущего визита делегации Фонда» (представители Фонда Маршалла приезжали в Абхазию в июне 2005 г. – М.Г.). Мы уважаем, мнение всех, кто приезжает в Абхазию и дает нам советы, в то же время для нас дороже всего мнение нашего народа, который на референдуме однозначно высказался за независимость Абхазии, и с этого пути мы не свернем», – сказал Сергей Багапш на встрече с представителями Фонда Маршалла.

23 мая – 24 мая Абхазию посетила делегация высокопоставленных дипломатов стран, входящих в Группу друзей Генерального секретаря ООН по грузино-абхазскому урегулированию. В состав делегации входили специальный дипломатический посланник по Восточной Европе, Центральной Азии и Кавказу МИД Германии Норберт Баас, представитель МИД Франции Фредерик Балеин дю Лоранс, посол по особым поручениям МИД России Михаил Бочарников, специальный представитель правительства Великобритании по Южному Кавказу Брайан Фолл, помощник Государственного секретаря США Мэтью Брайза.

Дипломатов интересовало мнение руководства республики по перспективам переговорного процесса, возвращению беженцев и обеспечению условий безопасности в Гальском районе.

«Абхазская сторона готова обсуждать любые вопросы в рамках переговорного процесса, в том числе долгосрочного характера, за исключением принципиально важного – независимости Абхазии, которая не может быть предметом политического торга», – заявил президент Сергей Багапш. Он отметил неэффективность политики изоляции Абхазии от внешнего мира, необходимость заключения

сторонами соглашения о международных гарантиях невозобновления вооруженного конфликта.

Высокопоставленные представители Группы друзей Генерального секретаря ООН по Грузии во время визита в Абхазию встретились с сотрудниками ряда неправительственных организаций Абхазии.

«Цель нашего визита в Абхазию – поддержать мирные инициативы, а также новые подходы к урегулированию», – сказал координатор Группы Норберт Баас.

«Наша задача – способствовать созданию доверия между конфликтующими сторонами и мирному урегулированию конфликта. Гражданское общество играет важную роль в этом процессе», – отметил немецкий дипломат.

Представители НПО говорили о важности развития демократии в Абхазии, защиты прав человека, безопасности в регионе, роли гражданского общества и его институтов, важности мирного урегулирования конфликта, праве наций на самоопределение. Представители абхазских НПО были единодушны во мнении, что народ Абхазии имеет право на независимое существование.

Председатель Ассоциации женщин Абхазии Нателла Акаба отметила, что Абхазия была введена в состав Грузии на правах автономии в 1931 г. Это стало возможным в условиях жесткого сталинского тоталитарного режима. «В то время как Парламентская Ассамблея Совета Европы осуждает тоталитаризм и выступает за скорейшее преодоление его последствий, международное сообщество, игнорируя волю народа Абхазии, пытается вновь вернуть республику в состав Грузии», – заметила она.

По мнению содиректора Центра гуманитарных программ Арды Инал-Ипа, международные структуры, участвующие в грузино-абхазском переговорном процессе, могли бы с большим вниманием отнестись к демократическим процессам, происходящим в Абхазии.

«На меня произвело впечатление, с каким вдохновением женщины говорят о своей стране, как они готовы защищать демократию в Абхазии», – отреагировал представитель Госдепартамента США на то, что большинство присутствовавших составляли именно женщины.

«Любые изменения границ должны происходить с согласия обеих сторон в конфликте. Мы же выступаем за укрепление доверия между сторонами, ускорение мирного урегулирования конфликта», – отметил американский дипломат.

14 июня 2006 года в Сухуме состоялась официальная встреча президентов Абхазии, Приднестровья и Южной Осетии. Эту встречу многие эксперты и журналисты назвали «саммит СНГ – 2».

С. Багапш, И. Смирнов и Э. Кокойты обсудили состояние сотрудничества между Абхазией, Приднестровьем и Южной Осетией, проблемы безопасности в Черноморско-Кавказском регионе совместное противодействие внешним вызовам, ход и перспективы политического урегулирования конфликтов. Руководители трех республик отметили недопустимость «нагнетания напряженности и провокации против российских миротворческих контингентов со стороны Грузии и Молдовы». «Любые односторонние действия по разрушению формата существующих миротворческих операций несут прямую угрозу миру и стабильности в нашем регионе», – отметил С. Багапш. Президенты РА, ПМР и РЮО были единодушны во мнении о необходимости дальнейшего углубления и расширения взаимовыгодных связей с Россией, а также активизации взаимодействия между республиками.

По итогам встречи Багапш, Смирнов и Кокойты подписали «Совместную Декларацию», в которой провозгласили создание Сообщества “За демократию и права народов”, «Совместное заявление о миротворческой деятельности», предусматривающее создание совместных миротворческих сил, а также Протокол, в котором нашли отражение конкретные поручения уполномоченным ведомствам сторон.

Среди целей Содружества были названы:

- завершение политико-правового оформления распада Союза ССР через признание международной правосубъектности РА, ПМР, РЮО;
- достижение общих задач исключительно мирными средствами и политическими методами, на основе взаимовыгодного и равноправного сотрудничества, конструктивного партнерства и взаимного уважения в отношениях со всеми субъектами международного общения;

- верховенство воли народа при принятии общегосударственных решений и недопустимость отказа от принципов суверенитета и независимости при ведении переговоров о политическом урегулировании;
- развитие и укрепление демократических институтов;
- уважение и защита прав человека независимо от национальности, расовой, культурной и языковой принадлежности, а также статуса государства его проживания;
- создание благоприятных условий для развития экономики Сторон во имя благополучия и процветания народов Абхазии, Приднестровья и Южной Осетии;
- сохранение и развитие культурной, национальной и территориальной идентичности народов Абхазии, Приднестровья и Южной Осетии.

«Создаваемое Сообщество не направлено против третьих государств или международных организаций и объединений», – отмечается в Совместной Декларации.

Несколько слов о «Ключе к будущему» или плане Багапша. Цель этих предложений, как отмечается в документе, – «окончательное, политическое, всеобъемлющее урегулирование грузино-абхазского конфликта и развитие добрососедских взаимоотношений между Абхазией и Грузией».

Основные предложения плана Багапша сводятся к следующим:

- Уровень доверия между сторонами значительно повысится, если Абхазское общество увидит, что в Грузии, вместе с демократическими реформами, произошла переоценка ошибок прошлого и новое руководство Грузии будет готово извиниться перед народом Абхазии за государственную политику по ассимиляции, войны и изоляции.
- Отказ от методов политического и экономического давления на Абхазию, в частности, отмена режима экономической и информационной блокады.

- Необходимость создания надежных мер, гарантирующих невозобновление военных действий.
- Прекращение грузинской стороной насилия в отношении граждан Абхазии в Гальском районе.
- Отказ Грузии от методов диверсионно-террористической войны.
- Абхазская и грузинская стороны выступают с заявлениями о сотрудничестве в области борьбы с организованной преступностью в приграничных зонах.
- Встреча президентов Абхазии и Грузии, на которой стороны открыто заявят о своем стремлении к исключительно политическим методам разрешения конфликта.
- При условии международных гарантий подписание мирного договора, отказ от угрозы применения силы или каких либо методов политического и экономического давления.
- Обеспечение сторонами безопасности на море, суше и воздухе. Это должно быть оговорено в мирном договоре.
- Международное сообщество, СБ ООН – должно стать независимым арбитром и способствовать осуществлению мер по обеспечению международных гарантий безопасности, невозобновления конфликта между Грузией и Абхазией.
- Грузия должна инициировать признание независимости Абхазии».
- Абхазия заявляет о готовности придерживаться перспективного плана, предложенного Управлением Верховного Комиссара ООН по делам беженцев. (Речь идет о процессе верификации грузинских беженцев – М.Г.).
- Абхазская сторона готова всячески развивать и укреплять процесс возвращения беженцев в Гальский район Абхазии, так как сама является инициатором данного процесса с марта 1999 г.
- Абхазия подтверждает готовность к реализации мер доверия, предусмотренных Сочинскими договоренностями 2003 г. в сфе-

ре возвращения беженцев, восстановления железнодорожного сообщения и реабилитации Ингурской ГЭС.

- Региональное сотрудничество Абхазии и Грузии в рамках «Стратегии Широкого Соседства Европейского Союза».
- Укрепление стратегического партнерства в области энергетики и борьбы с внешними угрозами.
- Использование европейских моделей экономического сотрудничества и развитие транскавказских коммуникаций отвечает интересам всех сторон в конфликте.
- В случае признания Грузией независимости Абхазии, ключом к будущему мирному сосуществованию двух государств может стать сотрудничество в четырех общих сферах – экономике, энергетике, безопасности, науке и культуре.

Реакция Тбилиси не заставила себя долго ждать. Советник президента Грузии по урегулированию конфликтов Ираклий Аласания заявил, что этим ключом невозможно открыть ни одну дверь.

В данном обзоре событий я затронула лишь небольшую их часть, вернее те из них, которые мне представляются наиболее важными. В республике много дискутируют по вопросу возобновления сквозного железнодорожного сообщения и создания консорциума Черноморских железных дорог. Принят новый закон «О гражданстве Республики Абхазия». Я уверена, мои коллеги дополнят меня и подробнее остановятся на этих событиях.

ОБСУЖДЕНИЕ

Лиана Кварчелия – К счастью, грузино-абхазские отношения, это не единственный вопрос, который волнует наше общество. Слава богу, мы заняты строительством своего государства, внутренним развитием. У нас сейчас, например, идет очень важная работа над конституционной реформой. Кстати говоря, рабочую группу по разработке поправок к Конституции возглавляет представитель непра-

вительственного сектора – Тамаз Кецба. Речь идет о предложениях по созданию Конституционного Суда, Счетной Палаты, о развитии независимой судебной системы, введении института омбудсмана и др. Мы с Мананой, незадолго до этой встречи, участвовали в круглом столе по вопросам реформирования Конституции, где поднимались все эти вопросы.

Инал Хашиг – О дорожной карте много говорили, но, фактически, как сказал наш министр иностранных дел, этот документ в Абхазии читали всего три человека. Из тех отрывков, которые можно было прочесть в Интернете, складывалось впечатление, что это более жесткий вариант плана Бодена, более прогрузинский вариант плана Бодена. Естественно, он никакого оптимизма не вызвал, что было связано и с тем, что много надежд абхазская политическая элита связывала с Ираклием Аласания, который год назад, даже не год, а месяц назад говорил совершенно другие вещи. Сейчас, как я понял по выступлению Ираклия Аласания, он расписался под тем, что его миссия главного переговорщика окончательно и безвозвратно закончена, и в глазах абхазов, в их восприятии он резко «девальвировал». Это уже пройденный этап, что-то нужно опять начинать заново. По крайней мере, если Ираклий Аласания воспринял абхазский документ как «ключ», которым никакую дверь не откроешь, то с нашей точки зрения, по предлагаемой «дорожной карте» дорогу не найти, у нас были такие аналогии. Несмотря на это, я думаю, есть возможности искать хотя бы мелкие детали, которые помогли бы найти точки соприкосновения в этих двух планах. Я не был бы категоричен и не говорил бы, что два этих плана нужно спустить в корзину. Надо искать что-то общее, надо начинать с каких-то кирпичиков.

Лиана Кварчелия – Мне кажется, что поспешность, с которой были сделаны грузинские предложения объясняется тем, что надо было хоть как-то отреагировать на абхазский «Ключ к будущему». А тот факт, что в грузинских предложениях не было ничего нового, наоборот, они были даже еще более жесткими, чем прежде – это отчасти отражение внутривнутриполитической борьбы в Грузии. Сегодня грузинские политики, тот же Ираклий Аласания, не могут говорить о дру-

гих подходах в силу внутривнутриполитической конъюнктуры. Складывается впечатление, что сейчас грузинские политики вообще не готовы обсуждать серьезные проекты, и потому отреагировали на абхазские предложения очень формально. Что касается абхазской стороны, мне кажется, что международное сообщество должно было более серьезное внимание обратить на тот посыл, который абхазский электорат дал мировому сообществу во время президентских выборов. И этот посыл заключался в том, что наш народ хочет сам определять свое внутреннее развитие. Это был важный момент и, к сожалению, внятной реакции на него не было.

Шалва Пичхадзе – Это не совсем так. Это не была спонтанная реакция грузинской стороны. Грузинская сторона работает над этим вопросом, у нее план был готов, может быть, какие-то коррективы были внесены после визита господина Шамба, но я бы не согласился с вами в том, что это была лишь реакция, это не так. Идет работа в этом направлении, какие-то планы составляются.

Давид Дарчиашвили – Что касается этих двух документов, того, что привез Аласания и того, что привез в Тбилиси Шамба. Конечно, стороны сразу стали обращать внимание на то, что неприемлемо с одной стороны и с другой стороны. Во время нашего визита в США я все время говорил, и сейчас повторяю, что я не вижу в ближайшем будущем какой-либо части грузинского политического общества, которая согласилось бы на независимость Абхазии, так же, как я не вижу с абхазской стороны какой-либо политической группировки, которая согласилась бы на отказ от независимости. Политики на это и обращают внимание. С моей точки зрения, мы со стороны неправительственных организаций, со стороны общественности, конечно же, обращаем внимание и на другое. И было бы хорошо, чтобы и политики, заявляя о том, с чем они никогда не будут согласны, обращали бы внимание на те положительные моменты, которые содержатся в документе «Ключ к будущему», о которых говорили Манана и Лиана. Об этом мы, наверное, еще поговорим. Я бы хотел вопрос задать господину Кристиану Бжания, который сказал, что прошло уже 12 лет и в абхазском обществе никакого интереса к событиям в Грузии – как они раз-

виваются, что там происходит нового в плане демократии, экономики и т.д. – нет. Я бы хотел получить ответ на один вопрос. Кого вы подразумеваете под определением «абхазское общество», правда ли, что никакого интереса нет ни в каких кругах? И, во-вторых, если это так, если и вы тоже так думаете, то имеет ли смысл заслушивать доклад Георгия Хелашвили о том, что происходит в Грузии?

Паата Давитая – Я хотел бы высказать мнение по тем документам, которые были представлены с абхазской стороны и с грузинской стороны. Я хочу сказать, что я сожалею, что с грузинской стороны был представлен такой пакет документов, я заранее знал, что абхазская сторона не согласится с этим. Нужно знать психологию того народа, который проживает сегодня на территории Абхазии, и с точки зрения тех лиц, нас, которые там проживали, я прекрасно понимаю позицию абхазской стороны. Я хочу согласиться с господином Дарчиашвили, который сказал, что нет в Грузии людей, которые бы сказали, что они согласны на изменение территориальной целостности Грузии, и нет людей в Абхазии, которые согласны были бы отменить свою независимость. Давайте на сегодняшний день этот вопрос снимем с повестки дня и будем обсуждать, как и какие вопросы можно находить, чтобы выйти из этой ситуации. Если мы будем представлять такие документы, как «Дорожная карта», я еще раз подчеркиваю, что я сегодня не только себя представляю, а очень многих людей, которые проживали в Абхазии... Когда я приеду в Тбилиси, то проведу специальную конференцию, на которой будут присутствовать только беженцы, и мы будем обсуждать этот вопрос. Я думаю, что исходя из этих точек соприкосновения и тех лиц, которые проживали здесь, мы, я думаю, легче найдем ответы на какие-то вопросы. Я полностью поддерживаю тот подход, который стоит на сегодняшний день, о включении европейских структур в решение этого конфликта, и чтобы на арене Европы стоял вопрос о создании какого-либо документа. Вот госпожа Гургулия говорила о том, как обсуждается вопрос о железной дороге. Я прекрасно понимаю, почему существуют опасения с абхазской стороны. Я хочу сказать, что я не поддерживал открытие железной дороги, и очень многие грузины не поддерживают этот план. Как известно, я пользуюсь информаци-

ей Апсныпресс, стоит вопрос о создании открытого типа акционерного общества. Я просто не могу понять, как в этом открытого типа акционерном обществе будет представлена, чисто юридически, абхазская сторона, как она будет владеть акциями – как государство, которое не признано? Очень сложно об этом говорить. Если мы так будем продвигаться по железной дороге, тогда, вы знаете позицию Азербайджана, которая была высказана два-три дня тому назад парламентом. Вы знаете, что очень много людей будет против этого. Эти начинания сразу ведут к тупику, потому что неправильно начинают решаться проблемы, а именно то, что сразу выдается формула, которая ни к чему не приведет, ни к какому решению, а просто будет разговор, и потом так это все и остается, и в течение 14 лет мы это видим. Мы не можем привести в пример ни один проект, который осуществлялся бы на государственном уровне, а не на уровне народной дипломатии и неправительственных организаций. Если мы чаще будем все это обсуждать, а именно, если абхазская сторона поставит вопрос о том, чтобы в этом процессе участвовали люди, которые близко знают эту проблему, я имею в виду население, которое там проживало. Все не могут, конечно же, в этом участвовать, я имею в виду тех, кто хорошо понимает эти вопросы. Вместе мы будем находить точки соприкосновения. Есть в грузинском населении, которое изгнано из Абхазии, люди, которые так думают, которые готовы говорить о решении совместных проблем. Если мы будем из этого исходить, я еще раз подчеркну, на данном этапе уйдем от обсуждения вопроса о территориальной целостности, можно к чему-то прийти. А если мы будем формулы предлагать, конечно же, грузинская сторона никогда не будет принимать документы с абхазской стороны, где сказано, что надо извиняться или, скажем, надо признавать независимость Абхазии. То же самое, абхазская сторона никогда не примет документ, где сказано, что исходная точка – это территориальная целостность Грузии, так что, если мы начинаем диалог, мы должны находить какие-то другие точки соприкосновения и потом уже продвигаться, и потом к чему-то придем. Большое спасибо.

Вахтанг Колбая – Я представляю организацию «Кавказский диалог», есть такая неправительственная организация в Тбилиси, в ко-

торой объединились люди, с которыми вы часто встречаетесь. Для меня важно услышать в Стамбуле мнение моих коллег из Тбилиси, имеющих влияние на общественное мнение в Грузии, а также о процессах, происходящих в Европе за последнее время, и я думаю, что это должно быть интересно и для наших коллег из Сухуми. Если бы здесь был представитель официальных структур в Тбилиси, то на те вопросы, которые поднимала уважаемая Манана, а она все-таки представляет официальную структуру в Сухуми, был бы какой-то более или менее официальный ответ, который был бы более легитимным, скажем так. То мнение, которое мы высказываем сейчас, и та информация, которую будет представлять уважаемый Хелашвили, это будет позиция не представителя власти. Я не хотел бы по существу обсуждать тему этих документов, но вместе с тем, не могу не подчеркнуть, что сама Манана немного критически относится к этим документам. Я согласен с ней в том, что некоторые моменты, оценки в нем устарели. И тема блокады. Очень много внимания историческим моментам там уделяется. Конечно, мы все были готовы, и я в том числе, что в этом документе не будет того, чего ждали в Тбилиси. Это вполне понятно, и в Сухуми тоже должны были ждать того, что было сказано в Дорожной карте. Каждая из сторон остается при своих интересах. Естественно, когда мы говорим о политическом мирном урегулировании вопроса, каждый говорит о своем видении. В Сухуми видят признание независимости, в Тбилиси видят восстановление территориальной целостности. Поэтому, если мы психологически не будем к этому готовы и будем питаться иллюзиями, по поводу того, что завтра будет так, как обе стороны хотят, то это означало бы обманывать самих себя. Поэтому, может быть, действительно прав был Паата Давитая в том плане, что говорить надо о тех моментах, которые нас сближают. Я готов согласиться с некоторыми выдержками из документа, который представил Шамба. Что-то в начале документа, что-то в конце, что-то в середине – о процессах, которые сближают, которые являются ценностью, которые говорят о проблемах, тревогах, рисках, которые есть у населения Абхазии и т.д., и т.д. С моей точки зрения, я ее никому не навязываю, хоронить эти документы, отказаться напрочь, было бы не совсем продуктивно. Тот же Брайза, кото-

рого вы упоминали, не говорил конкретно о том, что один или другой документ очень хороший, он сказал, что в этих документах есть точки соприкосновения, вернее, те моменты, которые могут послужить новым импульсом для создания еще одного документа. Мы в таком положении, что сейчас решать «коленкором» эту тему, не приходится. Меня, конечно, очень огорчило прозвучавшее здесь, что абхазское общество сегодня не интересуется происходящими событиями в Грузии, в Тбилиси. Я бы не согласился с этим, зная, опять же, из ваших уст, читая абхазскую прессу. Но, в любом случае, если мы останемся с этим настроением, не перебором себя и не дадим импульс новому пониманию процессов, это само по себе очень плохо. И последнее, опять же возвращаясь к теме документов. С главными постулатами соглашаться, это значит, мы подвергаем риску то общество, вернее, ту власть, которую мы имеем. И поэтому всегда стоит проблема легитимности власти, и в Тбилиси, и в Сухуми. Я хочу сказать, что, если общество будет готово к тому, чтобы дать возможность властям, которые оно избрало, принимать те решения, которые они считают нужными, то этот процесс, наверное, пойдет вперед. Но на данном этапе надо считаться с реальными вещами. Сказать сегодня в Абхазии, что они согласны войти в состав Грузии – это значит, что правительство Багапша подвергает себя большому риску. То же самое, сказать сегодня президенту Саакашвили, что мы согласны с независимостью Абхазии, это значит, что завтра эта власть будет стоять перед совершенно другими проблемами, поэтому исходить надо из реальных, конкретных вещей и явлений. Спасибо.

Кристиан Бжания – я действительно еще раз хочу свою мысль повторить, я не оцениваю ее, я не говорю, что это плохо или хорошо или, что надо с этим делать, я говорю о факте. Я констатирую факт, что процессы внутригрузинского политического, общественного строительства, вопросы о том, какая в Грузии существует форма правления страной – это не интересует абхазское общество. То есть, нас не интересует, по какой системе вы выбираете свой парламент, как вы выбираете своего президента, что там у вас происходит, каковы полномочия у местных органов власти, такие вещи нас не интересу-

ют, у нас свои проблемы. Я скажу, почему еще более утрачиваются элементы доверия, если они существуют. Мы увидели, какая автономия у вас в Абхазии сегодня – ее нет. Господин Вахтанг Колбая не даст мне солгать, он депутат довоенного парламента Абхазии, и тогда речь шла об этой автономии. Без конца говорится «широчайшая автономия, широчайшая автономия», хотя бы когда-нибудь можно было назвать размеры этой рубашки? Теперь уже эта одежда никого не интересует. Вы же прекрасно помните, уже после военного конфликта мы чуть было не подошли к созданию некоего единого союзного государства, и это все было отвергнуто грузинской стороной. Поэтому мы действуем по принципу наибольшего противостояния всему. Потому что всегда предлагается все одно и то же. Я уверен, что и вам бы это не понравилось, будь вы на месте абхазов.

Что касается доклада Хелашвили, мне, например, действительно он интересен. Я вам скажу, почему. Я говорил об обществе в целом – а здесь присутствуют люди, которые прямо или опосредованно формируют общественное мнение, лучше его знают, каким-то образом систематизируют. Общение с моими грузинскими коллегами действительно для меня имеет значение, и я буду иметь некое представление о том, какова сегодня там власть и каково окружение власти, каковы коридоры, насколько они узки или широки. Это тоже мне нужно, я не на рынке буду обсуждать эти разговоры, они мне нужны в практической работе.

Давид Дарчиашвили – что и требовалось доказать. Значит, кому-то хоть что-то интересно.

Батал Табагуа – я ничего нового не скажу, просто добавлю. Дело в том, что в данный момент инициировал интерес господин Кауфманн со своим фондом и Пола Гарб. А так, по большому счету, я с Кристианом согласен. Я сказал бы, не определенная часть абхазского общества, интеллигенция и т.д., а достаточно маленькая прослойка людей интересуется этим делом. Абсолютно не потому, что нет любви или нелюбви – нет. Это просто не интересно, потому что они не видят ни в ближайшее время, ни в будущем никаких отношений, кроме того, что это государство существует по соседству, иногда пакостит,

не более и не менее. Я думаю, мы здесь должны правду сказать друг другу, правильно? Это может быть приятно или неприятно, но лучше об этом знать. Поэтому повторю, что это никого не интересует, с Кристианом я согласен, кроме тех, кто узко этим занимается. Если бы не было этих международных организаций, которые иницируют эти встречи, то уверяю вас, ни с вашей, ни с нашей стороны, не было бы никаких встреч. С моей личной точки зрения, я считаю, что встречи нужны, но я не считаю, что нужно заходить слишком глубоко. При всех этих встречах менталитет друг друга мы знаем, и ваш мы знаем, и наш вы тоже знаете. Мы можем красиво говорить, и т.д., и т.д. и тому подобное, но внутренние отношения друг к другу мы тоже знаем, далеки, как говорится, от любви. Я думаю, что ближе к ненависти, по большому счету, скажем правду. А в обществе, на мой взгляд, я могу ошибаться, еще хуже, есть очень большая категория, которая просто не хочет разговаривать и не будет разговаривать. И Лиана как-то дипломатично сказала, что не все в обществе понимали организацию этих встреч. Более того, просто, большой авторитет некоторых людей, которые начали организовывать эти встречи, позволил им избежать того, чтобы стать персонами нон грата в Абхазии. И подключение многих международных деятелей, которые имеют достаточно серьезный авторитет, не буду указывать пальцем, на которых не могли в обществе сказать, что они могут сделать нашему обществу плохо. То есть, до начала этой деятельности они делали так много хорошего для абхазов, что в нашем восприятии, в абхазском, не было бы этично сказать этим людям, что, мол, прекращайте этот разговор. Только это позволило продолжать процесс. Я хочу сказать, что это реальность. Но я брал слово не для этого, а чтобы отреагировать на слова господина Давитая по поводу железной дороги. Вы знаете, у нас совершенно разные подходы к вопросу о том, быть железной дороге в Абхазии или нет. Относительно того, что вы сказали, я могу ошибаться, но я думаю, там другая собака зарыта. Вам не интересно, чтобы была железная дорога чисто из экономических соображений, потому что это Абхазии принесет какую-то пользу. Я с вами согласен. Я бы на вашем месте сказал бы то же самое. Если мой враг от этого будет иметь прибыль, от этого ему будет хорошо, я не хотел бы, чтобы у него это было. У вас такой же

подход. А то, что вы говорите о переговорах, об акционерном обществе, вы говорите как юрист, я тоже юрист. Вопрос в том, что признанные мы или не признанные, но вы ведь с нами сидите на переговорах? Сидите. То же самое, будете сидеть и в акционерном обществе, если это надо будет. Вопрос в том, это надо или не надо. Вот если надо, вы будете сидеть, если не надо – не будете сидеть. Вы примете, вы войдете в акционерное общество, если это нужно будет. Здесь правовой момент не первостепенен. Очень много правовых моментов, принятых международным сообществом в отношении многих вещей, которые потом это же сообщество отменяло и принимало решения. Так что, это отклоняется. То, что вы говорили о возможности иска по поводу ущерба, иск вы подали. Давайте, чисто по-человечески. Вы на меня жалуетесь, что я такой нехороший негодяй, а потом хотите со мной сидеть, переговоры вести. Но как это возможно? Насколько я вас понял, вы предлагаете, чтобы в этом переговорном процессе как-то были заинтересованы беженцы. Т.е., вы хотите облить нас грязью, сказать, «вы негодяи и мерзавцы, вы нас выгнали, вы нам должны заплатить» и при этом предлагаете – «через нас ведите переговоры». Вы поймите правильно, в абхазском обществе, не обижайтесь, это не только мое личное мнение, а многих, вообще кроме государства Грузии и ее официальных властей, все остальное, все, о ком вы говорите, беженцы и т.д., для нас – нет. Для вас, конечно, есть, а для нас нет – это те же граждане грузинского государства. И когда мы разговариваем с одними, то подразумеваем всех вместе. Разговариваю с вами, подразумеваю всех остальных тоже. Может быть, вы правы это не правовая оценка, правовой подход – это другой вопрос. Если Вахтанг Колбая помнит нашу встречу в Лондоне, то я там сказал, что я не верю. Сколько бы мы не встречались, вы всегда говорите, давайте решать экономические проблемы. Такой, ведь, у нас разговор всегда идет. Ну, хорошо, не признали друг друга, но давайте как-то решать вопросы. Недавно я прочел статью о том, как посол Турции в Грузии во время посещения Абхазии встречался с президентом и сказал, давайте возобновим сообщение, пустим корабль и т.д. А потом я читал вашу статью по этому поводу, что ни в коем случае этого делать нельзя, как это так, без грузинских властей? Обязательно через Грузию и т.д. Могу текст прислать. Не

воспринимайте меня так, будто я кого-то обвиняю, я не имею права и не намерен, вопрос абсолютно не в этом. Это наша сущность – и моя, и ваша. На встречах мы говорим одно, но когда дело коснется другого, чтобы это было не в пользу Грузии, а в пользу Абхазии, мы начинаем действовать так. Вот о чем идет речь. Мы, к великому сожалению, я здесь с вами согласен, видимо, не созрели до такого уровня, чтобы могли откровенно говорить и откровенно принимать решения. Для этого, видимо, мы должны в такое состояние войти, когда необходимость какая-то вызовет, чтобы она была полезна и для вас, и для нас, и тогда мы будем решать, уверяю вас, без всяких признаний и т.д. Когда речь встанет о выгоде для государства, когда будет серьезная мотивация, все эти моменты отпадут. А потом у нас есть, честно говоря, прецедент, вы знаете, как юрист, что это дело хорошее. У нас есть хороший прецедент: вы видите, сколько государств появилось? Мы тоже получим свое, ну, чуть позже будет, чуть раньше будет, это вопрос времени, почему этого не должно быть в отношении абхазского общества? Они, слава богу, достаточно видят, что в мире происходит, видят, что – там дали, там помогли, там получили, то почему абхазы не должны свою государственность получить? Вы знаете, теффы, брайзы приезжают, уезжают, а мы с вами остаемся в конечном итоге здесь. Мы знаем и ожидаем, что будет такое – вы свое и мы свое. К великому сожалению, у меня такая точка зрения, она может быть правильная или неправильная.

Лиана Кварчелия – Паата и Батал затронули интересную тему. Я часто слышу, особенно от грузинской стороны, призыв оставить в стороне вопрос политических взаимоотношений, и заниматься другими вопросами. И с абхазской стороны есть люди, которые считают, что, может быть действительно лучше сейчас не затрагивать политические вопросы, а пытаться сотрудничать в других областях, например в сфере безопасности, экономики и т.д. Во всяком случае в последние годы в переговорном официальном процессе так и было. Но если даже отойти от вопросов территориальной целостности или признания независимости Абхазии, то все равно, все, чтобы не предлагала, к примеру, абхазская сторона воспринимается Грузией как движение в сторону независимости. Допустим, мы говорим, об эко-

номическом сотрудничестве, но при этом не хотим ограничивать себя только отношениями с Грузией. Дайте нам возможность быть открытыми миру и строить экономические отношения с разными странами, в том числе с Грузией, но не только с Грузией и не только с Россией. Кстати говоря, в результате изоляции Абхазии, которой так упорно добивалась Грузия, у нас отношения развиваются только с Россией. Правда, нелегально, с Грузией тоже идет торговля. Попытки Грузии ограничивать нас и изолировать от всего внешнего мира естественно воспринимаются в Абхазии как попытки втянуть Абхазию в орбиту Грузии. Получается, что, уйдя от политических вопросов, в сухом остатке мы имеем не так уж много: то, что представляет обоюдный прагматический интерес – Ингургэс. Таких областей, представляющих взаимный интерес не так много. Безопасность, по сути, должна быть взаимным интересом, особенно в приграничном Гальском районе. Но у меня нет ощущения, что к этому вопросу относятся серьезно, кстати говоря, и с одной, и с другой стороны. Грузинские власти заинтересованы в дестабилизации ситуации в Гальском районе, а у абхазских властей нет политической воли, чтобы навести там должный порядок. Что касается независимости, то нужно понимать, что для Абхазии, для абхазского народа независимость – это не идея фикс, она, в том числе, имеет прямое отношение к нашей безопасности. Я думаю, по крайней мере, надеюсь, что для Грузии НАТО и интеграция в Европейский Союз – это тоже не идея фикс. Я очень надеюсь, что Грузию привлекает не идея с помощью НАТО восстановить территориальную целостность, а скорее европейские ценности. Для чего Грузия хочет, собственно говоря, идти в Евросоюз? Вот вы сказали о подключении европейских структур к урегулированию конфликта. Если европейские структуры будут предлагать тот же подход, основанный на признании одного принципа – территориальной целостности, и на исключении другого принципа – права наций на самоопределение, то я думаю, ничего вообще не изменится. Я вижу, как раз участие европейских структур в том, что они будут способствовать тому, чтобы внутривнутриполитические процессы и в Грузии и Абхазии проходили в соответствии с теми стандартами, которые существуют в Европе. Программа европейского соседства предназначена для признанных государств, она предполагает рефор-

мы и помощь со стороны ЕС в разных областях. Мы, в принципе, без этой поддержки сами берем на себя инициативу по реформированию государства в соответствии с международными стандартами. Что касается участия ЕС в урегулировании конфликта, то я надеюсь, что все-таки в ЕС будет разработан иной подход, не привязанный жестко к принципу территориальной целостности, как это все эти годы происходило в процессе под эгидой ООН.

Манана Гургулия – Хочу всем напомнить, что у нас еще три дня работы, где мы будем очень подробно говорить о европейских структурах и о роли России, поэтому я старалась не очень подробно говорить на все эти темы, иначе потом нам придется повторяться. А что касается той части дискуссии, которая уже прошла, то мне хотелось бы остановиться на нескольких моментах. Первое, отметить оба документа или не отметить, вот, Кристиан сказал, что оба документа умерли, я бы не совсем с этим согласилась, в любом случае, по крайней мере в абхазском документа какие-то предложения есть. Мне не нравится как он сработан, склеен, но там есть идеи и они, собственно, останутся, я думаю, они могут перейти в какой-то другой документ, и обсуждать мы их будем, поэтому простим тем, кто его писал редакторские неточности, но какие-то смысловые вещи там важны и мы их обсуждать будем и дальше. Мы тут долго обсуждали, интересно ли абхазам, что происходит в Грузии, или наоборот, и задались вопросом, будем ли мы слушать доклад Хелашвили или нет? Доклад Хелашвили мы будем слушать. Собственно, когда мы говорим об интересе, вот когда мы смотрим блок вечерних новостей и о какой-то очень дальней стране что-то там узнаем, если следовать логике, что ничего не интересно, мы все должны выключать. Мы смотрим, но у нас либо чисто познавательный интерес, а что вообще в мире происходит? С другой стороны, какую-то информацию мы пропускаем через себя, потому что это может быть связано с личной безопасностью, общественной безопасностью, с тем, что процессы, происходящие далеко от нас затронут и нас. Поэтому то, что происходит в Грузии, с одной стороны, может быть, и не интересует абхазов, как-то они индифферентны в этом отношении. Но с другой стороны, в Абхазии по данным не переписи, а учета населения, 41 тыся-

ча грузин только в одном Гальском районе. Их-то хотя бы интересует то, что происходит в Грузии, поэтому не нервничайте. Нас тоже интересует то, что у вас происходит, не в том плане, что это будет способствовать укреплению нашей государственности, но в силу хотя бы того, что Абхазия и Грузия – соседи и нужно знать, что происходит рядом, через реку Ингур. Способствует это стабильности в регионе, либо наоборот, дестабилизирует ситуацию, существует хотя бы вот такой жизненный интерес. Теперь еще одна реплика по поводу моего выступления. Я в данном случае не выступала как государственный чиновник, хотя я возглавляю информационное агентство, и там меня не воспринимают, как государственного чиновника. А по вопросам, которые мы здесь обсуждаем, грузино-абхазских отношений, я не увидела никаких радикальных различий между тем, что говорят НПОшники и говорят чиновники. Поэтому в данном случае вы могли меня воспринимать и как НПОшники, и много чего еще я могла рассказать о том, что происходит в Абхазии, в том числе и в критическом ключе.

Лиана Кварчелия – В первой половине дня мы несколько отвлеклись от непосредственной темы доклада Мананы и ушли больше в сторону грузино-абхазских отношений. Многие, я уверена, хотели бы высказаться и отреагировать на те комментарии и реплики, которые здесь прозвучали. Такая возможность будет. А сейчас дадим возможность выступить Георгию Хелашвили и рассказать нам о том, каковы новые тенденции в политической жизни Грузии, как он их оценивает. Нам действительно интересно узнать, что происходит сегодня в Грузии, и как это отразится на грузино-абхазских взаимоотношениях.

Георгий Хелашвили

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ГРУЗИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРЕШЕНИЯ АБХАЗСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Введение

В этой статье ставится задача проанализировать складывающуюся ситуацию в Грузии. Она состоит из четырех частей. После общей характеристики политических процессов, в статье предлагается обзор главных действующих лиц грузинской политики. В последующей главе будут рассмотрены главные темы и проблемы как внутренней, так и внешней политики, а в конце статьи будут охарактеризованы главные подходы к урегулированию абхазской проблемы.

Главная тема статьи выяснить, как внутренняя политика Грузии влияет на перспективы разрешения конфликта в Абхазии.

Общая политическая ситуация в Грузии

Наверное, самая характерная черта нынешней политической ситуации в Грузии – консолидация власти в руках президента Саакашвили и его окружения. Власть Саакашвили выгодно отличается динамизмом и, в отличие от его предшественника, большей эффективностью в управлении государством.

Политическая оппозиция Саакашвили остается расколотой и слабой – и становится все более и более радикальной, особенно в методах политической борьбы, мотивируя свою радикализацию все более авторитарным стилем поведения правительства.

Между тем, главной внешнеполитической проблемой остается отношения с Россией. Отношения между двумя странами натянуты по трем основным причинам. Прежде всего, из-за стремления Грузии стать членом НАТО, что воспринимается Москвой посягательством на свои интересы в вопросах региональной безопасности. Вторая причина натянутости в российско-грузинских отношениях – различие в подходах к урегулированию конфликтов и роли

российских миротворцев в Абхазии и Южной Осетии. Третья причина обострения традиционно непростых отношений между двумя странами – появление в Грузии политических партий, напрямую связанных с грузинскими политэмигрантами в России (и, предположительно, с российскими спецслужбами), в частности, с бывшим министром госбезопасности Грузии Гиоргадзе. Правительство Саакашвили имеет основания предположить, что эти политические партии собираются незаконным путем поменять политический режим в Тбилиси.

Одной из самых больших проблем руководства Грузии остается тяжелая экономическая и политическая ситуация в стране, обусловленная политической нестабильностью, нехваткой инвестиции и фактическим эмбарго на грузинский сельскохозяйственный экспорт и частичной транспортной блокадой со стороны России.

Правительство старается решить экономические проблемы путем универсального применения приватизации, как наиболее эффективного средства вывода экономики из стагнации, но пока без существенных успехов.

Фактор развития демократии в стране становится одним из самых противоречивых тем политического дискурса. В то время, когда правительство апеллирует на необходимость реформ и модернизации общества, оппозиция все более жалуется на притеснение средств массовой информации, игнорирование мнения общественных организаций, неправомерных действий силовых ведомств, включая ликвидацию подозреваемых полицией и т.д.

Демократизация грузинского общества остается проблематичной также из-за чрезмерной концентрации власти в руках исполнительной ветви правительства за счет особенного ослабления парламента, а также все возрастающего влияния исполнительной власти на судебную власть, которая остается слабой и коррумпированной.

Политический консенсус среди политических сил основывается на прозападной ориентации Грузии и на курс на скорейшее вступление в НАТО. Членство НАТО рассматривается, как средство нейтрализации российских притязаний.

Главные действующие лица грузинской политики

Популярность и влияние грузинского президента на политическую ситуацию в Грузии остаются довольно высокими, несмотря на экономические и политические проблемы и вопросы, связанные с демократизацией.

Несмотря на то, что Саакашвили лично вмешивается во многие политические и общественные вопросы, он все больше берет функции арбитра внутри своего-же окружения. Хотя правительство все время пытается демонстрировать единство и «командный дух», время от времени появляются спорные вопросы внутри окружения Саакашвили, которые приводят либо к громким отставкам, либо к публичным выяснениям отношений.

Самым популярным министром кабинета Саакашвили остается министр обороны Ираклий Окруашвили. Его патриотическая риторика вкуче с благосклонным освещением его деятельности телекомпанией Рустави-2 (большинство акций которой принадлежит близкому другу Окруашвили), рейтинг министра обороны остается стабильно высоким. Окруашвили также является главным «ястребом» грузинского правительства – самым бескомпромиссным деятелем в вопросах урегулирования конфликтов и в отношении к российским миротворцам, а также в вопросах отношений с Россией в целом.

Особым доверием президента и влиянием в правительственных кругах пользуется глава «суперминистерства» Внутренних Дел и Безопасности Вано Мерабишвили. Несмотря на серию громких дел, связанных с неправомерной ликвидацией подозреваемых, а также, несмотря на крайне низкий политический рейтинг, Мерабишвили уверенно конкурирует с министром обороны за влияние над процессом принятия решений в окружении президента.

Экономическая политика правительства осуществляется государственным министром по экономическим реформам Кахой Бендукидзе. Он курирует процесс приватизации и контролирует и регулирует государственное имущество.

Политическая подпорка Саакашвили – партия «Объединенное Национальное Движение» – является скорее механизмом для улучшения общественных связей президента, чем аппаратом выработки стратегического политического курса страны.

Позиции спикера парламента Грузии Нино Бурджанадзе сильно ослабли со времен “Революции Роз”. Несмотря на то, что спикер парламента все время старалась укрепить свои позиции во властных структурах, ее влияние распространяется только на тех членах партии власти, которые попали в парламента по спискам спикера Бурджанадзе и которые исправно голосуют за решения, принятые “меньшинством большинства” парламента, т. е. несколькими депутатами, особо приближенными к президенту – в первую очередь, Георгием Бокерия. Ослабление позиций спикера парламента также обусловлено и падением ее рейтинга среди населения Грузии – в основном из-за безоговорочной поддержки политики Саакашвили со стороны Бурджанадзе и слухами о ее не совсем легитимном семейном бизнесе в прошлом.

В общем и целом, позиции парламента и сама идея парламентаризма в Грузии изменились – и далеко не в лучшую сторону. Сегодня можно сказать, что исполнительная власть почти целиком доминирует над законодательной властью и никаких изменений в этом направлении не предвидится.

Демократизация Грузинского государства, а также общественная стабильность в определенной мере все еще зависят от оппозиционных политических партий, которые традиционно исполняли функции “сторожевых псов” демократии. Несмотря на политическую активность партий, они традиционно очень мало влияют на выработку как внутреннего, так и внешнего курса государства. Их основной целью обычно должна быть конструктивная критика правительства, но в последние месяцы почти все оппозиционные политические партии перешли на почти радикальные позиции, проповедуя идею досрочной смены правительства, в том числе и мирными, но непарламентскими методами.

Помимо правящей партии – “Объединенное Национальное Движение”, главными политическими партиями, задающими тон в грузинской политике являются республиканцы, «Новые Правые» (которые предпочитают называть себя Новыми Консерваторами в официальных документах), промышленники, лейбористы, консерваторы, партия бывшего министра иностранных дел Саломе Зурабишвили “Грузинский путь”, и партия “Справедливость”.

Главные политические вопросы, вокруг которых идет спор между политическими партиями – это их отношение к вопросам национализма (в том числе и нерешенных конфликтов в Абхазии и Южной Осетии), экономической политики и вопросам отношений с Россией.

Среди этих проблем, вопрос отношений с Россией вызывает наименьшие трения среди грузинских политиков. Единственная партия, которая в открытую поддерживает смещение внешнеполитического вектора, это партия “Справедливость”, которая ассоциируется с отставным шефом грузинской разведки Игорем Гиоргадзе и пользуется минимальной поддержкой населения страны.

С экономической точки зрения, большинство политических партий декларирует приверженность к “правым” идеям. В первую очередь под этим подразумеваются примат рыночной экономики и неприкасаемость частной собственности (за исключением Лейбористской партии). Но, тем не менее, те же партии преподносят себя сторонниками крупных социальных программ для населения, половина которого живет за чертой бедности.

С точки зрения отношения к национальному вопросу, к конфликтам и к принципам государственного устройства Грузии, партии четко не делятся на лагеря “голубей” и “ястребов”. Некоторые из них, например, лейбористы, пытаются не связывать себе руки на основе какой-нибудь одной позиции и пользоваться любым поводом для критики правительства. Другие, как, например, республиканцы, разделяют последовательную либеральную политику в отношении конфликтных регионов, даже за счет снижения политического рейтинга своей партии среди беженцев или националистически настроенных избирателей. Позиция “партии власти” основывается на тезисе о том, что решение конфликтов должно произойти мирным путем.

Еще одной точкой отсчета политических взглядов различных партий является вопрос места государственных структур в обществе. Главными, в этом контексте, являются вопросы масштаба влияния силовых министерств в правительстве, и в целом в обществе и, в меньшей степени, вопрос вмешательства правительства в экономику, в особенности, с целью обеспечения непрерывного роста национального бюджета. Если Республиканцы, Промышленники и Новые Правые критикуют правительство Саакашвили за чрезмерную “экс-

проприацию” средств от деловых кругов, то Лейбористы, как единственная последовательная левая партия, напротив, выступает за передел собственности за счет зажиточных слоев населения (кстати, левая ориентация Лейбористов совершенно не мешает их культурному консерватизму, особенно, в вопросе защиты православных устоев грузинского общества).

Обособленной группой игроков в грузинской политике можно считать зарегистрированные международные организации и зарубежные посольства, аккредитованные в Тбилиси. Принимая во внимание всю серьезность заявлений грузинского правительства о демократических преобразованиях в стране и прозападном внешнеполитическом курсе, а также размеры политической, экономической и иной помощи извне, становится ясным насколько серьезно могут влиять западные организации и правительства на решения грузинских властей. Это, в первую очередь относится к США, а также к миссии Евросоюза и посольствам крупных европейских государств. Их действия и советы в основном направлены на демократизацию страны, а также на мирное разрешение конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. Стремление Грузии в НАТО является тем политическим инструментом, с помощью которого западные страны смогут почти гарантировать благотворное воздействие на власти Грузии в этих направлениях.

Главные темы и проблемы грузинской политики

Среди главных тем грузинской политики можно перечислить те вопросы, которые привлекают самое большое внимание грузинских и зарубежных средств массовой информации. Эти темы, в той или иной форме, периодически становятся актуальными, но ни одна из них не исчезает навсегда из политической повестки дня.

В первую очередь, это касается темы отношений с Россией. Этот вопрос чаще всего рассматривается вкуче с проблемой неразрешенных конфликтов в Абхазии и Цхинвальском регионе/Южной Осетии, так как Россия считается главным спонсором сепаратистских режимов и подстрекателем противостояния между ними и центральным правительством.

В вопросах, связанных с Россией, чаще всего фигурирует тема вывода российских войск с территории Грузии и все более отчетливо слышится призыв к отказу от российского посредничества и миротворчества в конфликтах на территории Грузии. Другие вопросы, связанные с Россией – экономическое эмбарго, финансирование политических партий со стороны российских спецслужб, возможные военные акции и провокации в конфликтных зонах и т. д.

Помимо российско-грузинских отношений, грузинские политики спорят о путях разрешения конфликтов в Абхазии и Цхинвальском регионе /Южной Осетии; о проблемах демократизации и чрезмерной концентрации власти в руках одной политической силы; о проведении выборов местного самоуправления – и в особенности о законе о местном самоуправлении (которого некоторые политические силы считают недемократичным); о приватизации и передаче части грузинских “стратегических” объектов в руки российских компании (РАО ЕЭС или Газпрому); о правовой охране граждан и преувеличении полномочий со стороны правоохранительных органов; о реформах высшего образования, судебной системы и структур правления экономики. Коррупция остается одной из злободневных тем политики, несмотря на декларируемую борьбу с ней со стороны правительства. Новым важным вопросом становится и вступление Грузии в НАТО – этот вопрос в основном увязывается с проблемой обеспечения общей безопасности Грузии.

Еще одна значительная тема в сегодняшнем грузинском политическом дискурсе – это демократия и вопрос концентрации власти только в одной группе грузинских политиков, и вопрос делегирования власти во время выборов в органы местного самоуправления. Главным барьером к этому может стать новый закон о выборах, который сейчас остро дискутируется в грузинском обществе.

Еще один наболевший вопрос – приватизации и ее эффективность в сфере экономических преобразований.

Большие дискуссии вызывает сейчас вопрос правовой охраны граждан. Сейчас одна из таких стремительных кампаний правительства – это кампания по искоренению института т. н. воров в законе в Грузии, потому что это вопрос не только охраны граждан и правопо-

рядка и т.д. В риторике правительства это имеет прямое отношение к влиянию России, потому что абсолютное большинство этих так называемых криминальных авторитетов, воров в законе, связаны с определенными кругами организованной преступности в России и фактически являются очень серьезной пятой колонной российского государства в Грузии.

Еще один вопрос – это реформы во многих сферах грузинского общества, в первую очередь, реформа в высших учебных заведениях, реформа в судебной системе и экономическая реформа, опять же приватизация. Вопрос борьбы с коррупцией, под флагом которого Саакашвили фактически пришел к власти и был самым главным во время процесса свержения Шеварднадзе, сейчас как бы уже отходит на второй план. По версии правительства, это связано с тем, что есть определенные сдвиги, есть определенный прогресс в вопросе борьбы с коррупцией, но оппозиция утверждает, что правительство само стало коррумпированным и поэтому не хочет педалировать этот вопрос. Хотя, по сравнению со временем Шеварднадзе коррупции стало меньше на всех уровнях власти.

Еще один вопрос – это вывод российских войск, который также универсально приветствуется, кроме партии Гиоргадзе, которая полагает, что российские войска на Кавказе служат бастионом стабильности и мира.

Взгляды на перспективы разрешения абхазской проблемы

Отношение к Абхазии, к абхазскому вопросу и вообще к вопросам конфликтных регионов я рассматриваю в контексте общества в целом, а не определенных его частей. Можно сказать, что ненависти фактически нет, а есть безразличное отношение к внутренним политическим процессам в Абхазии. Наверное, единственный раз, когда абхазская внутриполитическая тема была прокомментирована грузинской прессой и грузинскими политиками, был вопрос Багапша и Хаджимба, то есть президентских выборов. В восприятии многих грузин, абхазцы и Абхазия сейчас – это монолитная пятая колонна России, которая действует по приказаниям из Москвы. Москва же препятствует грузино-абхазскому диалогу.

Поэтому, исходя из такого восприятия, путь решения абхазского вопроса сводится к четырем сценариям. Первый – абхазы просто сдаются мирным путем. Второй – русские покидают свою пятую колонну, и поэтому абхазам не остается ничего, как сдаться. Это может произойти из-за слабости России. Третий – это силовое решение вопроса. И четвертый – решение с помощью новых международных миротворческих сил.

Вопрос диалога с абхазами, если не считать нескольких либерально настроенных политических деятелей, рассматривается в контексте не только русско-грузинских отношений, но и в контексте русско-американских отношений.

Если говорить в интересах обеих сторон и в интересах международного сообщества, лучше создавать какие-то структуры, которые бы существовали даже после смены политической ситуации вокруг Абхазии. Если этого не произойдет, тогда от нас ничего не будет зависеть, а будет зависеть только от геополитических сдвигов в регионе.

ОБСУЖДЕНИЕ

Шалва Пичхадзе – Я позволю себе не до конца разделить оптимизм Георгия по поводу пока что слабости фонда Гиоргадзе. К сожалению, этот фонд не так слаб, как мне бы лично хотелось, особенно в регионах. Есть последние данные о том, что в регионах они тратят большие деньги, они усиливаются. Так как в основном Грузия сельскохозяйственная страна, сельскохозяйственные регионы больше всего страдают из-за ухудшения российско-грузинских отношений, потому что Россия естественно пока что и еще долго будет оставаться самым большим рынком сбыта нашей сельхозпродукции. Именно там наиболее благодатная почва для того, чтобы культивировать пророссийские и антизападные настроения, так что, они работают со все возрастающей эффективностью. Спасибо.

Вахтанг Колбая – Я хочу поблагодарить Манану за тот доклад, который она блестяще представила, и поблагодарить Георгия за его видение ситуации в Грузии. Я бы хотел просто дополнить в двух

моментах. Я бы желал, чтобы по Аджарии было бы сказано более полно, потому что этот вопрос наиболее острый, наиболее болезненный, это наиболее чувствительная материя в политической жизни новых властей. И то, что они, придя к власти, так усекли, выпотрошили суть автономии, это дает возможность нашим оппонентам, коллегам выступать так, как сегодня выступал Батал. Возможно, они хотели показать, что в Грузии есть разные подходы по отношению к автономиям и на примере Абхазии говорить о совершенно другом типе автономии – объемлющем, полном, может быть, так думали, когда так подошли к этому вопросу. Но я думаю, что это все-таки ошибочный подход, надо было сделать максимально возможное и показать миру, что мы можем сделать в отношении автономий. Правильно я понимаю замечания наших коллег, когда мы уже 30 лет об этом говорим – полная автономия, широкая автономия, а что это такое, с чем его едят до сих пор не сказано, и даже в Дорожной карте об этом не сказано. Единственный документ, о котором можно членораздельно говорить – это документ который сделал Паата со своими коллегами, когда они разложили на бумаге может быть спорно и для Сухуми и для Тбилиси, но показали подход к вопросу, начиная с А и заканчивая Я. То есть, начиная с оценки, продолжая системой выборов, развитием и подходом к решению проблем. Поэтому, я думаю, вопрос об Аджарии можно было бы более широко осветить, хотя я хочу верить в то, что власти Грузии совершенно по-другому думают в отношении Абхазии. Опять же можно было сказать, об этом, видимо, будем еще говорить, что можно было бы предложить сегодня властям в отношении Аджарии. Когда мы говорим, что ничего не было сказано, я с этим тоже не могу согласиться, хотя это не относится к докладу Георгия. Я помню в 98 –99 году, в 2001 году тот же Алексидзе два раза давал, хорошие – плохие, но предложения, большинство в Совет Безопасности ООН. Там более четко какие-то моменты были очерчены, хотя это тоже было совсем не то, что ожидали в Сухуми, это раз. Второе, что касается отношений с Россией. В средствах массовой информации, сегодня даже часто апеллируют к республиканцам и другим партиям, очень критично оценивают действия властей по отношению к России. То есть, обвиняют власти в том, что у них только риторика антирусская, а на самом деле все

делается для того, чтобы приватизационный процесс особенно в таких емких сферах, как энергетика, промышленность, привел к тому, чтобы все это было в руках российских бизнесменов. Поэтому часто политики критикуют власти в том, что они говорят одно, а на самом деле направленность реальная совершенно другого толка. Кстати, недавно президент Саакашвили сказал, что, независимо от того, какого происхождения являются деньги, приватизационному процессу это не помеха и поэтому приветствуется русский капитал. Я, может быть, с этим согласен, но тогда надо назвать вещи своими именами, мы способствуем тому, что процесс приватизации адекватен отношениям с Россией, потому что экономика и политика взаимосвязаны, я тут Америку не открываю.

Тинатин Хидашели – Я думаю, что в своем докладе Георгий Хелашвили в основном адекватно отразил политическую ситуацию в Грузии, но у меня есть несколько комментариев по некоторым вопросам, где, на мой взгляд, акценты были расставлены не совсем верно. Для того, чтобы понять более детально ситуацию в Грузии, если, конечно, это интересно. Во-первых, по поводу антироссийской политики я согласна с господином Вахтангом, он выразил то, что я хотела сказать. Георгий привел как данность то, что у всех политических сил Грузии, в правительстве или в оппозиции, одинаковые позиции по отношению к России, что в антироссийской политике все они совпадают. Я обычно спорю с этим постулатом, этого нет, с моей точки зрения, к сожалению. У нас есть правительство, у которого очень сильная антироссийская риторика, антипутинская риторика, я бы сказала, абсолютно неадекватная для политиков риторика в отношении к России. В то же самое время, то, что говорил господин Вахтанг, если быть точнее, то сказано было так, что у денег нет запаха, и потом премьер-министр Грузии говорил, что для него это не проблема.

В чем мы видим проблему? Мы проблему не видим в том, если какой-то российский бизнесмен с инвестициями приезжает в Грузию. Проблема в том, что господин Ногаидели фактически говорит, что не проблема, если российское государство покупает грузинское государство, вот в этом проблема. То есть, проблема, которая сегодня

ня в Грузии стоит, не в том, что частные инвесторы из России приезжают, и что-то покупают и что-то делают. Проблема в том, что государственные политические деньги России покупают грузинские объекты. И это одна из самых больших проблем, которые мы видим сегодня и из-за чего мы находимся в оппозиции. А господин госминистр Бендукидзе, о котором здесь Георгий говорил, первая скрипка во всем этом оркестре. Вторая проблема, которая прямо связана с этой проблемой – это коррупция. Я согласна с тем, что есть прогресс в борьбе с коррупцией, это принятый постулат, очень многие международные организации об этом говорят, можно это прочесть в разных отчетах. Есть прогресс, но он очень интересен. У нас сейчас у коррупции две формы. Она сейчас стала более цивилизованной, чем при Шеварднадзе. При Шеварднадзе все крали, все общество было как-то в этом процессе, кто-то давал 2 доллара или 2 лари полицейскому на улице, и кто-то эти два лари куда-то потом нес. Сейчас этого нет, нет в таких масштабах, как это было. Нет, так называемого, *city-corruption*. Однако сейчас есть гораздо более структурированная, элитарная коррупция. При элитарной коррупции речь идет о более крупных делах, больших интересах. Здесь Георгий вот так просто сказал, что наш министр обороны контролирует все телевидение. Сказать просто, но как он контролирует, это интересно? Он, министр обороны, был юристом, у него была адвокатская фирма, какое он имеет отношение к телевидению? Вдруг он стал совладельцем двух независимых коммерческих телекомпаний. Неофициально, в этом все и дело. Официально этими телекомпаниями владеют другие лица. Или наш министр внутренних дел, который официально так же, наверное, ничем не владеет, но реально все знают, об интересах в бизнесе в Аджарии. Вторая проблема с коррупцией состоит в том, что, при Шеварднадзе нужны были большие анти-коррупционные программы, многие неправительственные организации этим занимались, публиковались всякие отчеты. Я помню, я сама и многие мои друзья работали как сыщики, искали всякие документы, всякими методами пытались доказать.... Сейчас всего этого не надо, потому что у нас есть, например, премьер-министр, который в то же самое время является членом правления самой большой Oil-company Грузии, которая только что была создана. И это официально, легально записано,

открыто. Но это не конституционно. А когда встает об этом вопрос: «Знаете ли вы, что по конституции это нельзя?», премьер-министр выходит и говорит, что он эффективный человек, эффективный премьер-министр и здесь тоже будет эффективным, но он не говорит – конституционно это или неконституционно. Это может быть не классическая коррупция в том смысле, что это не закрыто, это все вот здесь, можно посмотреть, прочесть, увидеть, не надо затрачивать особых усилий. Это очень большая проблема, которая переходит к третьей, которой я закончу. С тем, что вы говорили о правовом поле, я согласна. Не знаю, как в Абхазии, но у нас, вообще не имеет никакого значения, что записано в законе. Вообще не имеет никакого значения, что записано в конституции. То, о чем здесь говорил Георгий, в правовом смысле это все абсолютная ерунда, потому что завтра, даже не поменяв закон, что очень просто для властей, поскольку они контролируют большинство в парламенте, они могут сделать то, что хотят и сказать, что это более важно, чем процедура, которая вписана в законе. Президент дважды, трижды говорил о том, что вот сейчас какие-то юристы будут выступать и говорить, что было записано в законе. То есть, эти три проблемы, я думаю, очень сильно влияют на все остальное. Почему я говорю, что у меня не особый оптимизм относительно евроинтеграции Грузии? Это не потому, что кто-то в Брюсселе особенно не любит нас и не хочет нас интегрировать. К сожалению, то, что Лиана говорила здесь, это неправда. Не только это неправда, а неправда даже то, что из-за какой-то идеи они хотят вступить в Евросоюз или в НАТО, из-за того, чтобы Грузия была более демократична, или из-за того, чтобы вернуть Абхазию, это было бы хорошо, если хотя бы эта идея у них была. А причина очень проста, президент должен быть опять избран. У нас проблема стоит так. В Грузии две серьезные группы проблем, если очень утрировать. Первая – это территориальная целостность, которая вот здесь на виду, у нас нет двух территорий, которые были и это очень просто, а вторая – это социально-экономические проблемы. И потом есть какие-то партии, которые говорят о какой-то демократии, но это не так важно. Это становится важно, когда в людей на улицах стреляют, чего у нас с 95 года не было, а сейчас опять происходит. Это тогда становится актуально, но в каждодневной жизни это не актуально, акту-

альна социально-экономическая проблема – что кушать, а вторая – это территориальная целостность. Наше правительство очень хорошо понимает, что в первом за оставшиеся два года они не могут сделать ничего такого, что радикально изменит ситуацию для населения, поэтому сейчас надо апеллировать ко второй проблеме. А решением этой второй проблемы может быть или какая-то блиц-операция в Цхинвали, к сожалению, которую я не исключаю, а второе, если не вторжение в Цхинвали, то это создание какого-то мифа о том, что... (запись обрывается). Здесь говорили о том, что восстановление территориальной целостности – это постулат, за которым все политические партии идут в одном направлении. Мы говорим о восстановлении доверия, т.е. мы думаем, если говорить о политической платформе, что целью нашей партии является восстановление доверия, а после восстановления доверия мы можем говорить уже о восстановлении территориальной целостности. В начале дня мы упоминали такие слова, как враг, ненависть и т.д. Я могу с абсолютной уверенностью сказать, я не могу говорить за все сто процентов грузинского населения, но я могу с уверенностью сказать, что для людей, с которыми я общаюсь, а это не маленькая часть тбилисского общества, это абсолютная неправда. Таких слов в нашем политическом лексиконе нет – враг, ненависть, даже по отношению к России, уже не говоря об Абхазии. И последнее. Мы не думаем, что этот ключ лежит в Москве. Мы не думаем, что он лежит в Брюсселе или в Москве, мы думаем, что он лежит только в Тбилиси и в Сухуме, и мы все время об этом говорим.

Давид Дарчиашвили – Мы завтра еще поговорим о грузино-абхазских взаимоотношениях. Я очень хотел бы продолжить разговор Батала о нашей ментальности. Какая это ментальность? Мне так показалось, что вы думаете, что невозможно найти совместный интерес из-за различий в ментальности. Об этом, наверное, надо поговорить. Что касается Грузии, в целом я согласен с тем, что сказал Георгий. Есть какие-то детали, в которых, может быть, не согласен как с Георгием, так и с Тиной. Во-первых, наверное, из-за того, что о многом надо было сказать в узких рамках, Георгий же делал обобщения и схематизации. Я не думаю, что вырисовываются какие-то группи-

ровки внутри правительства, которые друг от друга отделяются и у которых есть собственный ресурс. Я очень сомневаюсь относительно контроля Окруашвили над телевидением, это еще надо доказать. Если говорить о том, что я думаю, надо сказать, что в целом, главная политическая фигура – это сам Саакашвили. Все остальное – это производные от него. Это один момент. Он многое решает сам, и я не думаю, что какие-то люди вокруг него в той же команде имеют свою собственную линию. У них разные мнения по разным вопросам, некоторые из них более нацелены на либерализацию, другие менее, но чтобы они представляли отдельные политические силы, мне это кажется преувеличением. Говоря о проблемах Грузии, кроме того, что здесь уже говорилось о демократии, насколько она продвинута, буксует и т.д., хочу сказать, что большой проблемой для Грузии является эффективная бюрократия, ее нет, т.е. существует проблема государственного строительства. Еще одна важная проблема, которая, может быть, не совсем осознана всей политической элитой, но отдельными ее членами, я думаю, вполне осознана, это проблема модернизации общества. А модернизация общества не всегда в гладких взаимоотношениях с демократией. Я думаю, для того, чтобы все-таки решить проблему эффективной бюрократии государства необходимо вести кадровую политику, обучение, профессионализм, стабильность, эффективность, *service delivery*, т.е. государство должно предоставлять услуги обществу, которое очень мало, что в этом плане пока что сделало. Это раз, а второе, если удастся сделать прорыв в сфере образования, в этом плане очень многое делается, но, конечно, есть серьезные проблемы и дело далеко не доделано, тогда будет гораздо более стабильная почва для развитой консолидированной демократии. Если этого не будет, эффективной государственной машины и настоящей реформы образовательной системы, которая должна воспитывать граждан, у которых ментальность будет про демократическая, то привычка просто играть в демократию окончится тем, что или Гиоргадзе придет к власти, или вообще никто не будет у власти. Вот в этом тоже есть опасность – в хаосе.

Георгий Гогия – Я хочу остановиться на государственной политике, которая строится, которая вырисовывается более или менее по

отношению к Южной Осетии и какая тенденция по отношению к Абхазии. Хочу коротко начать с Южной Осетии, потому что это тоже очень важно, хотя эти конфликты друг от друга отличаются, там есть и сходства тоже. Нужно сказать, что по отношению к Южной Осетии политика более вырисовывается, хотя большие ошибки были допущены в 2004 году, после этого что-то меняется. Есть, конечно же, опасения, что это все формально, и наш министр обороны может завтра все это перечеркнуть. Но я постараюсь быть более оптимистичным в этом вопросе и реалистичным тоже, потому что что-то меняется. В прошлом году, в декабре действительно появилась какая-то дорожная карта, которая очень четко обозначает какие-то шаги, которые грузинское правительство собирается сделать в отношении Южной Осетии, и действительно, политический вопрос как-то отошел на третий уровень. Хотя этот план мира, который был предложен грузинской стороной, очень во многом совпадал с письмом, которое потом Кокойты послал, но до сих пор стороны не смогли прийти к одному. В обоих документах говорится о демилитаризации, об экономическом восстановлении, потом о статусе. Если более или менее по вопросу о демилитаризации и экономическом восстановлении есть согласие, то, конечно же, статус уже становится преградой. Стороны достигли того, что недавно СКК, Смешанной Координационной Комиссией, была создана группа, представители которой будут работать над какой-то общей программой. Это, конечно же, вселяет надежду, потому что сам факт, что 10 грузин и осетин и, конечно же, русских, будут сидеть за столом и думать, как можно эти планы вместе свести, это позитив. О позитивных сдвигах можно говорить и в отношении реституции имущества, компенсации. Действительно, об этом идет речь с 96 года. Грузия всегда об этом говорила, но каких-то официальных шагов не предпринимала. Но недавно в парламенте стали работать над законопроектом о реституции имущества. В основном он касается, конечно, осетин, их больше 60 тысяч, которые не принимали участия в войне, они даже не жили в районе конфликта, они были вынуждены покинуть Грузию из-за более широкого грузино-осетинского конфликта. Этот законопроект сейчас находится в парламенте. Если он пройдет, я думаю, это будет серьезным шагом вперед, потому что, если Грузия сможет вернуть много тысяч осетин

и не только вернуть, а создать условия для того, чтобы они проживали в грузинском государстве, это очень важно для построения доверия. Недавно, 14 июня, в Брюсселе прошла очень интересная донорская конференция. Международным сообществом было обещано целых 9 миллионов евро, премьер-министр Грузии обещал, что удвоит эту сумму из своих источников и плюс три миллиона отдельно было обещано российской стороной. Если учесть то, о какой маленькой территории идет речь, это огромные деньги, которые действительно могут что-то поменять к позитиву. Особый интерес вызывает специальный механизм, который разработала опять же СКК, которая будет распределять эти деньги. Как-то они пришли к такому договору, что в Цхинвале будет существовать грузино-осетинская группа, которая будет всем этим руководить. Одним словом, есть какие-то позитивные сдвиги. Каковы опасения? Первое опасение связано с тем, что парламент Грузии принял резолюцию о том, что грузинское правительство должно пересмотреть грузино-российский Сочинский договор 92 года, который касается российских миротворческих сил. Конечно, это радикальная резолюция, но если все-таки парламент потребует выполнения резолюции, чтобы какие-то действия были предприняты, то этот 92 года договор также устанавливал единственный переговорный механизм, который сейчас работает – СКК и, если Грузия действительно в одностороннем порядке выйдет из этого договора, то это может повлиять на весь мирный процесс. Второе. Осенью планируются де-факто президентские выборы, которые будут также очень серьезно влиять на события. Вы знаете, что там очень большое количество грузин живет. Грузинские и осетинские села связаны, и какие-то ресурсы там у грузинского государства имеются, поэтому никто не знает, как будет развиваться ситуация. И третье, если лопнет терпение у некоторых чиновников грузинского правительства, и это может кончиться очень быстро или не кончиться, а наоборот начаться очень длинный и плохой процесс. Что касается грузино-абхазских переговоров, то в этом отношении грузинской политики, к сожалению, до сих пор не существовало и, я думаю, сейчас тоже не существует, потому что заявления президента – это популистские заявления, нацеленные на какое-то общество, и являются непоследовательными. Хотя тут тоже есть интересный момент.

Что касается беженцев, здесь есть два больших проекта. Один проект, который я не воспринимаю позитивным, “Наш дом”, в соответствии с которым стараются регистрировать имущество грузин в Абхазии, которое, конечно же, я считаю утратой. Опять же, это популистский проект, потому что нет целенаправленной политики, и президенту приходится реагировать бессистемно. Вторая программа. До сих пор не существовало никакой политики в вопросе о беженцах в течение 13 лет. Они действительно в очень плохом состоянии. Я этот вопрос изучаю, они действительно живут в очень-очень плохих условиях. До сих пор их готовили только к возвращению, никто не думал об интеграции. Сейчас, в феврале этого года министром беженцев и расселения было сделано заявление о необходимости иметь какую-то стратегию, что именно мы предлагаем этим беженцам. Действительно, их социальная ситуация не соответствует никаким требованиям, они как изолированная каста. В Тбилиси, может быть, это не так заметно, но в Западной Грузии это очень заметно, когда 20 % детей действительно не могут ходить в школы, потому что нет одежды или книг. Была создана специальная межправительственная комиссия, которая работает над этой стратегией. Они говорят, что цель этой стратегии в том, чтобы как-то помочь этим людям, интегрироваться в общество, временно или, может быть иначе, не теряя права на добровольное возвращение. Я думаю, это действительно важно, была создана специальная комиссия, работают четыре группы по экономическим, юридическим, социальным и вопросам расселения. До конца сентября они должны разработать какую-то стратегию. Если действительно эта стратегия будет реализована, то огромная проблема в грузинской политике будет решена. Грузинская политика не может делать иных заявлений, чем те, которые делаются сегодня, поскольку более 200 тысяч живут в таких тяжелых условиях. Если им говорить о какой-то независимости, о какой-то Абхазии, это будет действительно полным самоубийством политики. Этот шаг, который делается, это стремление интегрировать этих людей, т.е. эта стратегия интеграции очень важна. Президент оперирует цифрой в 300 тысяч, 249 тысяч было по верификации, проведенной в 2005 году, отсюда где-то 210 тысяч из Абхазии. Действительно, эти люди живут в очень тяжелых условиях. Конечно же, цифрами все

манипулируют. Но цифры не так уж важны. Подход должен меняться. Это серьезно, что 13 лет эти люди живут без всякого просвета. Нужно создать какие-то условия для того, чтобы они жили по-человечески, нужно чтобы у них был доступ к образованию, к медицинскому обслуживанию. Конечно, политика была такой, чтобы изолировать их, держать их отдельно и готовить к возвращению. Сегодняшняя тенденция не ведет к тому, что они теряют право на возвращение. Право на добровольное возвращение существует и сохраняется. Если кто-то из этих 200 тысяч решит вернуться или не вернуться, это другой вопрос. Они не должны столько лет жить в условиях, которые были рассчитаны только на несколько дней. Они действительно живут в очень плохих условиях. Если в этом отношении какая-то стратегия у страны появится, это будет большим шагом вперед. Говорят, что стратегия будет разработана к концу сентября, потому что в октябре уже будет составляться и обсуждаться бюджет, поэтому вопросы, касающиеся интеграции должны войти в этот бюджет. Посмотрим, надо подождать. Что касается переговорного процесса, дела обстоят следующим образом. Был восстановлен Координационный совет, хотя рабочие группы еще не начали работать. 1 июля уже должна быть первая такая встреча. Это очень важно, посмотрим, как будут развиваться события в этом отношении. Обсуждаются два документа: о возобновлении войны и о возвращении беженцев. Вот то, что касается официального переговорного процесса. Тут опасения есть, и самые большие опасения в том, что уже в июле парламент Грузии будет рассматриваться вопрос о выводе российских миротворческих сил из Абхазии, по поводу вывода из Осетии этот вопрос уже был обсужден.

Нателла Акаба – Начну с наблюдений. Во-первых, мне показалось, что разница между грузинским и абхазским обществом, в частности, заключается в том, что абхазы говорят о том, что ничего не знают о грузинах и не хотят знать, тем не менее, неплохо осведомлены о тех процессах, которые происходят в Грузии и о многих деталях и нюансах. Грузины же, наоборот, считают, что они достаточно хорошо информированы, следят за всем. Но мне кажется, их знания менее фундаментальны, чем наши. И даже вот я такую замечаю де-

таль, очень часто в интернете, в каких-то грузинских статьях или интервью абхазские фамилии постоянно перевираются, очень редко бывает, когда фамилия указывается правильно. Может быть это мелочь, но, наверное, все же нет. Это такое попутное наблюдение.

Здесь была упомянута Аджария, и некоторые представители грузинской группы восприняли это как сигнал, что если они будут правильно поступать с Аджарией, если не будут ликвидировать автономию, и наоборот будут расширять ее права, то это будет хорошим сигналом для Абхазии. Я думаю, что не должно быть никаких иллюзий. Аджария – для нас это просто пример того, что Грузия не выполняет свои обязательства, что с ней очень сложно иметь дело. Я не имею в виду вас, дорогие господа, очень многие из вас мне хорошо знакомы и я их уважаю, я говорю о грузинской политике, что она ненадежна, что она непредсказуема, очень сложно иметь дело с Грузией, потому что грузинское руководство не выполняет свои обязательства. Только в этом смысле для нас важен пример Аджарии. Нельзя 15 лет говорить об автономии, какой бы широкой она ни была. Я, может быть, скажу странную вещь, наверное, кто-то меня осудит, но та самая Абхазская Советская Социалистическая Республика в общем-то была очень широкой автономией, другое дело, насколько она претворялась в жизнь, на бумаге все звучало очень солидно. Абхазия имела свою территорию, давайте не будем об этом забывать, там были четко обозначены границы. Это была настоящая автономия в хорошем понимании этого слова. Поэтому мне сейчас просто кажется диким, что мы опять говорим об автономии. Все эти мирные планы и предложения, которые содержат какие-то упоминания об автономии, пусть даже широчайшей, это просто анахронизм, ну нельзя 15 лет твердить одно и то же.

Насчет пятой колонны. Для меня было очень интересное наблюдение. В принципе, это то, о чем я догадывалась, но тогда возникает вопрос: а может быть, это иррациональная политика, когда страна хочет привязать к себе людей, которые руководствуются не ее интересами, а наоборот, подрывают ее интересы. Осетины и абхазы – нелояльное, очень нелояльное по отношению к Грузии население. Как же можно? Насколько это будет способствовать безопасности, если Грузия все-таки попытается решить эту проблему и восстано-

вить свою юрисдикцию? Вам не кажется, что это просто разрушит Грузию изнутри, если вдруг такая попытка будет предпринята? Мне просто кажется, что тут нет логики. У Вахтанга такая фраза прозвучала, когда вы говорили о реакции на «Ключ к будущему», вы сказали, что «это не то, чего ждали грузины». Вот такой детский вопрос: а чего ждут грузины от абхазов сегодня? Спасибо.

Вячеслав Чирикба – Я с большим интересом прослушал доклад Георгия и с не меньшим интересом комментарии его коллег с грузинской стороны, которые дополнили, сделали более объемной картину. В общем-то, согласно моим наблюдениям, картина складывается безнадежная, в плане урегулирования просвета нет. Я не вижу никакого просвета, если таково единодушное отношение всех партий, отношение к абхазам, как к пятой колонне – это враги, с которыми только силовым методом можно справиться. Хотя, конечно, это для меня не сюрприз. Я просто услышал, что так и есть на самом деле до сих пор. И вот насчет НАТО интересная дискуссия, была высказана мысль о том, почему Грузия входит в НАТО? Не только потому, чтобы решить проблемы с территорией, но, кроме того, чтобы иметь козырь на предстоящих выборах Саакашвили, вернее перевыборах. Это большой фактор, потому что мало улучшений в экономике, Цхинвали еще далеко, Сухум еще дальше. На что-то надо напирать, чтобы выиграть, на что? НАТО – успех, мы в НАТО. Это очень интересно, я не думал об этом, но, мне казалось, что все-таки фактор НАТО для решения проблемы территории очень важен. Как Саакашвили сам сказал об этом прямо, что вхождение в НАТО позволит решить проблему территориальной целостности Грузии. В принципе здесь логика в том, расчет такой, что, после вхождения Грузии в НАТО, Россия не сможет уже манипулировать ни Абхазией, ни тем более Грузией, потому что надо будет иметь дело не с Грузией, а со всеми странами НАТО, а это уже ей не по зубам. Это будет означать фактически то, что проблема абхазского сепаратизма будет решена окончательно, решать ее будет не Россия или Абхазия, а уже НАТО. Я думаю, что фактор НАТО имеет огромное значение для нынешнего режима Саакашвили. У меня еще два вопроса к вам. Теоретический вопрос, если бы фактора Абхазии и Осетии не было, как бы вы ска-

зали, все-таки был бы кризис отношений между Грузией и Россией, или не было бы? Были бы такие плохие отношения? Учитывая то, что, скажем, на Украине нет ни Абхазии, ни Осетии, однако ситуация тоже не идеальная между Россией и Украиной. И второй вопрос – какой процент, если можно подсчитать, политической элиты Грузии, не населения, а элиты политической или политиков Грузии, придерживаются точки зрения о реальности лишь силового решения проблемы Абхазии? Спасибо.

Кристиан Бжания – Я благодарен докладчику, мне показалось, что это достаточно объективная оценка положения в Грузии, и все, что он сказал, меня убедило в том, что опасения среднестатистического абхаза подтверждаются. Я хотел бы уточнить, вы действительно можете сказать, что политическое руководство Грузии консолидировано? Вы действительно считаете, что и президент Саакашвили, и министр обороны Окруашвили консолидированы в своих действиях, в принятии политических решений?

Вальтер Кауфманн – Мой вопрос тоже по поводу консолидации. Вы начали с того, что наблюдается процесс консолидации политической власти. Если это действительно так, что это означает? Означает ли это в вашем понимании консолидацию государства? Насколько стабильна, устойчиво стабильна ситуация? Я совершенно согласен со словами Дато о том, что мы пока не наблюдаем стабилизации государства, как государственных институтов, эффективного управления и т.д. Я бы даже сказал, что наоборот, то, что происходит в сфере власти скорее может вести к тому, что дестабилизирует государство, это противоречит стабилизации институтов. Власть ведет себя таким образом, что издевается, так сказать, над процедурами, над управлением и т.д. Мне интересно, что вы имели в виду?

Ираклий Хинтба – Я хотел поблагодарить Георгия за интересный доклад. А вопрос у меня следующий. Вы в своем докладе высказали пессимистические оценки относительно развития демократии в Грузии и в принципе, вы не одиноки в этих оценках, потому что такие крупнейшие международные правозащитные организации, как

Freedom House, Human Rights Watch тоже отмечают в своих последних докладах, что процесс развития демократии в Грузии идет не так интенсивно, как намечалось. Упомянуты конкретные проблемы, которые существуют в Грузии. Готова ли вообще Грузия к демократии? Уже начинают звучать такие оценки, что Грузия, как и Россия, как государства, находившиеся в одном социо-культурном пространстве, в пространстве одной политической культуры, можно сказать, не совсем готовы к консолидации демократии. И еще один вопрос по этой теме. Вот вы говорили, что в последние месяцы произошло замедление демократического развития. Могли бы вы конкретно сказать, какие изменения вызвали эту стагнацию демократического развития?

Георгий Хелашвили – Что касается первого вопроса, что было бы, если бы не было Абхазии и Южной Осетии в отношениях между Грузией и Россией. Если взять 1989 год, 9 апреля, это было связано с Абхазией, потому что протесты начались из-за всего этого процесса, но отношения уже с тех пор начали становиться натянутыми. Я просто не могу спекулировать на тему о том, что произошло бы. Вопросы Осетии и Абхазии так органично сидят в отношениях между Россией и Грузией, что представить себе эти отношения без этих, так сказать, конфликтов и проблем фактически невозможно. Нужно и с другой стороны посмотреть, что сделала бы Россия, если Грузия вступила бы в НАТО без Абхазии и Южной Осетии, допустим? В этом случае, Россия стала бы дружеским по отношению к Грузии государством или Россия осталась бы также недружественным государством. Для Грузии это вопрос безопасности. Гипотетический ответ на этот вопрос нам дал бы понять, из чего исходит все проблемы грузино-российских отношений – это из-за конфликтов или из-за более крупных геополитических сдвигов? Если сказать по-другому: Абхазия и Южная Осетия, являются ли они инструментом или существом; причиной или следствием? В Грузии склонны считать, что это только инструмент против грузинской государственности, тогда как, по-моему, в Абхазии и Южной Осетии более склонны считать, что эти две территории представляют для России интерес *per se*, то есть сами по себе. Вот в этом есть отличие, так что я так бы ответил на этот вопрос.

Вячеслав Чирикба – А в чем опасность России для Грузии? Вот чего хочет Россия? Уничтожить Грузию? Что?

Георгий Хелашвили – По-моему, консенсус в этом смысле в грузинском обществе будет в том, что опасность, исходящая из России – это отнять у Грузии суверенитет, т.е. решение внутренней и внешней политики, т.е. вести Грузию на поводу. Что касается процентного соотношения, кто за, кто против, я не могу интуитивно предполагать. В тех кругах, к которым я сам имею отношение, абсолютное большинство людей против применения силы. Но я не могу сказать, если спросить беженцев, там может быть другое соотношение. Что касается политической элиты, не знаю. То, что конфликт еще не начался, это означает, что в элите есть консенсус, т.е. более или менее стабильный консенсус о том, что не стоит начинать войну. Факты просто сами за себя говорят.

Лиана Кварчелия – Американцы говорят, что не надо...

Георгий Хелашвили – Я не думаю, что Вашингтон в этом смысле так сильно влиял бы на правительство Грузии. Например, при революции роз, американцы говорили Саакашвили, что не стоит так радикально выступать против Шеварднадзе.

Шалва Пичхадзе – Я добавлю только по одному вопросу: чего хочет Россия? Этому всегда добивались знать грузинские политики, чего хочет Россия? Я лично получил ответ на этот вопрос от аналитиков, которые, прямо скажем, очень близки к Кремлю, я их фамилии называть не буду. Это было недавно, буквально полгода тому назад Фонд Фридриха Эберга организовал весьма закрытый диалог, очень откровенный. Кстати, на этой встрече был и Паата. Нам было четко сказано, чего хочет Россия? Раз, два, три, четыре и т.д. Перечисляю. Первое, отказаться от вступления в НАТО и Европейский Союз, раз. Второе, вступить в договор коллективной безопасности, два. Третье, наладить с Россией отношения такие же, как у Белоруссии, это три. Четвертое, открыть грузинский рынок приватизации для российского капитала, четыре. Вот, все, чего она хочет – раз, два, три, четыре – все.

Георгий Хелашвили – Следующий вопрос касался консолидации власти. Я говорил о консолидации власти, а не о консолидации грузинской государственности, хотя это параллельные процессы. Мой ответ на этот вопрос будет таким, что здесь можно говорить о долгосрочной перспективе и краткосрочной перспективе. Если смотреть в краткосрочной перспективе, то в этом случае, допустим, реформа в грузинской армии, консолидация полицейского аппарата, консолидация судебной системы под правительство т.д. и т.д., то, что в России называют построением вертикали власти, все это в краткосрочной перспективе способствует консолидации государства. Но если смотреть в долгосрочной перспективе, то мы увидим те же самые проблемы, что есть, наверное, и у России. Это государство без стабильной демократии в долгосрочной перспективе, без рыночной и либеральной экономики и т.д., и т.д. Так что, это зависит от того, с какой перспективы мы на это все посмотрим. Как большинство политиков, может быть, и сам Саакашвили (я могу его раскритиковать поэтому) более ориентируется или концентрируется на краткосрочной перспективе укрепления его власти, чем на долгосрочной перспективе становления грузинского государства. У него свои представления, конечно же, есть и по отношению становления грузинской государственности.

Готова ли Грузия для демократии? Во-первых, по-моему, демократия – это процесс. Это не конечная остановка, для которой надо быть готовым или нет. Это одна сторона ответа. Сравнить сегодняшнюю Грузию с Россией нельзя. Несмотря на то, что мы говорили о контроле правительства над некоторыми средствами массовой информации, но сравнивать это с Россией нельзя, где фактически негативной информации о правительстве на телевидении только один процент из ста. Несколько недель назад это подсчитали. Это невообразимо в Грузии. В Грузии есть довольно открытая дискуссия, и политические партии существуют, довольно эффективно критикующие правительство – т.е. есть демократический процесс. Я говорил о том, что демократический процесс буксует последние месяцы, я имел в виду проблемы, связанные с полицией.

Вопрос – применение пыток?

Георгий Хелашвили – Нет, это не пытки, это опять же борьба с организованной преступностью, когда людей убивают прямо на улице, о чем говорила Тина тоже. Их просто убивают, исходя из того, что они криминальные авторитеты. В смысле демократии проблемы всегда существовали, как и во всем постсоветском пространстве, это ухудшается, но я бы не говорил о каком-то реверсе демократии в Грузии. Спасибо.

Давид Дарчиашвили – Касательно вопроса – есть ли будущее у демократии в Грузии. Так все можно под вопрос поставить. Есть ли стабильное будущее у Соединенных Штатов? Везде можно какие-то проблемы найти. Мне кажется, что заниматься сиюминутной, полной стопроцентной демократизации в таких обществах, как Грузия, так же, как и Абхазия, как и некоторые традиционные общества, очень рискованная вещь. Маленький пример из Грузии. В университетах что происходит? Если сейчас дать университету автономию, то лучше не иметь этого университета, так стоит вопрос. Потому что это будет автономия коррупционных кругов. Такой университет не нужен, он не будет выпускать студентов, которые могли бы стать хорошим ресурсом для настоящей демократии. Поэтому в каких-то вещах из-за политической целесообразности какие-то моменты демократизации должны внедряться поэтапно. Я также думаю, что очень даже правильно, что правительство идет против прямых выборов руководителей городов. Непрямые выборы, через представителей, тоже демократическая модель, которая более подходит к современным событиям и положению вещей в Грузии, потому что эти позиции руководителей городов будут использоваться для популистских, политизированных целей, которые еще больше раскачают в целом систему. Поэтому я говорю, что при отсутствии успехов в модернизации, демократизация может привести к противоположному результату. Или к абсолютному свертыванию демократизации и построению популистской диктатуры, или к хаосу. Вот эти реальные опасности есть. Также и с организованной преступностью. Если говорить только о правах, то это может так ударить по полиции, что она будет совсем дисфункциональной. Это очень рискованный путь. Раньше, в начале XX века, допустим, это было легче – проводить модер-

низацию, потом следует демократизация, Турция этому хороший пример. В начале XXI века это очень трудно, потому что есть Евро-союз, есть НАТО, но фундаментальные проблемы модернизации общества очень серьезные, все не так просто, как в книгах написано: «давайте все делать по правилам», так не получается.

Тинатин Хидашели – здесь нужна не грузино-абхазская, а грузино-грузинская дискуссия. (смех).

Вахтанг Колбая – Когда мы говорим о демократии, о процессах, которые мы называем консолидацией общества, консолидацией власти, что должно привести к консолидации государственности и т.д., всплывают некоторые примеры и аналогии. Вот недавно Путин прокурора переместил на должность министра юстиции. Такие же процессы происходят в Грузии, когда одни и те же люди ходят по кругу и эти процессы как-то укладываются в демократизацию. И маленькая ремарка в отношении того, что сказала Нателла. Я ту же самую оценку дал в отношении Дорожной карты, которую предложили мы. Соответственно я дал однозначную оценку двум предложениям, которые там были. Вы правы, Нателла, когда считаете анахронизмом саму дефиницию автономии. В свое время я говорил не об этом, а о системе, согласно которой распределяются функции между двумя сторонами.

Лиана Кварчелия – Сегодня были очень интересные доклады, и дискуссия была очень насыщенной. Действительно, очень важные моменты прозвучали в сегодняшних выступлениях. Но надо заметить, что иногда получается так, что мы не слышим какие-то важные вещи, а цепляемся к словам. Тем не менее, то, что происходило сегодня – это хорошая пища для размышлений.

Манана Гургулия – Это пример полного «отсутствия» интереса к тому, что происходит в обеих республиках.

25 ИЮНЯ 2006, СТАМБУЛ

Тинатин Хидашели

КАК СМОТРЯТ В ТБИЛИСИ НА ПЕРСПЕКТИВУ И ЗАДАЧИ ПОЛИТИКИ ДОБРОСОСЕДСТВА В ЕВРОПЕ

Расширение Евросоюза 1 мая 2004 года привело Союз к историческим изменениям его политических, географических и экономических условий, продолжающих укреплять политическую и экономическую взаимозависимость ЕС и Грузии. Это дает ЕС и Грузии возможность развивать более близкие отношения, выходящие за рамки сотрудничества, начать существенную экономическую интеграцию и углубить сотрудничество в политике. Евросоюз и Грузия полны решимости использовать эту возможность для улучшения своих отношений и поддержания стабильности, безопасности и благосостояния. Этот подход основан на «партнерстве, совместной собственности и дифференциации» – говорится в последнем проекте ЕС – Плана Действий (ПД) Европейской Политики Добрососедства (ЕПД) для Грузии. Наблюдается определенный оптимизм в том, что весь процесс интеграции Грузии с европейскими соседями будет позитивным и принесет в Грузию значительные перемены, включая вопрос территории государства, которая в настоящее время не является под фактическим контролем правительства.

Каковы ожидания, и на какие возможности можно рассчитывать сейчас, когда переговоры еще не завершены и чего можно ожидать от этого важного сотрудничества, описанного в Плана Действий ЕПД?

Как я понимаю, уже ясно, что первый и наиболее предпочтительный сценарий вступления в ЕС, о котором, я могу сказать, мечтали все грузины, скорее всего утерянная и нереальная перспектива. Такое раннее расставание с первыми мечтами и надеждами о довольно раннем и легком вступлении отрицательно влияет на развитие всего процесса по повестке «ближе к Европе». Пробудившиеся нереалистические надежды и перспективы занижают значение са-

мой Европейской Политики Добрососедства, и процесс становится скорее частью проигранной, но обязательной игры, а не поиском новых путей и выходов. Однако нужно отметить, что документ ясно и бесспорно заявляет о европейском выборе Грузии.

Такое отношение регулярно обнаруживается в процессе переговоров, в речах руководящих грузинских политических персон, в публично озвученных приоритетах и в том, что реже стали упоминаться ЕС и ЕПД и т.п. С одной стороны, это верно для обеих сторон, а с другой стороны, это характерно для всей политической и неполитической элиты в Грузии. И, наконец, это ясно из слишком амбициозных целей, заявленных в Плане Действий ЕПД, которые невозможно будет достичь в указанные сроки с имеющимися бюджетными возможностями и с планируемыми исполнителями и средствами.

Среди установленных приоритетов наряду с демократическими реформами, устойчивостью юридической системы, предсказуемостью открытой для предпринимательства законодательной среды, обеспечением энергией, оборонной политикой и другими, мы видим «продолжающуюся решительную готовность ЕС содействовать урегулированию внутренних конфликтов Грузии». Здесь важен сам язык документа. «Продолжающаяся готовность» не является достаточной гарантией для удовлетворения нужд и надежд грузинского правительства. Тбилиси просит ЕС и его специального представителя сыграть новую роль на Южном Кавказе с более ясным и более сильным мандатом, отличающимся от нынешнего мандата и от мандатов ООН и ОБСЕ. Однако, ни в одном из документов, предложенных грузинской стороной, никогда не разъяснялось, что означают определения «более сильный» и «более ясный» мандат. Соответственно, в Плане Действий говорится, что «ЕС готов рассмотреть пути усиления своего дальнейшего» вмешательства, без какой-либо специфики и конкретных предложений.

В Плане Действий, если поинтересоваться, можно найти приоритетные сферы деятельности, т.е. список предложенных или согласованных приоритетов и некоторые пути достижения этих желаемых результатов. Так, согласно программе приоритетная сфера деятельности номер 6 обозначена именно как «Содействие мирному разрешению внутренних конфликтов» в Абхазии и в Цхинвальском районе/Южная Осетия. Касательно темы нашей встречи, в докумен-

те в пяти предложениях определены приоритеты по продолжению политического диалога ЕС и Грузии и обозначен вклад в урегулирование конфликта в Абхазии. Эти приоритеты следующие:

- Грузия должна увеличить усилия, направленные на построение доверия;
- ЕС должен усилить поддержку ООН в Женевском процессе;
- ЕС должен рассматривать дальнейшее укрепление доверия и экономическую помощь в свете развития процесса урегулирования;
- Поддержка активного участия гражданского общества в процессе урегулирования конфликта;
- Включение вопроса урегулирования внутреннего конфликта в Абхазии в политический диалог на встречах ЕС и России.

Из вышесказанного ясно, что План Действий написан очень общим языком, и не отличается от всех других текстов, деклараций, предложений и планов, которые мы читали за последние 12 лет. В разных частях документа говорится об урегулировании конфликта, основанном на уважении суверенитета и территориальной целостности Грузии в рамках признанных международным сообществом границ; об усилении мер по построению доверия без упоминания какими именно мерами и способами можно этого достичь; об экономической помощи, необходимой для прогресса в урегулировании конфликта и для возрастания роли гражданского общества, опять-таки без какого-либо пояснения, как вовлечь НПО в этот процесс. В Плате Действий также говорится о Совместной Контрольной Комиссии и о необходимости скорейшего выполнения всех заключенных ранее важных договоров, в частности, начиная с демилитаризации. Все эти заявления и настойчивые политические декларации, провозглашенные в Тбилиси и на различных международных форумах, обнадеживают, но чего нет в документе, так это ответа на самый важный вопрос – как достичь желаемых результатов, какими способами и кем они будут достигнуты? Ответа на вопрос нет ни у Тбилиси, ни в уточнениях и предложениях Брюсселя. Наиболее широко применяемая в ПД терминология касается укрепления дальнейшего сотрудничества, усиления мер по укреплению доверия и т.п. Вновь, нет ничего конкретного и обещающего.

Каковы были особенности реализации Плана Действий Европейской Политики Добрососедства ?

Во-первых, правительство относилось к этому процессу так же, как и к другим делам. Процесс проходил в сотрудничестве, говорит государственный министр грузинского кабинета по интеграции в ЕС; не было ни сотрудничества, ни понимания первоочередных приоритетов и инструментов для мониторинга, говорят большинство НПО, вовлеченных в процесс. Было принято заявление 72-х НПО, протестующих против формального характера всего процесса и критикующих документ. Одним из самых показательных проявлений существующего отношения является тот факт, что правительство Грузии в первоначальное предложение по Плану Действий ЕПД не включило вопросы прав человека и демократии в качестве приоритетов. То же самое можно сказать о национальных меньшинствах, о региональном сотрудничестве, о многопартийной демократии, о верховенстве закона, о суверенности парламента и о судебной реформе, которые являются самыми главными проблемами, и соответственно приоритетами для работы ЕС в Грузии. План Действий ЕПД представлялся правительству Грузии соглашением о техническом сотрудничестве или, можно сказать, «беззубым» соглашением, не предполагающим решение фундаментальных вопросов. На данном этапе этот план включает больший круг вопросов, чем только проблемы транспорта, коммуникаций, укрепления армии и строительства дорог. Отдавая должное этим сферам, надо сказать, что только они не могут открыть дорогу в европейскую интеграцию и демократию.

Как я понимаю, в последнем издании документа написано, что во-первых, правительство Грузии старается получить ЕС как полноправного партнера, который разделяет ответственность во всех спорных делах (это отмечено в предложениях Грузии), а ЕС старается доказать через документ, что все написанное в нем является инициативой и ответственностью грузинского правительства. Во-вторых, правительство Грузии старается протолкнуть в ряд первоочередных приоритетов вопросы, которые оно может использовать для привлечения избирателей, например, упрощенная процедура получения виз и т.д. В-третьих, с точки зрения Брюсселя, дорога в ЕС идет через демократию, через сильные демократические институты, хорошо

организованную юридическую систему, направленную на защиту прав человека, независимый и профессиональный суд, реальное самоуправление и демократические выборы и, наконец, все время говорится о прозрачности, политическом плюрализме и участии. Все вышеупомянутое является предварительным условием для более решительного вмешательства Евросоюза в дела Грузии касательно ее отношений с соседями и в разрешение внутренних конфликтов.

Демократия в первую очередь – такова главная директива в документе на текущий момент наряду с поощряющими инвесторов европейскими правовыми стандартами. По-видимому, это является необходимым предварительным условием для формулирования более решительной политики ЕС и приветствия европейского выбора Грузии.

Отложив на время План Действий ЕПД в сторону, не трудно понять, что у ЕС нет ясной политики в отношении Грузии и проблем этой страны. Соответственно, согласно моим наблюдениям, мнение ЕС и его политика пользуются довольно низким моральным авторитетом среди политического руководства Грузии, если он вообще существует. Даже оппозиция, на словах признающая, что ЕС является их потенциальным партнером в плане критики, например, положения дел с демократией в Грузии, недостаточно уделяет внимание различным рекомендациям и директивам европейских партнеров. Таким образом, в реальности все политики направили свои взоры за океан, в сторону США, где, как многие в Грузии верят, принимаются все решения.

Для того, чтобы ответить на вопрос, поставленный в начале этого короткого выступления, нельзя забывать о том, что все возможности и ожидания могут осуществиться только если они реалистичны и основаны на измеримых стандартах и критериях. В то же самое время, они должны быть своевременными и не наивными. Стать членом Европейского семейства не равносильно членству в ООН, в Европейском Совете, или в любой другой стандартной международной, межправительственной организации. ЕС – это семейство наций, в самом обычном понимании этого слова. Это семейство наций с общими ценностями и общими правилами жизни, где правят и главенствуют стандарты верховенства закона и прав человека. Европейская Политика Добрососедства – это желание расширить семейство. Это означает расширение сферы общего понимания и жизненных стандартов. Демок-

ратический образ жизни не защищен авторскими правами, он открыт для всех людей и наций, и ЕС готов поделиться своим опытом, своим мастерством и поддержать других в стремлении сблизиться с его непосредственными соседями, с перспективой включения в семью. Однако, последнее зависит от этих наций, их приверженности и понимания европейской демократии. Это первое правило, которое надо понять, чтобы позднее не было разочарований. Главное не в желании ЕС принять кого-то, а в готовности к тому, чтобы быть принятым.

Второе правило также очень простое и привычное в нашей обычной жизни. Для того, чтобы было приятно жить в общем соседстве, без конфликтов, важно, чтобы соседи понимали друг друга и, чтобы стиль их жизни был более или менее схожим. Например, если вы живете в многоквартирном доме и включаете очень громкую рок музыку каждый день в 3 часа ночи, вы рискуете не понравиться соседям, и на вас могут подать в суд. Политика и стратегия добрососедства ЕС не отличаются от этого. Если вы постоянно пытаете своих собственных граждан или арестовываете людей за выражение своих мыслей, или за поклонение другой религии, вы не являетесь желаемым соседом, более того, у вас нет шансов быть принятым в семью, где всем гарантируется свобода от пыток, свобода слова и совести.

В заключение моего выступления хочу отметить, что Грузия и ЕС должны прийти к соглашению о главных вопросах, таких важных, как свобода слова и свобода от пыток. Но кроме общей демократии и вопросов прав человека, которые не менее важны в замороженных конфликтах, опять-таки необходимо достижение согласия по основным понятиям. Я действительно думаю, что суть конфликта по-разному воспринимают здесь в Тбилиси и там, в Брюсселе, поэтому даже те общие утверждения могут быть беспочвенными. Например, как уже упоминалось, ПД говорит о росте доверия, но никогда не объясняет между кем и кем, кто являются сторонами конфликта, и есть ли об этом какая-либо договоренность. Здесь, в Тбилиси, мы постоянно слышим, что это не этническая война, это не война между грузинами и абхазами, а это политическая война между Грузией и Россией. То ли это, что предполагает ПД? Разве в нем говорится о росте доверия между Грузией и Россией? Явно нет. Это один из главных вопросов, который нужно выяснить с правительством Грузии перед тем, как строить какие-либо планы и делать какие-либо выводы.

Ираклий Хинтба

ОТНОШЕНИЕ АБХАЗИИ К ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Подписание Маастрихтского договора (1992), содержавшего основные принципы организации Европейского Союза (ЕС), состоялось в один год с началом грузино-абхазской войны, в результате которой оформилась фактическая абхазская государственность. За прошедшие с того времени тринадцать лет ЕС из неуверенного объединения пятнадцати стран превратился в одного из крупных и влиятельных глобальных игроков, включающего двадцать пять государств и придерживающегося стратегии расширения. Что касается Республики Абхазия, то все эти годы в ней шло небезуспешное строительство и модернизация институциональной системы государства и общественных структур в условиях экономической блокады и негативного влияния непризнанного статуса.

Организационная и политическая незрелость ЕС в 1993 г. обусловили незначительную роль этой организации в грузино-абхазском урегулировании. Бал здесь правили Россия, США и ООН. Из европейских рамочных организаций активно действовала ОБСЕ (в то время СБСЕ), особенно в зоне грузино-осетинского конфликта. Кроме того, влияние Европы осуществлялось действиями отдельных европейских стран. Крупнейшие из них (Германия, Франция, Великобритания) входили в состав Группы друзей Грузии (позднее Группы друзей Генерального Секретаря ООН по Грузии), образованной в 1994 г. и призванной играть роль наблюдателя в процессе урегулирования грузино-абхазского конфликта. Этот клуб заинтересованных стран часто и небезосновательно обвинялся абхазской стороной в предвзятом подходе к исполнению своих функций. Бескомпромиссное, порой агрессивное отношение к позиции Абхазии на фоне бедственного социально-экономического положения людей обусловили объективный рост недоверия жителей республики к Западу, в том числе и Европе.

Активизация ЕС на южнокавказском направлении произошла в 2004 г., когда в европейское сообщество разом включились десять государств Центральной и Восточной Европы. Кроме того, вхождение в объединенную Европу Румынии и Болгарии в 2007 г., а также перспектива членства страны-кандидата Турции, делает черноморский регион одним из наиболее стратегически важных для Брюсселя. В июне 2004 г. ЕС, в дополнение к подписанным ранее Соглашениям о партнерстве и сотрудничестве (СПС), включил три кавказских государства – Грузию, Армению и Азербайджан – в «Европейскую Политику Соседства» (ЕПС). Идеологи евроинтеграции рассматривают Европу в качестве системы концентрических окружностей, ядро которой составляют государства-члены, а периферия конституируется странами, включенными в ЕПС. Привилегированные отношения, возникающие в рамках ЕПС, строятся на взаимной приверженности общим ценностям, главным образом, связанным с верховенством закона, уважением прав человека, включая права меньшинств, налаживанием добрососедских отношений и развитием принципов рыночной экономики и устойчивого развития. Взаимные обязательства также касаются ключевых целей внешней политики Евросоюза. В особенности борьбы с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения, соблюдением международного права и осуществлением усилий по разрешению конфликтов¹. Важные цели формирования круга дружеских Евросоюзу государств в южнокавказском регионе состоят в обеспечении энергобезопасности Европы, а именно в поиске альтернативных российским маршрутов транспортировки энергоносителей. В этой связи приоритетное значение для Брюсселя имеет нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан (БДТ) и проект газопровода Баку – Тбилиси – Эрзерум (ожидаемая дата запуска – сентябрь 2006 г.). ЕС также стремится приобрести контроль над транспортным коридором Европа – Кавказ – Азия (TRACEKA)². Поэтому Брюсселю жизненно важно обеспечить стабильность и безопасность на Южном Кавказе, кото-

¹ European Neighborhood Policy: Strategy Paper. Brussels, 12.5.2004 COM(2004) 373 final. P. 3

² Элли Д., Гогия Г. Безопасность Грузии и роль Запада / Государственность и безопасность: Грузия после “революции роз” / под. ред. Бруно Коппитерса и Роберта Легволда. – Кембридж, Лондон: Американская академия гуманитарных и точных наук, МТИ-пресс, 2005. С. 334

рый, помимо прочего, рассматривается в качестве буфера от «Большого Ближнего Востока».

Внедрение Европы в южнокавказский регион, естественно, задевает сложившуюся там расстановку сил. И если для США оно вполне может укладываться в рамки стратегии евроатлантизма, то Россия с осторожностью, а зачастую и враждебностью, смотрит на попытки ЕС укрепить свое влияние в регионе, который традиционно рассматривался ею в качестве сферы своего безраздельного влияния. Противоречия между Россией и ЕС часто касались сферы региональных конфликтов. 30 мая 2006 г. на выездном заседании Совета Министров СЕ глава МИД России С. Лавров открыто обвинил Брюссель в срыве подписания подготовленного российской стороной в 2004 г. плана урегулирования приднестровского конфликта³. Российско-европейские отношения обострились и в 1999 г. по поводу Косово, и в 2002 г. вокруг Калининградской области.

Геополитические противоречия между Москвой и Брюсселем неизбежно будут проецироваться на отношения Евросоюза и Абхазии. Необходимо учитывать, что Абхазия следует в фарватере российской политики на Южном Кавказе, о чем неоднократно заявляло руководство республики. В этой связи, наиболее приемлемой для Абхазии может стать модель стратегического взаимодействия с европейским сообществом посредством геополитического треугольника Россия – Абхазия – ЕС, в рамках которого возможно сотрудничество по таким направлениям, как экономическое развитие, реализация инфраструктурных проектов, энергетика, подготовка специалистов и чиновников среднего и низшего звена, финансирование структур гражданского общества, стимулирование демократического развития.

Учитывая доминантную и зачастую решающую роль Российской Федерации в регионе, а также пророссийский вектор внешней политики Абхазии, Россия может создать институты взаимодействия с Брюсселем по решению проблем «замороженных конфликтов». Такого рода структуры и нормы могут быть закреплены в новой редакции Соглашения по партнерству и сотрудничеству, текущий вариант которого истекает в 2007г. Практика показала, что российско-

³ Коммерсантъ, №95, 30 мая 2006 г.

европейский диалог в рамках Совета партнерства и сотрудничества оказался малоэффективным⁴. Вопросы координации целей и действий России и ЕС по разрешению, в частности, грузино-абхазского конфликта могут также найти отражение в концепции «четырех пространств», а именно во взаимодействии в контексте «пространства внешней безопасности», предусматривающем сотрудничество и диалог по выработке совместных действий в соответствующих регионах, в т.ч. на Южном Кавказе. Поэтому интенсификация механизмов согласования интересов и конкретных акций на постсоветском пространстве, с одной стороны, должна послужить профилактической мерой против возможных геополитических коллизий, и, с другой стороны, обеспечить поддержание российского влияния в регионе.

В то же время, существует важный ресурс сближения Россия и ЕС на почве общего недовольства действиями США на международной арене, связанного как с войной в Ираке, так и склонностью Белого дома действовать в одностороннем порядке, пренебрежительным отношением к международным договорам, тягой к преувеличению роли военной силы, не подписанием Киотского протокола и т.д.⁵. Если Брюсселю удастся добиться успеха в позиционировании себя в качестве самостоятельного игрока, проводящего сбалансированную внешнюю политику, а не проводника интересов США, он сможет приобрести определенный ресурс доверия абхазского общества, приченного, что Запад в большой геополитической игре на Южном Кавказе традиционно поддерживает Грузию.

Однако следует особо подчеркнуть, что Абхазия не должна рассматриваться лишь в качестве «довеска к России». Поэтому стратегия ЕС по обеспечению безопасности и стабильности в регионе Южного Кавказа потребует вовлеченности в ее осуществление и непризнанных стран, соответствующих формальным критериям государственности, обладающих сформулированными целями внешней политики и собственным взглядом на региональные процессы. Сейчас все большую актуальность приобретают проекты создания

⁴ Бордачев Т. Россия и Европейский союз: конец и новое начало / Брифинг Московского Центра Карнеги, Т. 6, Вып. 10, октябрь 2004 г. С. 1

⁵ Россия и Европейский Союз: от кризиса к новому договору. Доклад / Russia and the European Union: from Crisis to a New Treaty. Report. – М.: Комитет «Россия в объединенной Европе», 2005. С.15

СНГ-2 – клуба непризнанных стран постсоветского пространства, который позволил бы им усилить свое влияние на соседей. На фоне рассыпающегося буквально на глазах СНГ эта идея выглядит как никогда выигрышно⁶. Поэтому в качестве реалистичной перспективы правомерно рассматривать заключение двустороннего соглашения о сотрудничестве напрямую между ЕС и Абхазией, в котором были бы прописаны ключевые принципы отношений и обозначены пределы вовлеченности Европы во взаимодействие по политическим вопросам. Этот документ не будет означать признания Абхазии, чего так опасаются некоторые наблюдатели, подобно тому, как аналогичные отношения ЕС с Косово не рассматриваются в качестве нарушающих принцип территориальной целостности Сербии. Правовое закрепление и упорядочение европейской политики в отношении Абхазии послужит как обеспечению стабильности, безопасности и повышению открытости, так и созданию благоприятного имиджа Европейского Союза в абхазском обществе и наоборот. В таком случае деятельность ЕС по укреплению доверия и недопущению военных действий, а также реализация соответствующих проектов, будет наиболее плодотворной.

С точки зрения абхазской стороны, в основе эффективной стратегии и тактики ЕС по обеспечению безопасности и стабильности в южнокавказском регионе должен лежать отказ от предвзятости и категоричности оценок в отношении непризнанных государств. Фактически стали нормой высказывания, обобщенный смысл которых сводится к следующему: Абхазия – однозначно грузинская территория, к ней неприменимы универсальное право народов на самоопределение и какие бы то ни было прецеденты, и ей следует оставить надежды на международное признание. Более того, часто европей-

⁶ На днях был сделан значительный шаг к правовому оформлению такого союза. 14 июня 2006 г. Сухуме лидерами Абхазии, Приднестровья и Южной Осетии была подписана Совместная Декларация, провозглашающая создание Сообщества «За демократию и права народов» (которое некоторые наблюдатели тут же окрестили «АнтиГУАМ»), главной целью которого является взаимное содействие достижению международного признания. В тот же день отдельным заявлением лидеры непризнанных республик объявили о создании совместных миротворческих сил, которые смогут заменить российские силы, в случае их вывода из зон конфликтов. (<http://www.regnum.ru/news/656628.html>, <http://www.regnum.ru/news/656682.html>).

цы предъявляют самоопределившимся государствам Южного Кавказа обвинения в распространении на своей территории наркотрафика, нелегального оборота оружия и содействии терроризму, ни одно из которых не соответствует действительности.

Проблема заключается в недостаточной осведомленности европейцев об исторических, этнокультурных и политических особенностях Абхазии. Здесь имеет место своего рода «историческая амнезия», когда для многих на Западе Южный Кавказ остается далекой землей, о которой известно чрезвычайно мало и, что самое печальное, отсутствует интерес узнать больше⁷. Поэтому любые попытки компаративного анализа при выяснении степени применимости опыта европейских сецессий к абхазскому случаю разбиваются о почти полное незнание материала сравнения. Выполнение критически важной задачи информационного прорыва в европейское пространство, несомненно, облегчается открытием согласно Постановлению Правительства РФ от 21 марта 2006 г. абхазо-российской границы для въезда граждан стран дальнего зарубежья. Это решение будет способствовать установлению более прочных контактов, в том числе на неформальном уровне, с внешним миром. Абхазии следует с максимальной эффективностью использовать эту возможность, равно как и все другие, чтобы развеять бытующее в западном мире представление о себе как о закрытом, мрачном, враждебном анклав, «осажденной крепости», и утвердить иной, позитивный образ – поступательно развивающейся страны, обладающей интеллектуальным потенциалом, не чуждой европейских ценностей, находящейся в состоянии демократической консолидации, развивающей рыночную экономику и проводящей миролюбивую внешнюю политику.

В Предложениях абхазской стороны о всеобъемлющем урегулировании грузино-абхазского конфликта «Ключ к будущему» Европейскому Союзу отводится роль фасилитатора экономического сотрудничества в южнокавказском регионе, что, в целом, согласуется с текущей деятельностью этой организации в Абхазии. Однако в документе ничего не сказано о возможной политической функции Брюсселя в деле урегулирования грузино-абхазского конфликта. В то же

⁷ *Asmus, Ronald D. and Jackson, Bruce P. Black Sea and Frontiers of Freedom // Policy Review, No. 125, June-July 2004. / <http://www.policyreview.org/jun04/asmus.html>*

время, ранее абхазская сторона заявляла о готовности сотрудничать с ЕС по всем направлениям мирного процесса, что, естественно, предусматривает и политическую деятельность.

В настоящее время ЕС реализует в отношении Абхазии программу социализации, суть которой состоит во влиянии на установки, диспозиции и взгляды элит и представителей гражданского общества с целью их качественной трансформации в духе принципов демократии, прав человека, толерантности и других, составляющих идейное основание европейского интеграционного проекта. «Социализация – влияя на стратегии внутренних игроков – имеет более долговременный эффект и воздействует на то, как внутренние игроки определяют свои интересы и идентичность»⁸. Она достигается через реализацию образовательных программ, проектов социального обучения, международного обмена, направленных на сближение конфликтующих сторон. Лидером по реализации подобных программ является британская МНПО «Ресурсы примирения».

Определенный сегмент абхазского общества несколько настороженно относится к усиленному внедрению западных (в основном, либеральных) ценностей в социо-культурную и политическую среду, усматривая в этом угрозу традиционным устоям и монолитности общественного мнения по вопросу отношений с Грузией и путей урегулирования конфликта. Существуют серьезные опасения, что приход к власти политиков «нового типа», воспитанных на демократических ценностях, может повысить зависимость Абхазии от Запада и привнесет коренные изменения во внешнюю политику, в особенности, в плане отношений с Грузией. В то же время, нельзя не отметить и положительной составляющей европеизации. Подготовка современных, перспективно мыслящих чиновников, преподавателей, специалистов, лидеров общественного мнения принесет незаменимую пользу для модернизации абхазского общества и государства и

⁸ Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии / Бруно Коппитерс, Майкл Эмерсон, Мишель Хэйссен, Тамара Ковзиридзе, Гегана Нутчева, Натали Точчи, Мариус Валь, с комментариями Нику Попеску, Гиа Нодиа; пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2005. С. 36

укреплению демократических институтов и практик. Значимость подобного рода преобразований сложно переоценить: они позволяют Абхазии выйти на более высокую ступень в иерархии мирового политического развития и с большим основанием считаться состоявшимся государством.

Обратимся к основной деятельности ЕС в Абхазии – стимулированию экономического развития и осуществлению программ по реабилитации социальной инфраструктуры Восточной Абхазии. Здесь Евросоюз активно сотрудничает с МООННГ, которая анализирует текущую ситуацию в Абхазии и предоставляет информацию для эффективной приоритизации финансовой помощи и планирования программ социально-экономического развития. Эта совместная работа уже дала свои результаты. В декабре 2005 г. ЕС и Абхазия подписали проект, согласно которому Еврокомиссия выделяет 2 млн. евро на программы реабилитации в зоне грузино-абхазского конфликта. В 2004 г. на различные проекты Брюсселем было выделено 20 млн. долл. Залогом успеха явилось то, что стороны намеренно отошли от политической тематики и занялись конкретными проектами в области развития экономики и реабилитации инфраструктуры, возвращения беженцев в Гальский район, стимулированием гражданского общества.

Такой формат отношений с европейским сообществом считается абхазской стороной наиболее предпочтительным, так как, например, обсуждение политического статуса Абхазии не может иметь перспективы. Любые предложения по федерализации, в том числе об установлении ассиметричной федерации, а также варианты общего государства (конфедеративного типа) Грузии и Абхазии абхазской стороной не рассматриваются как не соответствующие Конституции Абхазии и воле народа, отраженной в результатах референдума 1999 г. Абхазия твердо придерживается курса на международное признание своей независимости. Поэтому любые попытки ЕС продавливать политические решения, не соответствующие заявленной линии, будут вызывать лишь возрастание враждебности и недоверия к этой организации в абхазском обществе и могут послужить утрачиванию ее влияния в регионе.

Касаясь политических вопросов, следует отметить, что Евросоюзу трудно включаться в процесс политического урегулирова-

ния в силу его низкой реактивности и замедленности в принятии решений. Политика ЕС, в том числе внешняя, является результатом взаимодействия как институционального треугольника Еврокомиссия – Европейский Парламент – Совет Европы, так и результирующей устремлений составляющих его стран, которые зачастую сильно различаются. Поэтому Европейское сообщество не всегда действует как консолидированная сила. Амбиции наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран (Франция, Германия, Великобритания) препятствуют дальнейшей федерализации Европы⁹ и, соответственно, сближению внешних политик стран-членов. Так, если ЕС сдержанно высказывается по поводу косовского суверенитета, то, например, Великобритания настаивает на признании независимости этой территории. Подобным образом, среди различных стран, председательствовавших в Европейском Союзе в последние годы, лишь Швеция и Греция рассматривали проблемы Южного Кавказа в качестве приоритетных для организации¹⁰.

Мандат Спецпредставителя ЕС (СПЕС) по Южному Кавказу не позволяет ему эффективно нивелировать эту рассогласованность. В то же время, как заявил 5 апреля 2006 г. вновь назначенный СПЕС по Южному Кавказу П. Семнеби, «Европейский Союз принял принципиальное решение быть более вовлеченным в урегулирование замороженных региональных конфликтов»¹¹. Однако мандат П. Семнеби не предполагает его непосредственного участия в переговорах.

Вопросы политического участия в разрешении конфликтов стали камнем преткновения в процессе разработки Плана действий ЕПС для Грузии. Нежелание ЕС включить в План действий, разработка которого должна завершиться в конце текущего года, больше обязательств по разрешению конфликтов вызывает недовольство Тбилиси. Грузия настаивает, чтобы экономическая «интервенция» в зону конфликта сопровождалась серьезным политическим

⁹ *Зидентоп Л.* Демократия в Европе / Пер. с англ.; Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2004.

¹⁰ Европеизация и разрешение конфликтов. С. 219

¹¹ <http://www.regnum.ru/news/618333.html>

вмешательством, в том числе военного характера (размещение миротворцев). Брюссель заявляет о неготовности к такому формату участия в «замороженных конфликтах»¹². Абхазская же сторона категорически отвергает любые предложения по замене российских миротворцев военными контингентами других стран, в том числе европейскими.

Невысокую оценку потенциала Европы в разрешении конфликтов дают и некоторые наблюдатели, подчеркивая, что ЕС в состоянии задействовать лишь «мягкую силу», отказываясь, в отличие от НАТО, от обеспечения «жесткой безопасности»¹³, т.е. применения военной силы. Тем не менее, это обстоятельство, помимо прочего, лежит в основе достаточно благоприятного отношения к европейскому сообществу в Абхазии и возможности налаживания политического диалога.

Однако, несмотря на активное расширение, ЕС пока не рассматривается абхазской стороной в качестве равноценного по значимости России и США игрока на Южном Кавказе. Поэтому в Абхазии распространено мнение, что позиция Евросоюза не имеет решающего значения для политического будущего непризнанной республики. Европейское сообщество стоит перед проблемой определения своего места в сложном переплетении мировых и региональных акторов и международных организаций, действующих в регионе Южного Кавказа. Велика опасность функционального дублирования, что, несомненно, подпортит имидж ЕС как самостоятельной и серьезной силы. Поэтому, по большому счету, современная Европа для Абхазии сейчас – это «поставщик» конкретных примеров реализации фундаментального права народов на самоопределение. И если обретение Черногорией независимости – не в полной мере прецедент для Абхазии, так как оно произошло с санкции Сербии, то грядущее по наблюдению многих экспертов самоопределение Косово, уже против воли метрополии, будет иметь непос-

¹² Conflict Resolution in the South Caucasus: the EU's Role. Europe Report № 173 – 20 March 2006. Crisis Group. P. 9

¹³ См. напр.: *Нодия Г.* Европеизация и (не)разрешение сепаратистских конфликтов / Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии. С. 288-292

редственное отношение к стремлениям Абхазии к самостоятельной государственности. И в данном случае любые рассуждения об уникальности модели самоопределения Косово и неприменимости этого опыта к Абхазии будут ни чем иным как проявлением двойных стандартов. Контактная группа предъявляет Косово практически те же претензии, что международное сообщество к Абхазии: нарушение прав этнических меньшинств и неспособность инкорпорировать их в политическую нацию, недостаточный прогресс в институционализации демократии и реализации принципов вертикальной и горизонтальной подотчетности. Тем не менее, именно признание независимости Косово, а не какие-либо проекты федерализации, рассматривается как наиболее разумный способ разрешения конфликта. Причем один из доводов в пользу отделения Косово – «темные этно-националистические инстинкты сербского общества», которые, как пишут некоторые исследователи, «необходимо ликвидировать, а не приравнивать к ним»¹⁴. В этой связи весьма показательны результаты недавнего опроса общественного мнения в Грузии. На вопрос: «Что делать с национальными меньшинствами» 72,2 % респондентов высказались за их выдворение из Грузии¹⁵.

В Абхазии вызывает опасение наблюдаемое в Грузии интенсивное наращивание военного потенциала. Так, согласно недавно опубликованным данным Стокгольмского института мира (SIPRI), Грузия занимает первое место в мире по росту затрат на военную сферу. Расходы Тбилиси на вооружение выросли за год почти в 2,5 раза до 146 млн. долларов¹⁶. Принимая во внимание отсутствие прямой военной опасности для Грузии извне, усиление военной мощи представляет непосредственную угрозу мирному разрешению абхазского и югоосетинского конфликтов. В этой ситуации Абхазия рассматривает ЕС в качестве актора, имеющего рычаги влияния на внутреннюю политику Грузии. Используя инструменты мониторинга и оценки процессов европеизации политических институтов Грузии, Брюссель в состоянии проконтролировать избыточную милитаризацию

¹⁴ *Kupchan, Charles A.* Independence for Kosovo // Foreign Affairs

¹⁵ http://newstoday.ru/politic/id_23363/

¹⁶ http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/hi/russian/business/newsid_5074000/5074266.stm

страны и, в качестве основной цели, обеспечить недопущение использования военной силы¹⁷.

В процессе выстраивания диалога с Европой Абхазии следует задействовать все имеющиеся преимущества и ресурсы. Так, в республике на протяжении вот уже более ста двадцати лет компактно проживают эстонцы (первые семьи прибыли в Абхазию в 1882 г.), существуют польский и германский этнические островки. 24 апреля 2006 г. прошла презентация абхазо-германского Центра культурных и общественных связей, в которой приняли участие представители германо-абхазского общества в Германии (Берлин). Недавно в Сухуме состоялось торжественное открытие восстановленной Евангелическо-Лютеранской церкви (кирхи) Иоганна, функционирует католический костел. Было подписано соглашение между германо-абхазским обществом (Германия) и абхазо-германским Центром культурных связей (Абхазия) о создании единой общественной организации, которая будет способствовать созданию условий для взаимовыгодного сотрудничества в области туризма, экологии, средств массовой информации, здравоохранения, культуры, спорта, молодежи. Представленность европейских народов в абхазской нации является ценнейшим ресурсом позитивного сотрудничества и заинтересованности Европы в стабильности и благополучии страны. Подобным образом судьба ираноязычных осетин может привлечь особое внимание Ирана, являющегося одним из стратегических игроков в регионе.

¹⁷ После принятия в свой состав десяти восточноевропейских стран в 2004 г. ЕС стал испытывать финансовые трудности, связанные с адаптацией новых членов к единому внутреннему рынку и *acquis communautaire*, выравниванием экономического развития, решением проблем миграции и вызванными ею взрывом радикализма и ксенофобии, замедлением экономического роста. Кроме того, все еще не решена проблема организационной законченности ЕС, что стало очевидным после провалов референдумов по евроконституции во Франции и Нидерландах. Все это делает несколько проблематичным дальнейшее расширение Евросоюза. В то же время, в условиях, когда отсутствует главный приз за интеграционное рвение – членство – ЕС трудно рассчитывать на коренное усиление своего влияния на Южном Кавказе и контроль над внутренней политикой заинтересованных стран. Однако Грузия, как страна, наиболее активно проявляющая свои притязания на участие в евроинтеграционных процессах, старается выполнять предписания и обязательства перед ЕС с собой тщательностью.

Возможная интеграция Турции в европейское пространство, несомненно, повлечет за собой определенную трансформацию отношения Абхазии к южнокавказской политике ЕС. Можно строить различные сценарии политических и иных последствий этого акта, но можно с полной уверенностью сказать, что доктрина Брюсселя по Южному Кавказу претерпит существенные изменения. Европа выйдет на новые рубежи, получит доступ к региону «Большого Ближнего Востока», что усилит ее влияние и, в то же время, качественно изменит Евросоюз (как результат его «подключения» к исламскому миру). Кроме того, такие факторы, как исторические связи – наличие в Турции значительной абхазской диаспоры (по разным оценкам от 400 до 800 тыс. чел.), нежелание Анкары портить отношения с Россией, недавнее заявление посла Турции в Грузии Э. Тезгёра о возможном открытии прямого морского сообщения с Абхазией¹⁸, несомненно, повлияет на восприятие Абхазией политики ЕС на Южном Кавказе.

В целом, в настоящее время отношения с Европейским Союзом не могут считаться приоритетным направлением внешней политики Абхазии. Непризнанная республика видит роль европейских структур преимущественно в поддержании политического диалога с Грузией и фасилитации переговорного процесса. Кроме того, Абхазия высоко оценивает вклад ЕС в реабилитацию социальной и экономической инфраструктуры. Однако политическое сотрудничество не стоит на повестке дня, что вызвано устремленностью внешнеполитического вектора Абхазии в российском направлении; актуальностью установления между Россией и Абхазией свободно ассоциированных отношений; все еще имеющем место некотором недоверии абхазского общества к западным структурам, любые действия которых интерпретируются, как попытки вернуть Абхазию в состав Грузии; не до конца сформулированными целями и стратегией Евросоюза в южнокавказском регионе; категорическим неприятием Европой сецессии как способа урегулирования конфликта. В то же время, ЕС мог бы изобрести новый формат своего участия в переговорном процессе, например, через определенную трансформацию Группы Друзей Генерального Секретаря ООН по Грузии. Возможно

¹⁸ <http://www.regnum.ru/news/651143.html>

учреждение и иных механизмов, в том числе предусматривающих реализацию отдельных направлений и компонентов переговорного процесса под эгидой Европейского Союза, что должно быть предметом особого рассмотрения.

ОБСУЖДЕНИЕ

Вальтер Кауфманн – извините, что я так вмешиваюсь в грузино-абхазский диалог, но Генрих Бёллер сказал, что единственный шанс остаться реалистом – это вмешиваться. Я хотел бы Ираклию задать некоторые вопросы о позиции представителей ЕС. Жалко, что Семнеби не успел приехать вовремя, чтобы выслушать все доклады. Я стараюсь поставить себя на позицию представителя ЕС. Начну с того, что я понял, что Абхазия не хочет идти путем каких-то интеграционных предложений, которые якобы подталкивают в Грузию... «перестаньте это делать, это не имеет никакого смысла, никакой перспективы, вы только хотите территориальной целостности...». И второе. До того, как вы вмешиваетесь, сначала разберитесь четко, что такое Южный Кавказ, какая история, культура и т.д. Это для меня как для представителя ЕС непонятно. Есть некоторые пункты, которые не очень или совсем не понятны. Один пункт – это предложение через Россию иметь дело с Абхазией. Для меня это очень странное предложение как для представителя ЕС, который имеет очень сложные отношения с Россией. И как можно через Россию развивать свои отношения с Абхазией? Россия не пускает ЕС на Северный Кавказ, чтобы как-то там помогать разбираться, решать какие-то проблемы, сделать мониторинг и т.д. Вообще не пускают, запрещают ЕС вмешиваться, опять говорят про суверенитет и еще угрожают своими энергоресурсами, что будут проблемы с доставкой энергоресурсов. Какая перспектива для Абхазии содержится в этом, мне непонятно. Второе, что непонятно, это сотрудничество СНГ-2, может быть, вы этого не сказали, принять все эти сепаратистские конфликты одинаково. Это часто в какой-то степени звучит: вот есть эти непризнанные государства, они должны объединиться и вот тогда они – одна сила и т.д. Тут мне хочется сказать: «Давайте разберитесь тогда, они же разные очень». Или, действительно,

абхазы то же самое, что Приднестровье, действительно Южная Осетия и Абхазия одинаковы во всем. Тут, мне кажется, что это не в пользу Абхазии, когда она ставится в один ряд, что она солидаризируется с Приднестровьем и Южной Осетии. Это не очень убедительно даже для представителя ЕС, который разбирается в ситуации. Третье. Может быть, это немножко недоразумение, что касается ЕС и Косово. Вы сказали, что тут есть прецедент, ЕС развивает прямые отношения с непризнанным образованием, но в Косово на самом деле протекторат ООН. И хочешь, не хочешь, тут были самые прямые отношения, которые можно себе представить, и которых нет, слава богу, в абхазском случае. И сейчас это в какой-то степени попытка перейти к более нормальным отношениям с Косово, чем протекторат. Поэтому насколько Косово прецедент или не прецедент, это уже другая дискуссия, которую я сейчас не хочу открывать. И последний пункт, который мне особенно важно проговорить. Я так понял, что вы так не считаете, но многие считают, мол «оставьте нас с демократизацией, потому что это угроза для суверенитета Абхазии». Вот это действительно-таки существует. ЕС – это проект, который направлен в какой-то степени против абсолютного суверенитета государств, которые отказываются от суверенитета. Этого в Грузии тоже не понимают. Конечно, не понимают, потому что политические критерии и общий парламент, общая валюта – это все очень сильно ограничивает суверенитет.

Ираклий Хинтба – первый вопрос по поводу России и ЕС. Действительно, я в этом докладе говорил, что у России и Европейского Союза очень сложные отношения, потому что их геополитические интересы перекрещиваются, в том числе и на Южном Кавказе. Конечно, и Россия, и ЕС, Россия в первую очередь, считают себя сверхдержавой, и Европейский Союз наращивает потенциал. Они, соответственно, имеют интересы, которые могут отличаться. У России с ЕС сотрудничество развивается не очень эффективно в последние годы. Тем не менее, я считаю, что в рамках тех правовых инструментов, тех механизмов, о которых я говорил, а именно, в рамках взаимодействия в пространстве внешней безопасности, Россия могла бы не допустить ЕС к разрешению грузино-абхазского конфликта. Однако это уже реальность, ЕС участвует в этом процессе. Но Россия

могла бы координировать, или ЕС мог бы каким-то образом координировать свои действия с Россией для того, чтобы геополитических коллизий подобных тем, которые были в 2002, и 2004 годах больше не возникало, чтобы более эффективно наладить сотрудничество России и ЕС. Мне кажется, что это вполне реально в рамках тех процедур и механизмов, о которых я говорил.

Теперь относительно статуса. Действительно, вопрос политического статуса – это не предмет для обсуждения. Это официальная позиция абхазского руководства и здесь мне даже не о чем больше говорить. Потому что переговоры по этому вопросу не ведутся.

Относительно СНГ-2. Я не имел в виду, что объединение в рамках СНГ-2 является свидетельством того, что каждая из сторон рассматривает свои случаи как идентичные, с набором каких-то идентичных условий, набором каких-то особенностей. Это просто объединение непризнанных государств, которые таким образом пытаются усилить свое влияние в регионе. И это, на мой взгляд, должно обязательно повлиять на изменение стратегии ЕС. ЕС следует учитывать интересы этих непризнанных государств... необходимо это учитывать, потому что от них будет все больше и больше зависеть то, как обстоят дела в частности на Южном Кавказе. С каждым годом влияние Абхазии на региональные процессы будет усиливаться.

И относительно прецедентов. На мой взгляд, Косово это прямой прецедент для Абхазии. И не только Косово. Эритрея – прямой прецедент для Абхазии. Несмотря на то, что там существовал международный протекторат. В плане Косово можно иметь прецедент применения этого универсального права на самоопределение.

Паата Закареишвили – я могу зачитать информацию по поводу соцопросов. А потом я хотел бы свое мнение сказать насчет Косово. Российское Агентство «Регнум» распространило данные о социологическом исследовании, проведенном грузинской организацией VCG. В ходе исследования респондентам был задан вопрос – как вы считаете, какую политику необходимо проводить по отношению к проживающим в Грузии национальным меньшинствам? Были получены следующие ответы. 72% респондентов заявили, что нужно создать условия для скорейшего возвращения меньшинств на свою

историческую родину – в Армению, Азербайджан, Россию. 8,8% предложили создать благоприятные условия для их огрузинивания и ассимиляции, а 8,5% высказались за создание условий для сохранения культурно-религиозной самобытности меньшинств, за изучение ими грузинского языка. Результаты опроса были опубликованы в «Регнум», но газета «Врастан» – армянская газета, которая издается в Грузии, напечатала и распространила этот материал в Джавахетии. И оттуда начались проблемы. Представители меньшинств восприняли приведенные данные как официальное подтверждение своих опасений о том, что власти Грузии готовят грузинское общественное мнение в пользу выдворения национальных меньшинств. Это вызвало напряжение в регионе. И тогда грузинская печать начала об этом писать. И ВСГ выступила с официальным опровержением. Организация, которая провела исследование в мае 2005 года, по ее сообщению «Регнум» перепутал цифры. На самом же деле, на вопрос о желаемой этнической политике грузинских властей, 72% опрошенных ответили, что национальным меньшинствам нужно создать условия для того, чтобы они сохранили свою культуру и религиозную самобытность, но вместе с тем изучали бы грузинский язык и смогли бы на равных условиях принимать участие в построении грузинского государства. В общем, «Регнум» перепутал данные ВСГ. ВСГ направила опровержение в «Регнум», но «Регнум» его не опубликовал. Опрос был проведен среди тысячи респондентов в Тбилиси, Зугдиди и т.д. Эта информация до сих эксплуатируется, хотя никакого основания не имеет. Это явная дезинформация.

Манана Гургулия – Паата, не нервничай, «Регнум» постоянно про нас пишет фантастические вещи.

Паата Закареишвили – я не нервничаю. Я просто вам сообщил данные об этом, что существует другое мнение, это мнение той же организации, которая проводила исследование.

Я хотел еще насчет Косово сказать. Это очень важный вопрос. На самом деле прецедентов не бывает в политике. Если абхазы смогут использовать косовскую модель в свою пользу, это будет довольно интересно. Но в мире ни один прецедент не распространя-

ется. Россия дает себе право во имя своих национальных интересов манипулировать, давить, влиять на политические процессы. И Россия озвучила, что может допустить косовский прецедент, то есть признать его как прецедент и сделать его универсальным. Лично я считаю, что было бы поучительно, если в самом деле, нечто подобное будет разворачивать Россия. Грузия от этого может только выиграть. Она наконец-то начнет шевелиться. поймет, что появились определенные угрозы и начнет предпринимать определенные шаги, Надеюсь, в правильном направлении. Таких прецедентов не существует. Это – абсурд. Косово становится независимым, потому что у Косово внутри есть свои собственные ресурсы. Хорошие или плохие – это другое дело. Если Абхазия станет независимой, то она станет независимой не потому, что Косово стала независимой. Это станет за счет и на основании тех ресурсов, которые Абхазия сможет вырабатывать, чтобы достичь своей независимости. Поиск прецедентов на самом деле показывает слабость абхазской стороны, потому что они ищут во внешнем мире фактор поддержки, вместо того, чтобы вырабатывать внутренние ресурсы и за счет внутренних ресурсов стать независимой.

Шум.

Батал Табагуа – Я хочу добавить к тому, что сказал Ираклий. То, что говорит Паата о Косово и т.д. внутри Абхазии обсуждается, но никто не сравнивает себя с Косово.

Нателла Акаба – почему никто?

Батал Табагуа – Я говорю, что в Абхазии никто себя с косоварами не сравнивает. Сам фактор того, что Косово могут признать, и что будет прецедент признания как государства, вот что здесь подразумевается. Известно, какая территория у косоваров. Кто и как туда попал и т.д. Это – албанцы, у них есть другая страна. А у нас – это наша родина и все, больше у нас ничего другого нет. И мы себя с ними не сравниваем, мы считаем, что в этом плане имеем больше прав, чем косовары, чтобы получить свою независимость. А что ка-

сается признания как прецедента, в этом ничего дурного нет. И я хочу сказать, что прецедентное право – это основополагающее право на Западе...

Реплика – не слышно.

Батал Табагуа – вот ты не согласен, но у них веками уже так.

Шум.

Батал Табагуа – Если мне не верите, может поднять материалы и посмотреть. Здесь был задан вопрос по поводу демократизации, будто в Абхазии не хотят сотрудничества в области внутренней демократизации, а с ЕС мы готовы общаться в других направлениях и т.д. Но ничего подобного у Ираклия не было сказано. Во-первых, наоборот, он сказал, что мы будем пытаться выполнять основополагающие требования к программе соседства, при этом даже неважно: войдет Абхазия когда-нибудь в ЕС, или не войдет, вопрос абсолютно не в этом. Это нормальные, хорошие принципы для существования государства, лучшее из того, что есть в мире. И поэтому, вступим мы в ЕС, не вступим в ЕС, будем соседями или не будем, мы имеем право применять эти принципы внутри так же, как и применить все остальные позитивные законы жизни, которые можно применить, мы это будем делать в любом случае. Это касается и демократизации, и экологических проблем и всех остальных моментов. Но другой вопрос, что эти принципы, как формула, которую выдвинули, предъявили и говорят: «Ребята, вот есть такая формула, если вы по ней будете действовать, то вы достигнете...». То есть, нужно выполнить то и то и это будет нормально. Мы для себя должны определиться. Вопрос стоит не в том, чтобы признали или не признали. Это вопрос другой. Самое главное, чтобы мы внутри состоялись как нормальное демократическое государство и граждане наши жили и чувствовали себя хорошо. Мы получили российские паспорта. Многие из нас их взяли только потому, чтобы можно было передвигаться по миру, а не потому, что кто-то себя больше осознает гражданином России. Нет, это инструмент. В свое время, вы знаете, что мы обращались и в

ООН, с той же целью. Это не говорит о том, что мы хотели стать гражданами ООН. Мы хотели паспорт только для того, чтобы передвигаться. У нас свои паспорта есть, уверяю вас, хочу вам сказать, что если сегодня гражданам Грузии предложат американское гражданство, половина ваших граждан побежит и получит американское гражданство. Я в этом не сомневаюсь.

Реплика – это не так.

Батал Табагуа – так. Может быть, вы не пойдете, а они пойдут. Это мое мнение, я могу ошибаться.

Лиана Кварчелия – но они и по грузинским паспортам могут передвигаться по всему миру.

Батал Табагуа – они по всему миру не могут, а с американским паспортом, они смогут без визы ездить. И они получают этот паспорт, чтобы именно без виз ездить.

Давид Дарчиашвили – возвращаясь к обсуждению двух докладов и, может быть, повторяясь в чем-то касательно прецедента и роли прецедентов в истории, в политике, в международных отношениях, мне все-таки кажется, что политика – искусство возможного. Конечно, международная практика в том числе и международное право также, как и внутреннее право, национальное право прецеденты не игнорирует. Но особенно в международных взаимоотношениях политика главенствует над правовыми вопросами и над какими-то универсальными прецедентами. Так что, исходя из того, что политика – искусство возможного, очень много факторов должно влиять на то, будет ли Косово для кого-нибудь прецедентом или не будет. Пока что расклад такой, что почти ни одна сила, кроме России, ни один из игроков международных взаимоотношений не согласны, чтобы Косово стало прецедентом. И это надо учитывать. Можно это называть двойными стандартами, я бы назвал политикой, искусством возможного. Что-то приемлемо, что-то неприемлемо для международного сообщества.

Реплика – то есть, кто сильный, тот и прав.

Давид Дарчиашвили – не совсем так. То есть, так, но сила не обязательно в мускулах. То есть, сила состоит из многих компонентов, в том числе и морали, и умения убеждать оппонентов и т.д. Что касается вопроса о том, говорить или не говорить представителям Евросоюза о вопросах суверенитета Абхазии. Мне кажется, что об этом разговоры будут продолжаться, пока что-то особенное не изменится в первую очередь в грузино-абхазских взаимоотношениях. Я говорю, наверное, банальные вещи, но Грузия – признанное государство, Абхазия – непризнанное государство. Евросоюз с этим считается, Евросоюз хочет решить конфликт, а занимаясь решением, он логично подходит к тому, чтобы сближать интересы и позиции конфликтующих сторон. То есть, если Евросоюз будет этим заниматься, то Евросоюз будет ставить эти вопросы.

И третье. Почему, допустим, в проекте плана действий по Грузии европейской соседской политике, европейцы не соглашаются на преамбулы, в которых приветствуется грузинский выбор? Я не считаю, что это только лишь из-за того, что с развитием демократии в Грузии есть отчасти объективные, отчасти субъективные проблемы, так же как и в любом постсоветском государстве, хоть признанном, хоть непризнанном. Везде есть проблемы демократии, которые отчасти объективные, их невозможно было бы решать за несколько лет, отчасти субъективные – кто-то что-то не хочет, кто-то считает, что сначала надо что-то другое сделать, потом заниматься демократией. Проблема есть и в самом Евросоюзе, потому что, мне кажется, у Евросоюза не сформулированы конкретные интересы ни в регионе Южного Кавказа, ни в целом по постсоветскому пространству. Отчасти, относительно энергетики у Евросоюза более или менее ясные позиции, особенно в последнее время, но с другой стороны, в отличие от тех же Соединенных Штатов, у которых национальный интерес в регионе определен, у Евросоюза это не совсем сформулировано, не совсем оформлено. Об этом и сами европейские эксперты много говорят, что, продвигая идею соседской политики, они почти ничего не вкладывают туда в плане привлекательности.

И четвертое. Говоря о взаимоотношениях Евросоюза с регионом, мне никак не кажется, что можно серьезно округлить этот вопрос, не учитывая фактор НАТО и фактор Соединенных Штатов.

Кристиан Бжания – спор по поводу того, насколько универсальны прецеденты Черногории и Косово для Абхазии. У меня такой встречный вопрос. А кто объяснит, по каким признакам или критериям выявляется вот эта разница между Черногорией и Косово, Абхазией и Приднестровьем? Если такие критерии есть, то кто мне объяснит, какие критерии позволяют признать государство независимым, а какие не дают права на признание независимости? Вот все говорят, что это неодинаковые конфликты, поэтому подход к их решению не может быть универсальным. Объясните, а каковы же эти механизмы? Потом я буду знать как среднестатистический абхаз, как себя вести и как понимать, почему, если, скажем, нет ни исторических предпосылок, ни иных предпосылок, но это можно для Косово или Черногории, то почему Абхазии этого нельзя? Кто объяснит? Мы только являемся свидетелями того, что неким супердержавам интересно, каким будет расклад событий, и они действуют вот так. Я не знаю, может быть, через пять лет им будет интересно, если будут обиженными на Грузию, взять и наказать ее и признать независимость Абхазии. Кто мне это объяснит?

Нателла Акаба – Ну так оно и есть и почему тебя это удивляет?

Кристиан Бжания – Второй момент. Я бы хотел вернуться к существу основной части доклада и вообще нашей тематики. Это возможное виртуальное партнерство Евросоюза и Абхазии. Мне кажется, что сама постановка вопроса не совсем корректна. Вот спрашивают – как Абхазия себя видит в этих процессах? А может ли Европейский Союз действительно дистанцироваться от вопросов, напрямую увязанных с политикой, и сказать: «Уважаемые абхазы, мы строим вот такие-то отношения, такое-то партнерство, вас устраивает такой формат? И давайте мы забудем про ваш статус». Признает ли Евросоюз очень большую для всех во внешнем мире проблему российского гражданства абхазов: «У вас есть свои внутренние доку-

менты, давайте по ним ездите по миру, сотрудничайте с нами, торгуйте с нами, стройте с нами отношения». И все, больше не будет проблемы России, вечно черный образ, который преследует всех. И определенная фобия тоже. Мы хотим знать, прежде всего, где тот критический предел, до которого может дойти в возможном сотрудничестве Европейский Союз с Абхазией? Вот тогда мы будем строить свои более реалистичные планы и свое отношение к этой программе. Или иначе мы скажем, что «нет, мои хорошие, вы в любом случае хотите нас каким-то образом увязать с Грузией, мы это понимаем, что у вас во всем есть своя политическая подоплека – да, хорошо зарытая в землю, но она есть – и поэтому нас это сотрудничество не устраивает. И как бы нам трудно ни было, мы пока будем ходить через узкий мост на границе с Россией по реке Псоу». И я хочу вам напомнить, что до того, как мировое сообщество активно подключилось к режиму санкций, торговый оборот с Турцией у Абхазии составлял 80 процентов, а с Россией 20 процентов, а сегодня все наоборот. И нельзя сегодня абхазов упрекать в том, что они обладают российскими паспортами. Абхазов нельзя упрекать также в том, что вся торговля идет с Россией. Господа, вы всё сделали для того, чтобы нас вогнать в эту ситуацию, а сейчас вы нас упрекаете. В рамках переговорного процесса часто звучит, что мы пророссийские. Мы не пророссийские, мы ищем возможности выжить. И более того, мне кажется, что немного цинично, не сняв санкций и ограничений, предлагать высказать свое мнение о том, как мы будем дальше с европейскими нациями строить отношения. Мы до сих пор находимся в блокаде, господа.

Вячеслав Чирикба – в принципе, предыдущий выступающий сказали то, что и я собирался сказать. Я согласен с Давидом, что для Евросоюза Кавказ – это далекая непонятная территория, они не знают, что с ней делать. В принципе, политически это часть Европы, но знания о Кавказе очень смутные. Я общался очень много и в Страсбурге, и в Брюсселе лет пять назад, тогда было очень смутное представление, может быть, сейчас эта ситуация изменилась. В отличие от США, я тоже согласен с теми, кто говорил, что США находятся там, где есть нефть и геостратегия – и Иран близко, и Ближний Вос-

ток. Для Евросоюза таких факторов нет. У них две точки интереса на Кавказе – это безопасность, общая региональная безопасность и один из небольших оттенков – это ограничение роли России на Южном Кавказе. В общем-то, это почти все. Хотя Кавказ признан частью большой Европы. Это, конечно, временное явление. Роль Евросоюза будет увеличиваться неизбежно. Пока мы видим только начальный этап этого усиления. И, действительно, оно должно приветствоваться, потому что будет более сбалансированный подход европейцев.

Насчет того, что Абхазия в фарватере российской политики, в принципе такое впечатление существует, но опять же я согласен с Кристианом полностью, что Абхазию практически загнали санкциями. Снятие санкций позволит диверсифицировать отношения Абхазии с внешним миром.

Насчет прецедента Косово. Признание Косово, если оно будет, основано лишь на праве наций на самоопределение, которое универсально. Поэтому говорить, что это какой-то прецедент, не прецедент... в принципе это даже не имеет никакого смысла, потому что право наций универсально и запечатлено в хартии ООН, поэтому на нем основано признание Косово, если оно будет. Поэтому если признают Абхазию, то это тоже будет основано не на прецеденте Косово, а на праве наций на самоопределение.

Реплика – не слышно.

Вячеслав Чирикба – право народов и наций на самоопределение. Это слово включает и нацию, и народ. Если говорить вообще о прецеденте теоретически, то самый лучший прецедент это, конечно, Бангладеш. То есть, Пакистан – страна член ООН с 1948 года и восточный Пакистан отделился от основной части Пакистана с помощью военной помощи Индии и получил признание как государство. Это более чистый прецедент.

Инал Хашиг – я хотел бы все-таки вернуться к первоначальной теме – докладам по Евросоюзу. Допустим, если в Грузии уже вплотную подошли к обсуждению этого вопроса, защищают этот Евросоюз, стро-

ят тюрьмы, три раза открывают... правда, не совсем удачно, но все-таки, они как бы в этом процессе находятся. И, тем не менее, у меня такое ощущение, что, допустим, в той же Грузии пока смотрят на Евросоюз с позиции сытой, комфортной и счастливой жизни. Обратной стороны этой медали – тем, чем придется пожертвовать, я этого как бы не видел. Я довольно часто заглядываю в грузинские русскоязычные сайты, и этого не нахожу. Там обсуждаются какие-то стандарты, которые проговариваются, но которые, может быть, удобны... от которых не пострадает сама грузинская нация, то есть, приведет в порядок саму грузинскую нацию... эти они еще готовы обсуждать. Но какие-то стандарты, которые могут вызывать опасения, типа открытие границ, уравнивание всех в правах... я не замечаю, чтобы это обсуждалось. С другой стороны, в Абхазии эта тема пока еще практически на нулевом уровне. И, возможно, она будет до тех пор находится на этом уровне, пока Евросоюз сам не поймет, чего он хочет от Абхазии и его предложения не будут адекватны... первоначальный вклад Евросоюза не будет адекватен российскому, хотя бы наполовину. Я говорю о том, что в Абхазии в прошлом году были гранты от Еврокомиссии. Но об этих грантах знает узкий круг людей. О том, что это конкретно выделил Евросоюз. Это говорит о том, что Евросоюзу нужно очень многое сделать. И не только гранты выделять. Там должна быть какая-то большая... здесь говорят, что не должно быть политики, но должна быть какая-то определенная политика, которая бы развеяла хотя бы некоторые абхазские опасения.

Теперь что касается Косово. Я бы хотел заметить, чем ситуация в Абхазии отличается все-таки от Косово в лучшую сторону. По крайней мере, если в Косово протекторат, ... и сейчас проговаривается возможность предоставления ему независимости то, достаточно странно, если сравнивать это с отношением к Абхазии... Как несовершеннолетнему ребенку, который находится в инвалидной коляске предоставляют права на вождение автомобиля, а допустим, совершеннолетнему ходящему ребенку, который уже научился ходить, самостоятельно говорить и еще читать и писать, ему отказывают в этом праве. Мне кажется, что Косово сейчас находится в этом положении... страна, которая фактически ни один день самостоятельно не руководила своим государством. Признанное или не признанное,

это уже другой вопрос... но государственного подхода в Косово не было, но мир готов все предоставить. А допустим, Абхазия, которая, может быть, не имеет столь сильных опекунов, самостоятельно строит и развивает свои демократические институты и сама морально приходит к этому встречает иное отношение. Мне жаль, что Европа, всякие европейские международные структуры, даже с учетом нашей непризнанности оказались крайне неповоротливы. То есть, у них есть куча требований, но что сделать для того, чтобы вот эти демократические институты развивались, хотя бы чтобы быть представленными в качестве наблюдателей на выборах. Много чего требуют, но элементарно приехать и поучаствовать, посмотреть, как все-таки эти выборы происходят, до этого дело не доходит. То есть, опять идет политический момент. Я помню, когда прошли президентские выборы в Абхазии, очень важные представители международных структур все время говорили: «Какие у вас все-таки удачные выборы прошли». То есть, они тихо, шепотом говорили, а официально поучаствовать, посмотреть боялись. Жаль, что это так.

Георгий Гогия – я начну с того, что тут очень много говорится, что у европейского Союза нет политики, они должны объяснять, что именно они хотят. Европейский Союз, европейское сообщество это, можно сказать, странное животное, потому что после того, как не состоялась европейская конституция, нельзя говорить об общей внешней политике Европейского Союза. Пока что политику Европейского Союза определяют какие-то важные страны, которые в него входят...

26 ИЮНЯ 2006, СТАМБУЛ

Вальтер Кауфманн – Доброе утро, дамы и господа. От имени Фонда Генриха Бёлля я сердечно приветствую вас всех на этой конференции, посвященной перспективам Грузии и Абхазии в контексте интеграции стран Черного моря.

Еще раз, добро пожаловать нашим гостям из Грузии и Абхазии, некоторые из которых на протяжении нескольких лет участвуют в дружеском сотрудничестве с нашим офисом в Тбилиси. Насколько я знаю, грузины и абхазы впервые собрались вместе для того, чтобы внимательно рассмотреть этот особый вопрос. Поэтому, меня очень радует, что мы и наши партнеры из Центра Гражданского Миротворчества в Калифорнийском университете (Ирвайн) сумели собрать вместе высокопоставленных и высоко компетентных гостей из России, из Европейского Союза и Турции для участия в данном обсуждении в Стамбуле. Приветствую вас всех.

Мне бы хотелось особенно поприветствовать также господина Питера Семнеби, который с начала этого года является специальным представителем Европейского Союза по Южному Кавказу. Его присутствие здесь подчеркивает все возрастающее осознание Европейским Союзом своей особой роли и потенциала, которыми он располагает для мирного урегулирования конфликтов на Южном Кавказе.

Данная конференция является третьей по счету конференцией, посвященной международным аспектам абхазского конфликта. Посредством этих конференций Фонд Генриха Бёлля принимает участие в серии встреч-диалогов, касающихся различных аспектов грузино-абхазского конфликта. Инициаторами в 1997 году выступили Центр Гражданского Миротворчества Калифорнийского университета Ирвайн и, в частности, Пола Гарб, которая сидит рядом со мной. Мы рады сотрудничеству и взаимному доверию, которые развились между нашим Фондом, Полой Гарб, Паатой Закареишвили и Ардой Инал-Ипа, являющимися соответственно грузинским и абхазским координаторами данного проекта.

Две первые встречи с нашим участием проходили в Москве в 2004 и 2005 годах, где основное внимание было уделено роли России в конфликте. Эта роль толковалась противоположным образом.

На этих встречах стало ясно, что с точки зрения большинства в Грузии, Россия воспринимается страной-гегемоном с постимперским синдромом, которая нещадно использует абхазский конфликт и абхазов для утверждения своего геополитического влияния в Грузии и в регионе в целом. В Абхазии, с другой стороны, на Россию смотрят как на единственного и поэтому самого важного стратегического партнера, защищающего Абхазию от грузинского реваншизма и способствующего развитию Абхазии.

На этой конференции мы хотим рассмотреть иной вектор, который является важным в развитии грузино-абхазского конфликта или, по крайней мере, может стать таковым. Обе стороны конфликта относятся к тому региону, который в контексте более широкого процесса интеграции постепенно подходит к основам политического и экономического сотрудничества – к региону Черного моря. Большинство стран, расположенных на Черном море уже являются, либо желали бы стать членами НАТО. После предстоящего вступления Болгарии и Румынии, Европейский Союз обретет границы и на Черном Море. Ведутся переговоры с Турцией. Несмотря на то, что в настоящее время у Грузии и Украины нет непосредственной перспективы стать членами Европейского Союза, обе страны участвуют в Европейской политике добрососедства. Европейский Союз и Россия также договорились стать стратегическими партнерами. И наконец, все признанные государства Черного моря сообща работают в организации Экономического Сотрудничества Стран Черного Моря, головной офис которого расположен здесь, в Стамбуле.

Всё это, взятое вместе, подводит нас к комплексной картине региональной интеграции, где до сих пор непризнанная Абхазия, в большой степени изолированная на международном уровне, выступает как некое белое пятно, как *terra incognita*, наделенная богатой культурой и историей, и которая, может быть, имеет самое красивое побережье на Черном море.

Главной идеей этой конференции является то, что интеграция стран Черного моря, возможно, включает в себе потенциал для трансформации грузино-абхазских отношений, который однажды поможет, наконец, достичь окончательного политического урегулирования конфликта. Сегодня, по мнению организаторов этой конференции, зада-

чей, которая представляется более реалистичной, нежели перспектива незамедлительного прояснения вопроса о статусе Абхазии, и гораздо более важной, является взятие четких обязательств по неприменению насилия и продолжению сотрудничества по вопросам человеческой безопасности, экономического развития и по решению проблем беженцев. Такое сотрудничество, однако, может развиваться, только при условии, что обе стороны примут на себя обязательства о достижении общих целей, невзирая на вызывающую противоречия природу вопроса о статусе Абхазии. В этом состоит цель их участия в интеграции черноморского региона. Подобное сотрудничество также повлекло бы за собой поддержку сети внешних участников, к которым обе стороны конфликта имеют достаточное доверие.

В заключение, несколько слов о роли Европейского Союза. В Фонде Генриха Бёлля, поскольку мы из самого большого государства Европейского Союза, государства, которое примет президентство ЕС в первой половине 2007 года, мы активно поддерживаем политическое участие Европейского Союза на Южном Кавказе. Если быть более конкретным, то нам хотелось бы увидеть активную политику ЕС, поддерживающую всестороннее верховенство закона, такую политику, которая сочетает финансовую поддержку с ясными политическими сигналами, которая охватит все регионы Южного Кавказа: признанные государства Грузию, Армению, Азербайджан, а также непризнанные образования – Южную Осетию, Нагорный Карабах и Абхазию. Независимо от официального статуса, государство только тогда может быть привлекательно для своих граждан, к какой бы этнической или религиозной группе они не принадлежали, если, во-первых, в дополнение к провозглашению достоинств демократии и защиты прав человека, оно действительно гарантирует безопасность граждан. Во-вторых, оно активно создает и развивает инструменты защиты прав человека. И, в-третьих, если оно создает условия для демократического участия ее граждан. Это верно и для маленькой независимой страны, о которой мечтают абхазы, и для воссоединенной многонациональной Грузии, к которой стремится грузинская политика.

Я хотел бы поблагодарить вас за внимание и пожелать нам всем вдохновляющих двух дней интенсивных обсуждений. Большое вам спасибо. Я передаю слово Поле Гарб, которая ознакомит вас с процессом.

Пола Гарб – Большое Вам спасибо, Вальтер. Я бы хотела начать с приветствия и выражения благодарности моим присутствующим здесь коллегам, которые способствовали работе этих трех последних конференций. Во-первых, спасибо Фонду Бёлля за то, что они собрали нас всех вместе, и проделали основную часть организационной работы. Организация Международная Тревога (International Alert) также помогла с двумя предыдущими конференциями и последующими публикациями. Другим главным сподвижником процесса абхазо-грузинского миротворчества является организация Ресурсы Примирения (Conciliation Resources) наряду с Исследовательским Бергхоф-центром по конструктивному управлению конфликтом. Мы все вместе привели процесс абхазо-грузинского гражданского миротворчества к этой стадии. Хочу поблагодарить всех вас за весомый вклад.

Это тринадцатая большая конференция в рамках проекта Калифорнийского университета (Ирвайн), который начался в 1997 году. У нас были также шесть малых конференций. Двенадцать конференций стенографированы. Мы имеем записи дискуссий. Материалы данной конференции войдут в 13-ый том серии *Аспекты Абхазо-Грузинского Конфликта*. Эта публикация будет посвящена конфликту в контексте Европейской интеграции и интеграции стран Черного моря.

До предыдущих двух конференций, спонсорами которых были Фонд Генриха Бёлля и Международная Тревога, все конференции были двусторонними грузино-абхазскими. В 2004 году мы вступили в процесс обсуждений с представителями России в рамках трехсторонней конференции. Большинство участников всех конференций представляют гражданские общества сторон. Участники выражают точку зрения своих сообществ. Это ученые, журналисты, лидеры неправительственных организаций.

Главной целью большинства участников является поиск ненасильственного решения конфликта. Другой задачей является обмен информацией и достижение лучшего понимания взаимных претензий, точек зрения и перспектив каждого. Еще одной задачей, которая появилась позже, является нахождение вариантов для мирного урегулирования и влияние на высокопоставленных политиков. Представляя университет и будучи исследователем, я могу сказать еще об одной цели – изучение на основе этого процесса, какие формы ведения

диалога являются лучшими. Начиная эту работу, мы знали, что это будет долгосрочный проект, в котором мы систематически будем вовлечены в диалог, постоянно анализируя, какие способы лучше продвигают мирный процесс вперед, используя переговоры и мирные действия, как основные орудия для достижения мира.

Мы были намеренно прозрачными. С самого начала проекта мы договорились, что, чем более открытыми мы будем в наших беседах, тем больше людей мы сможем привлечь к дискуссиям. Наши публикации есть также и в интернете. Они в основном на русском языке, но скоро мы обязательно переведем их на английский.

Сейчас, для завершения беседы о процессе, я бы хотела передать слово Паате Закареишвили, грузинскому координатору процесса, который поделится своей точкой зрения о значимости этого процесса, и о том, чего ожидают от него грузины, с которыми он работает. Затем, Лиана Кварчелия, от лица Арды Инал-Ипа, абхазского координатора, которая не смогла быть здесь с нами, выступит от имени абхазов. Обычно мы начинаем наши конференции с того, что каждый участник рассказывает о своих целях, делясь с нами некоторой предварительной информацией, но для сохранения времени я попросила выступающих от каждой стороны сделать это от имени своих участников.

Паата Закареишвили – Эта встреча – подтверждение того, насколько эффективно ведется работа по диалогу с грузинскими и абхазскими представителями гражданских обществ. Многолетний опыт показывает, насколько стороны начинают больше доверять друг другу. Диалог является наилучшей возможностью решать свои вопросы, проблемы и делиться со своими обществами информацией, полученной в таком формате. Этот проект, о котором сейчас идет речь и о котором говорила Пола Гарб, с 97 года постоянно находится в фокусе внимания как грузинского, так и абхазского обществ. Они постоянно ждут результатов наших встреч. Уже выпущено 12 сборников, которые несколько раз переиздавались и являются, можно сказать, наиболее устойчивой возможностью влиять на грузинские и абхазские общества. По крайней мере, можно сказать, что в грузинском обществе часто, когда приходится оппонировать позициям властей, для которых не важны изучение интересов абхазской стороны, оппонентами

таких позиций становятся именно участники этих встреч. Именно из этих проектов, из этого диалога выросли другие очень важные проекты, которые тоже имеют свое устойчивое развитие. Это Шлайнингский процесс, где встречаются грузинские и абхазские политики и общественные деятели уже в закрытом режиме и более глубоко и серьезно обсуждают злободневные пути и вопросы. И другие проекты, которые изучают опыт других конфликтных зон, например, в Северной Ирландии или на Кипре. Так что видно, что между нашими обществами есть необходимость поддерживать такой формат диалога. Наконец, грузино-абхазские встречи дали начало новому многостороннему формату. Многие из вас знают, что уже два дня здесь, в этом зале шел грузино-абхазский диалог, эта встреча была очень полезной. Она была откровенной, честной, бескомпромиссной, можно сказать. Стороны стараются, уважая друг друга, довести друг до друга свои позиции и соответственно узнать позиции другой стороны. Помимо грузино-абхазских контактов для нас стало необходимым знать, как смотрят на этот конфликт другие стороны, скажем так, условно, третьи стороны. Один из главных игроков, конечно, Россия. И мы смогли вовлечь российских экспертов в наш диалог. Предыдущие две встречи были как-то связаны с обсуждением места и роли Россией в грузино-абхазском противостоянии. И вот сейчас международный формат дает нам возможность взглянуть на наш конфликт с разных точек зрения. Я приветствую всех и благодарен за ваш интерес, особенно международных экспертов, которые сочли нужным присутствовать на этой встрече, этим подтвердив, что эта встреча имеет свое место, и дает возможность увидеть, через ее призму, новые перспективы в грузино-абхазских отношениях. Уверен, что мы такие ожидания оправдаем и что у такого диалога между грузинами и абхазами есть большие перспективы и отсюда можно влиять, по крайней мере, на трансформацию конфликта, если не на его разрешение. Спасибо.

Лиана Кварчелия – Спасибо. Добрый день. Я тоже с удовольствием хочу приветствовать всех, кто присоединился к нашей встрече и добавлю несколько слов к тому, что сказал Паата. Мне кажется, очень важно понимать на каком фоне происходят наши встречи и вообще происходил процесс диалога все эти годы. После окончания войны в 1993 году мы все еще продолжаем жить в условиях угрозы возобновления новой

войны. Иногда эта угроза была реальная – мы помним события 1998 года, помним Кодорские события, и даже то, что было в Осетии несколько лет тому назад, что тоже создало негативный фон. Но есть, конечно, угрозы, которые существуют на вербальном уровне, я имею в виду популистскую риторику, связанную с выборами. Все это, безусловно, отражается на настроениях в наших обществах. В абхазском обществе многие действия и заявления со стороны Грузии вызывают вполне обоснованные опасения в отношении Грузии и еще большее отторжение. С другой стороны, в грузинском обществе, в частности среди беженцев, популистские речи о скором восстановлении «территориальной целостности» Грузии, вызывают определенные ожидания скорейшего разрешения проблемы и возвращения в Абхазию как часть Грузии и т.д. На таком фоне мы уже много лет ведем наш процесс диалога. В Абхазии есть два мнения по поводу целесообразности диалога с Грузией. Очень многие говорят, зачем вообще разговаривать с врагом, который начал войну, продолжает нам угрожать и ничего, кроме территориальной целостности не приемлет. И есть мнение небольшой части людей, – это, в основном, представители гражданского общества, некоторые представители официальных структур, которые считают, что надо использовать возможности диалога для предотвращения новой войны. А для этого надо говорить друг с другом, стараться лучше понять друг друга. Мы бы хотели, чтобы грузины поняли и услышали, почему для нас так важна независимость, с чем это связано, почему мы добиваемся именно независимости. И для абхазов полезно узнать, какие опасения у грузин связаны с абхазской независимостью.

Абхазские участники данного процесса, конечно, с самого начала понимали, что у наших грузинских коллег желание вести диалог с абхазами совпадает с общими настроениями в Грузии и желанием вернуть Абхазию в свой состав. Абхазские участники, в свою очередь, выступали за независимость и одновременно считали важным вести диалог с грузинским обществом и достигать какого-то взаимопонимания, чтобы конфликт был действительно урегулирован. Мне кажется важным, что наших грузинских коллег не остановил тот факт, что в таком формате они предоставляли нам платформу для того, чтобы мы могли на международном уровне озвучить проблемы Абхазии. Я считаю очень ценным то, что у участников этого процесса есть ощущение того, что будет более справедливо, если мир услышит не только

грузинскую версию и грузинские идеи о том, как должен быть урегулирован конфликт, но и абхазскую сторону тоже. Ценно и то, что моих друзей и коллег из Абхазии не остановило неодобрение в абхазском обществе контактов с Грузией. Милитаристский настрой грузинского руководства, отсутствие по его вине соглашения о мире, все это не способствует, конечно, доверию. Но мы считаем важным продолжать этот процесс, потому что видим путь к устойчивому стабильному миру в достижении, если не соглашения, то по крайней мере, взаимопонимания в каких-то важных вопросах.

Так получилось, что наш диалог стал важным каналом для непосредственного общения представителей двух обществ, а также для представителей официальных структур. Ведь идея Шлайнингского процесса тоже родилась, в общем-то, в результате наших контактов. Я считаю, что это серьезный канал для коммуникации. Важно и то, что к нашему диалогу подключились аналитики, эксперты из других стран. Это страны, которые играют существенную роль в нашем регионе. Хотя мы часто слышим от внешних наблюдателей, особенно политиков, слова о том, что ключ к решению проблемы лежит непосредственно в Абхазии и в Грузии, в реальности, как мы все понимаем, он лежит во многих местах. Поэтому важно приглашать из стран, имеющих интересы в нашем регионе, экспертов и аналитиков, тех людей, которые, в свою очередь, могут повлиять на общественное мнение в своих государствах. Важно, чтобы у них тоже было адекватное представление о том, что думают абхазы и грузины.

В своем процессе мы не ставим такую амбициозную цель – придумать окончательный рецепт и разрешить грузино-абхазский конфликт. Но, все-таки, мы достаточно амбициозны, потому что стремимся собрать такую критическую массу людей из числа представителей гражданского общества, аналитиков, экспертов, влияющих на общественное мнение, массу людей, которая будет выступать исключительно за мирное разрешение этого конфликта, И не просто декларировать свою приверженность миру, но и предлагать какие-то идеи, которые помогли бы нам приблизиться к нему. Спасибо.

Пола Гарб – Сейчас я большим удовольствием представляю следующего спикера, Питера Семнеби, специального представителя ЕС по Южному Кавказу. Тема: «Значение Черного моря с точки зрения ЕС»

Питер Семнеби

ЗНАЧЕНИЕ ЧЕРНОГО МОРЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕС

Большое спасибо и благодарю за приглашение на эту очень важную конференцию. По большому счету, это также будет для меня опытом приобретения знаний, поскольку я относительно новый человек на этом посту. Я не новичок в регионе. Я бывал в Грузии и Абхазии. Я был в Абхазии 13 или 14 лет тому назад в составе первой группы, которую учредила миссия ОБСЕ в Грузии. Во время трагического периода военных действий у меня была возможность несколько раз приехать в Абхазию и посетить Сухуми, Гудауту, Гагры, а также и другие места. С тех пор как я был назначен на этот пост, у меня не было возможности вернуться в Абхазию, но я намереваюсь сделать это как можно скорее. Эта конференция, то, что я здесь услышу и знакомства, которые я здесь заведу, помогут мне продуктивно подготовиться к моему визиту.

Меня попросили рассказать о стратегических интересах Европейского Союза в этом регионе. Тема звучит так, как будто бы этот регион является лишь объектом политики ЕС. Я, однако, готов настаивать, что тот факт, что ЕС приближается к Южному Кавказу показывает, что ЕС хочет построить крепкие партнерские отношения с этим регионом. Для этого есть несколько причин. Многие из них очевидны сами по себе. Румыния и Болгария станут членами Европейского Союза очень скоро, в начале следующего года, либо годом позже. Это радикально изменит перспективу ЕС в юго-восточной Европе. Впервые в состав ЕС войдут страны, расположенные на берегах Черного моря. Тот факт, что ЕС решил начать переговоры с Турцией о вступлении в Союз, также радикально меняет перспективу ЕС в этом регионе. Наконец, Турция граничит со всеми тремя странами на Южном Кавказе. Становится все более очевидным, что Южный Кавказ является очень важным аспектом очень важных взаимоотношений ЕС с Россией. Вопросы энергоснабжения и события последнего года в

частности, также увеличили интерес к Южному Кавказу в связи с его ролью поставщика энергии и потенциала для диверсификации маршрутов поставок и источников энергии.

Основываясь на этих главных параметрах, я бы хотел поделиться некоторыми заключениями о роли ЕС. Во-первых, ЕС заинтересован в том, чтобы иметь стабильных партнеров на своих границах. Также у ЕС есть убеждение, что прочным является такое сотрудничество, которое основано на общих ценностях – на демократии, правовом государстве, на соблюдении прав человека, включая соблюдение прав меньшинств, и рыночной экономике. Во-вторых, учитывая тот факт, что Южный Кавказ является важной частью наших взаимоотношений с Россией, необходимо в этом важном регионе, где ЕС и Россия имеют общие интересы, устранить, насколько это возможно, существующие трения с Россией. Это и делается весьма эффективно, путем определения общих интересов с Россией, но в то же время, и это очень важно, поддерживая и защищая основы, на которых базируется ЕС – те общие ценности, которые я называл.

В распоряжении ЕС имеется несколько инструментов, которые разработаны для осуществления этой политики. Первым является, как вы все знаете, Европейская Политика Добрососедства, в осуществлении которой сейчас участвуют все три страны на Южном Кавказе. Переговоры об индивидуальных Планах Действий для осуществления Европейской Политики Добрососедства продолжаются уже некоторое время со всеми тремя странами и, фактически, подходят к концу. Эти Планы Действий станут весьма мощными инструментами для развития общих интересов, совместных действий в ряде сфер и в достижении того, что общие ценности станут частью и составят основу всех отношений. Важно также заметить, что Европейская Политика Добрососедства и Планы Действий требуют исполнения. Это значит, что Европейский Союз должен предоставить помощь и поддержку, но и страны, которые участвуют в осуществлении Европейской Политики Добрососедства, должны не только продемонстрировать интерес, а также и внести свой вклад. В идеале это будут диалектические отношения.

ЕС уже рассматривает вопрос финансирования Европейской Политики Добрососедства в следующей финансовой перспективе

Европейского Союза, на 2007 – 2013 годы. Пока еще рано говорить, сколько денег будет выделено для каждой из стран на Южном Кавказе, но это будет достаточная сумма – около нескольких сотен миллионов евро на страну.

Однако, имеются некоторые ограничения в Европейской Политике Добрососедства, которые стали очевидными в процессе переговоров с тремя странами. Самым важным ограничением является то, что Европейская Политика Добрососедства не может предложить перспективу членства. Это значит, что по-настоящему далекого перспективного видения здесь нет. Это ограничивает преобразовательную энергетику Европейской Политики Добрососедства. Другим ограничением Европейской Политики Добрососедства является то, что она охватывает очень большую территорию, значительную часть всего Средиземноморья и весь регион Черного моря, пока еще без ясного различия между этими двумя территориями и очень специфическими условиями, существующими в этих двух регионах. Это уменьшает возможности точной настройки инструмента.

Вторым инструментом является Специальный Представитель ЕС на Южном Кавказе. Существуют специальные представители для ограниченного числа регионов особой важности или особой сложности, в смысле взаимоотношений с ЕС. Я являюсь вторым человеком, занимающим этот пост. Некоторые из вас, возможно, встречались с моим предшественником господином Талвите, бывшим послом Финляндии во многих странах, включая Россию. Он занимал этот пост в течение двух с половиной лет.

Мандат специального представителя ЕС охватывает почти все области деятельности Европейского Союза. Я хочу отметить, что от специального представителя ожидают исполнения роли, которая относится к урегулированию конфликтов, возможно, это самая главная часть поручения. Эта часть мандата была усилена после обсуждений в Совете Европейского Союза, когда несколько месяцев назад был назначен новый специальный представитель ЕС.

Это очень тонкие изменения, замена одного слова другим. Мой предшественник должен был «помогать» в разрешении конфликтов, а я должен «содействовать» разрешению конфликтов. Это хорошо обдуманый политический сигнал ЕС по отношению к разрешению

конфликтов, что стало более важным приоритетом на повестке дня ЕС, чем это было ранее.

Есть и другие важные аспекты работы специального представителя ЕС. Одной из сфер, в которой специальный представитель может внести свой вклад, является обеспечение последовательности политики ЕС в том числе и для того, чтобы преодолеть политическую фрагментацию, существующую между некоторыми странами-членами в отношении ряда аспектов политики ЕС. Это не секрет, что существуют сильные личные интересы многих новых стран-членов в политике, в частности, по отношению к России. Но, в то же самое время, есть необходимость обеспечить последовательность политики ЕС между двумя институтами ЕС. Поскольку пока ЕС не имеет своей конституции, важна роль специальных уполномоченных и специальных представителей. Это особенно важно в таких регионах, как Южный Кавказ, где политика ЕС находится на стадии формирования.

Специальный представитель ЕС должен также заниматься некоторыми аспектами, связанными с безопасностью и аспектами построения государства. В Грузии, например, мой предшественник занимался, и я также продолжаю заниматься, двумя такими аспектами. Первый относится к управлению границами, в регионе находится команда для оказания помощи грузинским властям в этом важном и сложном деле. Другим аспектом является верховенство закона и правовая реформа. В течение года в регионе находилась миссия, которая разрабатывала стратегию для обеспечения верховенства закона и правовой реформы. Согласно выработанной стратегии в настоящее время формируются основы для работы грузинского правительства в этих сферах. И я, конечно, продолжаю следить за этим.

Существуют также и ограничения в функционировании специального представителя ЕС в качестве инструмента. После того, как я начал заниматься этой работой, я обнаружил, что основным недостатком является малый кадровый ресурс, которым располагает специальный представитель ЕС. Я также занимаюсь этим вопросом.

Другой категорией инструментов являются региональная политика и региональные инструменты. Я говорю об этом с некоторой оговоркой, поскольку, как я уже упоминал, у нас нет никаких региональных инструментов для областей Южного Кавказа и Черного моря. Так

что, это в действительности гипотетический вопрос, над которым ведется интенсивная работа. В ЕС возрастает понимание того, что необходимо правильно сосредоточиться на отдельных региональных проблемах, с которыми мы сталкиваемся в этом регионе. Я полагаю, что ЕС проявит большой интерес к вопросам сотрудничества на Черном море. Как я уже говорил, я думаю, что этот вопрос будет обсуждаться. Я не осмеливаюсь сказать, к чему это приведет, но, несомненно, будут обсуждаться вопросы дифференциации и региональные аспекты: дифференциация Европейской Политики Добрососедства и включение региональных аспектов в эту политику.

Существуют также трудности в работе внутри региона. Самой сложной проблемой, с которой мне пришлось столкнуться на многих региональных форумах, проводимых в регионе Черного моря, были сложности с привлечением России. Регионы Черного моря и Кавказа, с точки зрения регионального сотрудничества, являются, безусловно, неполными без России. Если не вовлекать Россию, то можно оказаться в ситуации, когда такие форумы могут привести к обратному результату. По-видимому, в этом контексте в России думают, что роль России, как и прежде, будет приуменьшаться. Я очень сожалею, если в Москве думают таким образом. Я надеюсь, что путем вовлечения России в диалог на различных уровнях, мы сможем создать основу для большего энтузиазма в отношении регионального сотрудничества, в которое будут вовлечены и Россия, и Европейский Союз, и другие партнеры.

Нам также приходится сталкиваться с некоторыми проблемами при подготовке региональных форумов из-за довольно расходящейся, и все более расходящейся международной политики многих стран региона. Если посмотреть на Южный Кавказ более узко, Грузия в сильной степени обращена в сторону Запада. Позиция Армении во многих отношениях все еще предопределена ее изоляцией, по крайней мере, когда я вернулся в Армению после более десяти лет отсутствия, я вновь почувствовал, что Армения живет в коконе. Азербайджан становится очень самоуверенным благодаря доходам от нефти и их быстрому увеличению. В результате он проводит очень уверенную международную политику, основанную на балансировании между различными интересами и противодействующими игроками.

Четвертым орудием ЕС является политика в отношении самой России. Я не буду тут углубляться в детали. Мы развиваем отношения с Россией по четырем общим областям – торговле, экономике, праву, развитию научных исследований, а также в области политики. Это совсем не легко, и здесь мы также сталкиваемся с ограничениями в отношении того, насколько далеко мы можем развивать общую линию с Россией, нет достаточного единства в Европейском Союзе по поводу перспектив относительно России. Но при этом мы, возможно, уже видим ситуацию, когда страны ЕС постепенно подходят к общему согласию относительно разных аспектов отношений с Россией. Одним из таких аспектов является энергетическая политика, где просматривается большая степень единства ЕС на данный момент, и возможно, относительно некоторых субрегиональных аспектов Российской политики. Это те вопросы, по которым ЕС приходит к общему мнению, включая политику на Южном Кавказе.

Еще одним ограничением является то, что в самой России все еще продолжается обсуждение политики в отношении Европейского Союза, грубо говоря, должен ли Европейский Союз рассматриваться как соперник или как партнер. Это обсуждение имеет большое влияние на проблемы, с которыми они или мы сталкиваемся и на Южном Кавказе.

До назначения на этот пост, я несколько лет работал на Балканах. Я возглавлял миссию ОБСЕ в Хорватии. Когда я приступил к работе на Южном Кавказе, я не мог не вспомнить об уроках, которые я получил на Балканах, и не мог не думать, как применить их на Южном Кавказе. Существует много общего между этими двумя регионами, а также и много различий, которые, оглядываясь на полученный опыт, мы должны учитывать.

Наиболее очевидным сходством является политическая разрозненность, существующая в двух регионах и тот факт, что мы имеем дело с молодыми, малыми и слабыми государствами, где очень сильно ощущается необходимость в безопасности. Сходным между двумя регионами является весь план мероприятий в переходный период. Сравнительно важное стратегическое расположение двух областей также является сходством. Балканы, или бывшая Югославия, расположены в стратегически важном месте для транспорта внут-

ри Европы. Южный Кавказ также важен для транспортных и энергетических целей.

Замороженные конфликты тоже являются сходством двух регионов, хотя мне бы не хотелось вести эту параллель слишком далеко. Я больше не вернусь к ней в моей презентации, но это является одним из самых тяжелых вопросов. Разрешение таких конфликтов в обоих регионах, возможно, являются наиболее тяжелыми вопросами в нашей повестке дня.

Последним сходством обоих регионов, которое я хочу упомянуть, является поиск новой идентичности. Я не говорю ни о чем таком, что может заменить национальную идентичность, но о том, что должно заменить неудавшиеся в прошлом идентичности – советскую идентичность, с одной стороны, и югославскую идентичность, с другой стороны. То, что на сегодняшний день заменило эти идентичности в обоих регионах, является весьма ограниченную, националистическую повестку дня, схожую с существовавшей в 19 веке. Этого недостаточно. И это, на самом деле, не соответствует тем ценностям, которые мы принимаем в мире сегодня, и которые принимает Европейский Союз. Эта идентичность должна быть дополнена чем-то еще, и европейская повестка дня могла бы стать одной из таких возможностей. Я бы сказал, что это единственная из очевидных возможностей, которые существуют. Я ясно видел на Балканах, как введение и постепенное принятие европейской повестки дня положительно повлияло на устранение некоторых препятствий в развитии отношений между бывшими врагами на Балканах. Я надеюсь, что подобное произойдет и на Южном Кавказе. Но опять-таки, европейская программа не является альтернативой национальной или этнической идентичности, а только дополнением к ним.

В заключение скажу, что я и мои коллеги в Европейском Союзе очень верим в то, что раздробленный регион Южного Кавказа может быть восстановлен и вновь объединен разумными средствами только в более широких рамках. Это мое первое наблюдение в виде вывода. Второе, есть необходимость выработать новую общую идентичность, альтернативную несостоявшейся советской идентичности, в дополнение к национальным идентичностям в регионе. Третье наблюдение заключается в том, что, в силу разных причин, Европа и

Европейский Союз могут сыграть важную роль. Европейский Союз является тем игроком, который пользуется особым доверием у всех вовлеченных сторон. Европа является единственным действующим лицом, которое может предложить эту новую идентичность. Между строк, я стал замечать в последнее время, что даже американские представители иногда говорят своим собеседникам в странах Южного Кавказа, что они должны быть более европейскими, и что это принесет им большую пользу в дальнейшем. Моим четвертым заключением является то, что когда Европейский Союз начинает заниматься чем-то, он занимается этим без соперничества, стараясь собрать все стороны вместе. В то же время, Европейский Союз должен твердо следовать и защищать свои основные принципы – общие ценности – демократию, верховенство закона, права человека и т.д., потому что, только через охрану и защиту этих ценностей, европейская идентичность может быть привлекательной, а Европейский Союз сможет утвердить свою преобразовательную силу и продолжать помогать этому региону обрести видение своего будущего.

ОБСУЖДЕНИЕ

Пола Гарб – Большое Вам спасибо за очень информативную презентацию. А сейчас наступило время для комментариев и вопросов.

Давид Дарчиашвили – Спасибо за презентацию, призывающую к размышлениям. Участвуя в работе многих семинаров, мне редко приходилось слышать выступления дипломатов, которые были бы так открыты и так глубоко затрагивали вопросы, как это было в Вашей презентации.

Вы заметили, что в регионе Южного Кавказа нет альтернативы развитию дополнительной идентичности, иначе не обойтись без соскальзывания назад в советское тоталитарное мышление. В то же самое время, Вы сказали, что приглашение в ЕПД (Европейскую Политику Добрососедства) не создает стимулов для присоединения к Европе. Вчера или позавчера у нас состоялась интересная дискуссия о шансах Грузии получить что-то большее от Европейской По-

литики Добрососедства (ЕПД). Как мы знаем, и если мы не правы, Вы нас поправите, важным разногласием в переговорах о Плане Действий ЕПД является то, что Грузия хочет вставить в начало текста фразу о том, что Европейский Союз отмечает желание Грузии вступить в Европейский Союз и приветствует европейский выбор Грузии. Однако Брюссель с этим не соглашается. Если это так, то как может европейский выбор поощряться несколькими словами в этом документе?

Нагали Точчи – Мой первый вопрос связан с вопросом Давида. Я бы хотела слегка его развить. Я не думаю, что сам по себе тот факт, что если ЕПД исключает возможность членства, то это препятствует формированию европейской идентичности на Южном Кавказе. Однако, я все же думаю, что тот конкретный путь, по которому развивается ЕПД, приводит именно к этому, он исключает это. Я воспринимаю это, как нанесение раны себе в ногу, именно потому, что ЕПД была смоделирована в большой степени с ориентацией на расширение. Исключая конечную точку, которая автоматически заложена в расширительном процессе, в регионе создается ощущение, что политика ЕС больше исключаящая, чем включающая. Это один комментарий на вопрос Давида.

Мой второй вопрос также связан с ЕПД, в частности о связи, которая может или существует между ЕПД и разрешением конфликта. Я думаю, этот вопрос тоже возник из Вашей презентации. Я думаю, это достаточно ясно, что для ЕПД, как и для ЕС, главное направление в области разрешения конфликтов, является поощрение внутренних изменений внутри конфликтующих сторон. Сейчас стало ясно, что это применяется только в отношении Грузии, и также ясно, что по крайней мере, в принципе, ЕПД охватывает также Абхазию и Южную Осетию. Однако, была ли предпринята какая-либо попытка включить также абхазов и южных осетин в процесс разработки ЕПД на Южном Кавказе?

Маркедонов Сергей – Если позволите, сначала маленький комментарий, потом вопрос. Честно говоря, мне показалось несколько странным и по результатам первого вводного выступления Вальтера Кауф-

манна и по результатам выступления господина Семнеби, что не упомянутой оказалась в контексте черноморской интеграции такая структура, как ОЧЭС – Организация черноморского экономического сотрудничества. В выступлении Вальтера Кауфманна упор был сделан на НАТО. В выступлении господина Семнеби речь шла о евроинтеграции, о балканских казусах. Ведь ОЧЭС – это государства, на территории которых как раз и находятся все четыре самопровозглашенных образования постсоветского пространства. На мой взгляд, если мы говорим о черноморской интеграции, то тем более нельзя согласиться с тем замечанием, которое сделал Вальтер о том, что Россия находится в стороне от интеграционных процессов в черноморском регионе. Россия – член ОЧЭС, Россия и с НАТО достаточно активно сотрудничает, Россия в эти вещи вовлечена. Я думаю, что не стоит маргинализировать российскую позицию в этом контексте. Если, кстати говоря, мы рассматриваем европейскую интеграцию и вообще интеграцию в черноморском регионе и с точки зрения ОЧЭС, тогда мы не только говорим, что Абхазия вне интеграционных процессов, но и Приднестровская молдавская республика – второе непризнанное образование – тоже находится вне этих контекстов. Поэтому в этой связи у меня к господину Семнеби вопрос – ваша оценка ОЧЭС и ее эффективности и оценка этой структуры как проевропейской организации. ОЧЭС – это своего рода фронтальная пограничная структура между Евросоюзом и проевропейским союзом, то есть, объединением государств, хотящих войти в ЕС. В случае с Болгарией и Румынией вопрос решен. Как говорил первый и последний президент Советского Союза: «Процесс пошел». В случае с Турцией процесс еще не пошел, но он идет где-то. Есть еще и Албания, которая очень хочет в Европейский Союз. Есть еще государства южного Кавказа, которые тоже считают себя частью Европы или пытаются быть частью Европы. То есть, ваша оценка интеграционного потенциала эффективности ОЧЭС и для разрешения конфликтов, и для черноморской интеграции.

Вячеслав Чирикба – может быть, дополняя другие вопросы, все-таки более четко – какие конкретные возможности есть для участия непризнанных государств в процессе интеграции стран черноморского региона?

Маркедонов Сергей – Возможности можно дополнить форматом.

Питер Семнеби – Как бы я хотел иметь ответы на все эти вопросы. Я боюсь, мне придется некоторых из вас разочаровать. Многое из того, о чем мы сейчас говорим, уже делается. В частности, я не уполномочен отвечать на последний вопрос. В общих чертах, я бы сказал, что это зависит от того, о каком формате мы говорим. Если мы говорим о формате сотрудничества в региональных форматах сотрудничества, не между государствами, а внутри регионов, например, где такое участие могло быть возможным при условии, что будут учтены все ограничения, предусмотренные международным правом. Но я здесь, на самом деле, просто рассуждаю.

А в отношении вопроса о том, была ли сделана попытка включить абхазов и южных осетин в переговоры о Планах Действий, то такие переговоры велись с правительствами соответствующих стран. Со стороны Европейского Союза мы предлагали правительствам провести консультации относительно содержания Плана Действий и убедиться в том, что позиции, которые они выберут, будут иметь бы твердую поддержку в их странах. Я полностью осознаю, что никаких консультаций не последовало ни в Цхинвали, ни в Сухуми. Тем не менее, в Планы Действий включены материалы для образований, которые не контролируются правительством, и также будут программы, в рамках Плана Действий, которые также принесут пользу Абхазии и Южной Осетии. Я понимаю, что мой ответ не может вас полностью удовлетворить, но в основном это то, что было сделано в условиях очень сложной ситуации.

О вопросе идентичности. Я думаю, что на первый вопрос ответ был до некоторой степени дан в комментариях Натали Точчи. Да, это проблема, если в конце процесса мы не можем обозначить европейские устремления. Тем не менее, я не думаю, что из-за различий, с которыми сталкиваются некоторые страны Европейского Союза, стоит преувеличивать эту проблему. По сути, Планы Действий предлагают очень широкое и глубокое сотрудничество, порождающее чувство общей идентичности, которая будет со временем реализована. Так что, я думаю, что неправильно смотреть только на формулировки, или на отсутствие определенных формулировок в Планах Действий.

Касательно Экономического Сотрудничества Стран Черного Моря, да, я уверен, что ЭССЧМ имеет потенциал и что он должен развиваться. Это орган для экономического сотрудничества, возможно, существуют и другие области сотрудничества, которые также должны развиваться в рамках региона. Я думаю, что нужно обратить внимание и на другие форумы, не для того, чтобы заменить ЭССЧМ, а для того, чтобы дополнить его, и в то же самое время, возможно, приложить усилия для большего укрепления этого органа.

Батал Табагуа – господин Семнеби у меня такой вопрос. Когда Евро-союз оказывает помощь Косово, вы это согласуете с государственными властями Сербии или вы непосредственно оказываете им помощь?

Питер Семнеби – Косово – это особый вопрос. В результате соответствующих резолюций Совета Безопасности, когда члены Совета Безопасности решили приостановить суверенитет Сербии над Косово, мы получили уникальную ситуацию в Косово.

Ираклий Хинтба – господин Семнеби, какие формы непосредственного Вашего участия в грузино-абхазском урегулировании, Вашего участия как спецпредставителя ЕС на Южном Кавказе предусматривает ваш мандат?

Лиана Кварчелия – У меня есть замечание, господин Семнеби. Вы упомянули Совет Безопасности ООН. В официальном переговорном процессе под эгидой ООН есть один важный момент: в нем признаются две стороны конфликта. ООН и Совет Безопасности хотя бы признают, что участником переговоров с абхазской стороны является абхазское правительство. ООН понимает, что для урегулирования конфликта важно говорить и с абхазской стороной. Однако недостатком переговорного процесса под эгидой ООН является то, что эта организация предлагает готовый рецепт разрешения конфликта, который отражает устремления только одной стороны, а именно, грузинской.

Упомянув Абхазию и Южную Осетию, Вы сказали, что это «территории, неподконтрольные правительству». Вы, как я понимаю, имели в виду, грузинское правительство. Если Европейский Союз

будет называть Абхазию не иначе, как «неподконтрольная Грузии территория», если Абхазия не будет признана даже как сторона в переговорах, то я не верю, что вмешательство Европейского Союза может быть плодотворным.

Во-вторых, я не знаю, собирается ли Европейский Союз смотреть на Абхазию только через призму разрешения конфликта. Я хотела бы в этой связи сделать акцент на важности внутренних процессов в Абхазии. В Абхазии не дожидаясь, когда нас включат в План Действия, давно работают над усовершенствованием законодательства, мы пытаемся укреплять демократические институты, которые нуждаются в поддержке. Мы можем продолжать свою работу без поддержки со стороны Европейских структур, но я думаю, что будет более конструктивно, если ЕС обратит внимание на положительные изменения в Абхазии, тем более, если он хотел бы играть более существенную роль в урегулировании конфликта.

Питер Семнеби – Европейский Союз не собирается перенимать задачу разрешения конфликта от тех, кто этим занимается. Существуют разные механизмы разрешения четырех конфликтов, которые мы имеем на территории бывшего Советского Союза. Некоторые из них функционируют лучше, чем другие. Там, где Европейский Союз может помочь, мы готовы это сделать, но мы не собираемся себя навязывать.

Мы также собираемся подготовиться к обсуждению того, какую пользу может принести Европейский Союз, после того, как решение будет найдено. К настоящему моменту в отношении Абхазии мы не очень много анализировали, однако ранее, перед самой последней встречей в Бухаресте президентов Армении и Азербайджана, это было сделано. Мы провели некоторые очень предварительные неформальные обсуждения относительно того, как лучше помочь и какими способами поддержать намечающееся урегулирование в Нагорном Карабахе. По разным причинам, урегулирования не произошло, но этот вклад мы можем сделать не только в Карабахе, но и в других местах.

А насчет того, является ли правительство в Абхазии участником переговоров или нет, то мы путаем здесь разные вещи. В смысле обсуждения Плана Действий с Грузией, они им не были. Но это не значит, что мы исключили власти в Сухуми как партнеров. Мы по-

нимаем, что мы должны с ними разговаривать, и мы будем говорить. Я собираюсь часто посещать Абхазию. Я очень сожалею, что у меня, с тех пор как я получил мандат, еще не было возможности, но я поеду туда, и я обязательно буду разговаривать с властями. А в отношении осуществления Плана Действий, вы также можете ожидать, что будут и другие представители Европейского Союза, которые также будут иметь связь с правительством в Сухуми. Я думаю, что тут имеет место небольшое недоразумение.

Рейчел Клогг – Мой вопрос касается восприятия Европейского Союза в регионе и как оно может быть улучшено? Меня заинтересовало то, что Вы сказали о замене региональной идентичности на европейскую идентичность для заполнения пустоты, оставленной уже несуществующей советской идентичностью, для дополнения национальной и этнической идентичности. Меня удивило то, что для определенных участников разговора в регионе это кажется довольно угрожающей перспективой. Я думаю, что имеет место недопонимание того, что на самом деле могут принести с собой те общие ценности, о которых Вы говорили, и каковы интересы, лежащие за этим. Определенный скептицизм или подозрение, в особенности у непризнанных образований, я думаю, можно понять. Мой вопрос о том, как может Европейский Союз охватить более широкие слои населения Южного Кавказа и предоставить людям возможность действительно понять, что означает Европа, и что она может значить для них и в смысле того, что можно было бы осуществить в регионе, и относительно возможности для людей со всего Южного Кавказа путешествовать в Европу для лучшего ознакомления с ее институтами? Меня интересует Ваше мнение об этом

Вальтер Кауфман – Европейский Союз пользуется меньшим доверием у непризнанных единиц, чем у признанных государств. Я прекрасно понимаю дилемму, перед которой стоит ЕС. Тем не менее, предполагается ли некоторая корректировка формулировок? Потому что, если сказать, например, что мы не обсуждали План Действий с территориями, которые не находятся под контролем правительства, то это та формулировка, которая может вызвать недоверие у участников разговора в Абхазии. Я повторяю, я понимаю дилемму. Но может быть это то, о чем надо подумать?

Кристиан Бжания – некоторые аспекты возможного сотрудничества и ситуацию в конфликтующих странах мы уже обсуждали с нашими коллегами вчера. И эти идеи, судя по высказываниям господина Семнеби, актуальны и сегодня, чтобы их можно было бы повторно озвучить. В этой связи я бы хотел знать ваше мнение. Существуют некие виртуальные предложения о том, как может Абхазия видеть себя в программах Евросоюза, в процессе интеграции стран черноморского бассейна и в то же время в этих предложениях присутствует политическая подоплека. Не кажется ли вам, что было бы более прагматично предложить или сказать абхазской стороне, или обозначить тот критический предел, который не сможет переступить Евросоюз в отношениях с Абхазией или другими конфликтными регионами на Кавказе. Это нужно для того, чтобы правительство Абхазии и общество Абхазии не испытывали определенных иллюзий и более практично подошли к этому возможному сотрудничеству и, что я не исключаю, вовсе бы отказались от него в силу чрезмерной политизированности очень многих проектов. К сожалению, мы все были свидетелями многих хороших начинаний, которые впоследствии «почили в бозе», потому что всегда увязывались с политическими вопросами.

Вячеслав Чирикба – Сначала о формате регионального сотрудничества, в который могут быть вовлечены непризнанные государства. Вы из Швеции и Вы знаете о примере Гренландии, которая является отдельным членом Северного Совета, отдельным от Дании. Я считаю, что разговор об Абхазии, как о территории, не находящейся под контролем правительства, является абсурдным, потому что там есть полностью действующее правительство, которое контролирует территорию Абхазии. Когда Вы говорите, что Косово уникально, что я думаю не так, Вы говорите с точки зрения реальной политики, или с точки зрения международного права?

Питер Семнеби – О вопросе восприятия образа Европейского Союза, я могу только сказать, что вы абсолютно правы. Это то, над чем мы должны поработать, и что мы определили для себя как приоритет. Здесь есть, над чем поработать. Мы должны хорошо подумать об этом. Но Вы абсолютно правы, и я согласен с Вами на 100 %. О

том, какие формулировки мы используем; нет ни одной такой формулы, которую мы могли бы использовать, и которую приняли бы обе стороны – и Сухуми, и Тбилиси, до тех пор, пока существует конфликт. Мы не можем уклоняться всецело от вопросов, но сейчас не время, с нашей точки зрения, обсуждать вопросы статуса. Мы не можем всецело уклониться от вопросов потому, что нам иногда необходимо вступать в формальные отношения с одной или другой стороной. Всегда будут иметь место такие аспекты, с которыми другая сторона будет чувствовать себя неудобно. Европейский Союз хочет быть ясным и открытым настолько, насколько это возможно, относительно того, что он отстаивает, для того, чтобы абхазская сторона могла узнать о параметрах и приняла решение о том, желает ли она, нуждается ли она, или даже отказывается от того, что предлагается. В конфликтной ситуации некоторые вопросы остаются двусмысленными. Относительно Плана Действий, мы ведем переговоры с правительством Грузии. Это совершенно ясно. Но мы также будем поддерживать связь с Сухуми, чтобы быть уверенными, что программа внутри Плана Действий принесет пользу и Абхазии. Я совершенно уверен, что эти программы будут восприниматься населением Абхазии, как полезные, хотя может быть не всеми, но думаю, что, в общем, они не будут поставлены под сомнение.

Об аналогии с Гренландией; я не думал об этой конкретной аналогии. Я об этом подумаю. Относительно уникальности Косово мне как-то неудобно прекратить разговор на эту тему, потому что мы с Вами в этой группе никогда не приходим к соглашению о том, является ли это уникальным случаем или прецедентом. Давайте я скажу так, будь то реальная политика или международное право – здесь присутствуют аспекты и того, и другого. Во всех этих вопросах всегда есть политические аспекты, суждения и интересы, которые играют определенную роль. Но тут присутствуют также, на основании того, что было решено Советом Безопасности в отношении Косово, сильные аспекты международного права. У меня нет надежды на то, что мы приходим к соглашению об этом сейчас, на этом форуме. Предлагаю приберечь этот вопрос для другого раза.

Пола Гарб – Спасибо всем за интересное вступительное заседание.

Андрей Рябов

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧЕРНОГО МОРЯ – РОССИЙСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Дефицит стратегии и его причины

В последние годы российская политика в регионе Черного моря часто подвергается критике – и не только за конкретные действия, в первую очередь связанные с нежеланием РФ содействовать разрешению конфликтов вокруг непризнанных государств – Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья или же нацеленные на обеспечение доминирования на нефтегазотранспортных коридорах, которые пролегают через близлежащие территории. Россию все чаще критикуют за отсутствие долгосрочной стратегии в отношении данного региона, либо, как минимум, за непоследовательность этой стратегии. Хотя подобные упреки и справедливы, следует отметить, что в той или иной степени они могут быть отнесены и к другим глобальным игрокам в Черноморье – США и Европейскому Союзу. Очевидно, что «дефицит стратегического видения», с которым столкнулись эти акторы, не является чем-то случайным. Он обусловлен причинами фундаментального характера. За последние годы регион Черного моря под влиянием процессов, вызванных глобализацией, стал стремительно превращаться из полупериферийного и полуизолированного, в важнейший перекресток Евразии, где сталкиваются сразу несколько геополитических проектов – «Большой Европы», «Большой Азии», «Большого Ближнего Востока». Исчезновение привычных реалий, неопределенность дальнейшего развития системы международных отношений в данной части мира, появление потенциальных возможностей для реализации различных альтернатив, – все это ставит перед глобальными игроками непростые задачи выработки принципиально новых подходов. К тому же, эти изменения осложняют процесс выработки современных стратегий. Затрудняется и разворачивающееся одновременно постепенное обособление Черноморья из более широкой политико-географической общности, которую раньше называли (да по

традиции многие и сейчас продолжают называть) Черноморско-Каспийским регионом, в самостоятельную единицу.

Если в период существования Ялтинско-Потсдамской системы регион отличался стабильностью и устойчивостью сложившихся здесь балансов сил и интересов при явном доминировании СССР и его союзников по Варшавскому договору, то после распада Советского Союза, началось радикальное переформатирование прежней региональной системы международных отношений. Позиции России как правопреемницы СССР значительно ослабли, в регионе возникло несколько вооруженных конфликтов, большая часть из которых имела этническую основу. Результатом этих конфликтов стало появление четырех непризнанных государств. В условиях резко усилившейся нестабильности большая часть государств региона, в том числе и новых, будучи не в состоянии самостоятельно обеспечить свою безопасность, начали обращаться за помощью к США, стремясь заключить с ними соответствующие двухсторонние соглашения. Одновременно в Черноморье произошла заметная экономическая и политическая активизация Европейского Союза. В 2007 г. после вступления в него Болгарии и Румынии, Евросоюз как международный актор получит непосредственный выход к черноморскому побережью. Эти обстоятельства существенно обострили соперничество в регионе между глобальными игроками. При этом Россия, потерявшая значительную часть бывшего военно-политического потенциала, заметно проигрывавшая США и ЕС экономически, утратившая привлекательность в глазах соседей, вынуждена была думать, в первую очередь, о сохранении хотя бы части прежних позиций. Установка на обеспечение status quo стала доминировать во внешней политике РФ в Черноморском регионе еще с 90-е гг. XX века. Одновременно в действиях Москвы усилилась подозрительность и недоверие в отношении внешнеполитических действий, как глобальных игроков, так и тех стран региона, которые в своей политике ориентируются на США и ЕС. Россия также стала весьма сдержанно относиться к различным проектам коллективной безопасности в регионе. В контексте сказанного симптоматичным выглядит принятое на недавнем саммите глав Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья (Сухум, июнь 2006 г.) решение о создании общего миротворчес-

кого корпуса этих непризнанных государств. Многие аналитики расценили данное решение как серьезный шаг на пути формирования под патронажем России военного альянса трех самопровозглашенных республик. Если учесть, что Абхазию, Южную Осетию и Приднестровье объединяет борьба за международно-правовое признание их новых статусов, и что, по крайней мере, два из этих непризнанных государства (Абхазия и Приднестровье) на сегодняшний день видят гарантию обеспечения эти статусов в заключении двухсторонних договоров безопасности с Россией, неофициальную поддержку Российской Федерацией военного альянса самопровозглашенных республик можно рассматривать как попытку симметричного ответа Москвы на действия США, закрепивших свое военно-политическое присутствие в регионе билатеральными договорами безопасности с Румынией и Болгарией. Не случайно также, что России, до сих пор опасющейся дисбаланса сил в регионе в пользу США и их союзников, хотелось бы увеличить количество дружественных Москве держав в региональной политике. В этой связи симптоматичным стало недавнее предложение России рассмотреть вопрос о принятии Ирана в Организацию Черноморского Экономического Сотрудничества (ЧЭС).

В связи с возвратом международной политики в начале XXI века к принципам *real politic*, согласно которым страны строят свой внешнеполитический курс, исходя из национальных интересов, подчас трактуемых правящими кругами весьма эгоистично, возможности развития сотрудничества, особенно в сфере безопасности, в регионе Черного моря, отягощенном многочисленными конфликтами, оказались существенно затруднены. Для России такие изменения региональной ситуации были весьма болезненными. В условиях ограниченности ресурсов российская политика не могла выдвинуть крупных региональных политических инициатив. Более того, отстаивание многоплановых национальных интересов в регионе требовало от Москвы налаживания конструктивного взаимодействия с разными странами Черноморского бассейна, в том числе с такими, которые, как Армения и Азербайджан, находились в состоянии затяжного конфликта. А это существенно сокращало для России пространство для маневрирова-

ния и возможности для проведения инициативной политики, что еще более подталкивало Кремль к действиям, в первую очередь нацеленным на сохранение status quo.

Проблемы для России с выработкой нового стратегического видения региона были обусловлены не только причинами глобального характера, не зависящими от Москвы. Важную роль в этом сыграли факторы, затрагивающие фундаментальные основы современной внешней и внутренней политики страны.

В первую очередь, речь идет о сформировавшемся в последние годы новом внешнеполитическом курсе Кремля, нацеленном на сохранение за Россией роли самостоятельного центра силы на международной арене¹⁹. При ограниченности ресурсов, которыми располагает современная Россия, реализация подобных установок в таком конфликтном регионе как Черноморский, еще более усиливает влияние внешнеполитических установок, о которых говорилось выше. Они направлены на удержание здесь хотя бы части бывшего влияния, ранее бывшего очень значительным, и одновременно явно не способствует укреплению сотрудничества РФ с глобальными игроками – Соединенными Штатами и Европейским Союзом, которые рассматриваются Москвой, прежде всего, как стратегические соперники. Не содействует такая политика и выстраиванию отношений конструктивного партнерства с теми странами региона, которые взяли курс на интеграцию в Западное сообщество и его институты.

Фактический отказ руководства РФ от проведения коренной социально-экономической и технико-технологической модернизации страны усилил значение нефтегазового фактора в российской внешней политике. Именно увеличивающемуся экспорту энергоносителей отводится в этих условиях роль решающего фактора, который должен обеспечить влияние России на мировую политику.

Эти изменения нашли отражение в доктрине превращения России в «великую энергетическую державу». Достижение столь амбициозной цели предполагает не только наращивание нефтяного и газового экспорта, но и доминирование на путях энергетического

¹⁹ Тренин Д. Идентичность и интеграция: Россия и Запад в XXI веке// Pro et Contra. М., 2004. Т.8, №3. С. 18.

транзита. В этом контексте значимость Черноморского региона для Москвы как территории, по которой проходят важнейшие газо- и нефтепроводы, существенно выросла. По мере развития процессов глобализации транспортное значение региона Черного моря, находящегося на стыке Европы, Азии и Ближнего Востока, может еще более усилиться. В этой связи симптоматичными были слова первого вице-премьера правительства РФ Дмитрия Медведева, которого считают наиболее вероятным кандидатом на место преемника Владимира Путина, в программной речи, произнесенной им на очередном Экономическом форуме в Петербурге в июне 2006 г. По его мнению, «есть все предпосылки для создания транспортных коридоров, которые сделают Россию одним из логистических центров мира»²⁰. Именно этими долгосрочными планами и объясняется растущий в последнее время интерес Москвы к развитию транспортной инфраструктуры в регионе, который она пытается продвигать через ЧЭС.

Несмотря на то, что в годы президентства Путина внешняя политика России стала обретать все более централизованный характер, влияние групп интересов на те или иные действия Москвы на международной арене по-прежнему остается весьма существенным. В Черноморском регионе особо заметно это проявляется по отношению к непризнанным государствам, при том, что подобное влияние нередко оказывается разноплановым и нацеленным на решение различных задач. Так, под давлением некоторых могущественных групп, имевших серьезные финансовые интересы в Аджарии, Москва долгое время поддерживала режим Аслана Абашидзе в этой грузинской автономии. Вмешательство иных по целям групп интересов в президентскую избирательную кампанию в Абхазии осенью 2004 г. едва не привело к дестабилизации ситуации в этой непризнанной республике. Наконец, влиятельные группы интересов оказывают традиционную поддержку режиму президента Игоря Смирнова в Приднестровье, всякий раз помогая ему справиться с внутри- и внешнеполитическими трудностями в случаях обострения ситуации.

²⁰ Цит. по: Коммерсант, 14 июня 2006 г.

Приоритеты российской политики на среднесрочную перспективу

Рассмотренные выше факторы носят устойчивый характер, и это дает основания предположить, что в среднесрочной перспективе политика России в Черноморском регионе едва ли претерпит серьезные изменения. Как и в предшествующие годы, главным ее приоритетом останется обеспечение безопасности. Ключевой проблемой здесь является противодействие угрозам этнического и религиозного экстремизма и терроризма, исходящих от сепаратистских движений на Юге России и от международных террористических сетей. Эти факторы создают реальную угрозу внутривнутриполитической стабильности и территориальной целостности Российской Федерации, способствуют проникновению терроризма вглубь ее территории. Исследователи отмечают, что современное понимание Россией задач обеспечения безопасности в регионе во многом восходит еще к XIX в., когда Российская империя, борясь за влияние в регионе с Турцией и Ираном, строила две линии защиты – по южную и северную стороны Кавказского хребта²¹. Причем, если первая линия должна была защитить страну от подпитки этнических и религиозных движений горских народов извне, то вторая – от распространения нестабильности в степные районы Юга России. И ныне в политике России отчетливо прослеживаются те же подходы. Это означает, что если государство Южного Кавказа пресекает попытки использовать его территорию как базу поддержки сепаратистских и экстремистских движений на российском Северном Кавказе, то для России это становится решающим соображением в пользу развития сотрудничества с таким государством. Именно так произошло во взаимоотношениях России с Азербайджаном. После того, как руководство этой страны пошло на сотрудничество с российскими властями и стало выдавать осевших на территории Азербайджана лиц, разыскивавшихся в России за участие в террористической деятельности, отношения между двумя странами заметно улучшились. С Грузией развитие отношений пошло по иному сценарию. Власти этой страны

²¹ См. E. Rumer and J. Simon. *Toward a Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region*. Institute for National Strategic Studies. Occasional paper 3. Washington, D.C., 2006. P.13.

отказались от попыток выдавливания с ее территории вооруженных групп чеченских сепаратистов, обосновавшихся в Панкисском ущелье, требуя от России в обмен отказа от поддержки Абхазии. Нежелание официального Тбилиси сотрудничать с Россией в вопросе о чеченских боевиках послужило для официальной Москвы веским основанием для охлаждения отношений с Грузией.

Одновременно в рамках описываемой концепции власти РФ стремятся вести жесткую борьбу по пресечению экстремистской активности в республиках Северного Кавказа. В правительственных структурах ее оценивают как весьма эффективную, хотя многие независимые эксперты придерживаются противоположной точки зрения, полагая, что жесткое подавление местных националистов и религиозных радикалов без принятия соответствующих мер по социально-экономическому и культурному развитию Северокавказских республик в будущем приведет не к затуханию конфликтов, а, напротив, к их разрастанию. И это обстоятельство может существенно увеличить риски для национальной безопасности РФ.

В то же время современную российскую политику безопасности на Кавказе нельзя считать простой калькой имперской политики второй половины XIX – начала XX вв. Тогда, как известно, и Южный Кавказ входил в состав Российской империи. Ныне Грузия, Армения и Азербайджан являются независимыми государствами, самостоятельно выбирающими себе внешнеполитические приоритеты. Россия же в связи с возникновением грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов в этой новой ситуации оказывается в двойственном положении. С одной стороны, она заинтересована в стабильности государств Южного Кавказа и в установлении дружественных отношений с ними. Но с другой стороны, поскольку осетины являются «разделенным» народом и большая их часть проживает на территории входящей в РФ Республике Северная Осетия – Алания, а абхазы имеют активную поддержку этнически близких им черкесских народов российского Северного Кавказа, однозначная ставка на Грузию выглядит невозможной. Отсюда возникает желание не допустить резонанса грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов на территории РФ, вытеснить их обратно в Грузию. Таким образом, пространство для маневров у России по от-

ношению к этим конфликтам оказывается довольно узким. Отсюда и позиция РФ внешне выглядит весьма противоречивой. С одной стороны, Москва заявляет о признании территориальной целостности Грузии, а с другой, утверждает, что для определения статуса Абхазии и Южной Осетии ключевое значение должна иметь позиция народов этих бывших грузинских автономий. При этом в Москве прекрасно осознают, что автономии категорически не приемлют перспективу восстановления грузинского суверенитета над их территориями. Впрочем, было бы несправедливо утверждать, что, стремясь маневрировать между двумя разными угрозами – нестабильностью на Северном Кавказе и в Грузии, Россия придерживается принципа равноудаленности от обеих сторон конфликтов и пытается как-то балансировать между ними. Поддержка устремлений Грузии в восстановлении ее территориальной целостности для Москвы является неприемлемой не только потому, что официальный Тбилиси не реагирует на ее просьбы пресечь активность проживающих на грузинской территории сторонников чеченской независимости. Еще одна важная причина, заставляющая российское руководство негативно относиться к политике Грузии, это курс ее властей на интеграцию в евроатлантические структуры, прежде всего в НАТО.

По сравнению с Кавказом, где в российской политике безопасности прослеживается определенная логика, действия России в этой сфере в западной части Черноморского бассейна отличаются нелогичностью. Россия практически ушла с Балкан, Болгария и Румыния уже стали членами НАТО, а вопрос о вступлении в Североатлантический альянс Украины дискутируется в этой стране. Значение Приднестровья как стратегического форпоста при «входе» на Балканы таким образом утрачивается. В таких условиях продолжающаяся поддержка усилий режима Смирнова в Приднестровье по противодействию достижению мирного урегулирования с Молдовой, отказ от выполнения договоренностей Стамбульского саммита (1999 г.) по выводу войск с этой территории, не способствуют ни укреплению безопасности России и ни успешному сдерживанию западного влияния в этой части Черноморского бассейна. Скорее всего, последовательная поддержка Россией режима в Тирасполе отражает определенную инерцию в политическом сознании российской элиты. И, как уже от-

мечалось выше, решающее влияние на официальную линию Москвы в отношении Приднестровского конфликта оказывают могущественные группы интересов, полагающие, что сохранение республики с центром в Тирасполе в ее нынешнем виде отвечает их долгосрочным устремлениям. Исходя из этой ситуации, а, также учитывая такие особенности Приднестровского конфликта, как отсутствие этнического противостояния и беженцев, многие эксперты полагают, что как раз в этой части Черноморского региона политика России имеет больше шансов измениться в направлении достижения нового баланса интересов и более тесного сотрудничества с Западом в вопросах безопасности. Правда, после отказа руководства Молдовы принять так называемый «план Козака» по урегулированию Приднестровского конфликта, позиция Москвы стала подчеркнута жесткой и бескомпромиссной, что усиливается также в связи с прозападным креном в политике Молдовы. Хотя многие аналитики справедливо отмечают, что этот крен в годы правления президента-коммуниста Владимира Воронина в значительной мере стал возможным благодаря политике РФ в отношении Приднестровской проблемы. В этой связи представляется затруднительным определить, при каких обстоятельствах российская политика здесь может измениться и стать более открытой для сотрудничества с другими заинтересованными сторонами. Не исключено, что это произойдет в том случае, если инициативу в свои руки возьмет Европейский Союз и предложит Молдове и Приднестровью привлекательный проект вхождения в ЕС при условии достижения соглашения по урегулированию конфликта между ними. В этом случае общественное мнение Приднестровья может колебнуться в направлении компромисса с Молдовой, что поставит президента Смирнова в затруднительное положение и убедит российское руководство в необходимости изменения прежних подходов.

Расширение и укрепление позиций блока НАТО в Черноморском регионе не было воспринято в Москве как существенное повышение уровня угрозы безопасности России на ее южных рубежах. Хотя в российских политических кругах и продолжают еще говорить о Североатлантическом альянсе как о потенциальной угрозе, но, в военном смысле подобные утверждения звучат, скорее, символически. В большей степени НАТО расценивается как потенциальный источник ока-

зания политического давления на Россию, ограничивающий ее влияние в регионе. Как уже отмечалось, Россия по известным причинам опасается усиления позиций глобальных игроков в Черноморье, а Североатлантический альянс выступает в роли консолидированного выразителя их интересов. Однако при этом РФ демонстрирует готовность развивать сотрудничество в сфере безопасности непосредственно со странами региона. Так, Россия участвует в деятельности региональной организации BLACKSEAFOR, которая, начиная с марта 2005 г. к прежним своим задачам, касавшимся организации гуманитарных и поисковых операций, защиты окружающей среды, добавила еще борьбу с терроризмом и распространением оружия массового поражения. Принято принципиальное решение об участии России в проводимой по инициативе Турции военно-морской операции «Черноморская гармония», которая предполагает организацию постоянного военно-морского патрулирования в регионе с целью преследования и задержания подозрительных судов. О присоединении России к этой операции официально объявил президент Путин во время официального визита в Москву президента Турции Ахмета Неджета Сезера, состоявшегося в начале июля 2006 г.²².

Гораздо более серьезной угрозой безопасности России в Москве считают политические изменения в регионе, связанные с так называемыми «цветными революциями» на Украине и в Грузии и деятельностью различных региональных организаций, ставящих своей целью распространение демократии на постсоветском пространстве. К числу таких организаций в российских политических кругах относят, прежде всего, ГУАМ, а также созданное в конце 2005 г. Сообщество Демократического Выбора, куда помимо некоторых расположенных в зоне Черноморско-Балтийского бассейна государств, входят также бывшие социалистические страны Центральной Европы и республики Балтии. В Москве полагают, что деятельность этих организаций представляет собой определенную угрозу внутривнутриполитическому порядку в Российской Федерации и одновременно направлена на то, чтобы путем экспорта «цветных революций» способствовать установлению прозападных режимов в постсоветских государствах и тем самым подорвать влияние России на территории бывше-

²² Независимая газета, 3 июля 2006 г.

го Советского Союза. В российском руководстве демократизацию в регионе со времени Грузинской революции роз (ноябрь 2003 г.) и особенно «оранжевой» революции на Украине (ноябрь 2004 г.) рассматривают как инструмент установления Западного влияния в регионе и потому в последнее время считают противодействие экспорту «оранжевых идей» одной из важных задач российской внешней политики в регионе. Участие Тбилиси в различных международных объединениях, ставящих целью продвижение демократии в СНГ, стало для Москвы дополнительным аргументом в пользу поддержки бывших грузинских автономий, несмотря на официальное признание Россией принципа территориальной целостности Грузии.

Тревогу вызывает и активизация ГУАМ. Три из четырех стран – Грузия, Украина и Молдова, входящих в эту организацию, имеют натянутые отношения с Москвой. Азербайджан балансирует между стремлением сблизиться с Западом и подключить его к решению Карабахской проблемы на своей стороне и намерением поддерживать стабильные отношения сотрудничества с Россией. В Москве полагают, что при определенных условиях ГУАМ в дальнейшем может быть поглощен НАТО. Тем самым существование этой организации будет способствовать выходу Североатлантического альянса к берегам нефтеносного района Каспийского моря. Однако в российской столице понимают, что ГУАМ в качестве влиятельной международной организации может состояться только в том случае, если будет опираться на самостоятельные нефтяные ресурсы и сможет служить территорией для важнейших энерготранспортных коридоров. В этом случае страны, входящие в ГУАМ, могут обеспечить себе экономическую независимость от России, и одновременно усилить свою значимость для Европейского Союза. В этой связи ключевое значение приобретает недавно введенный в эксплуатацию нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД). Проблема, однако, заключается в том, одной лишь азербайджанской нефти не достаточно, чтобы обеспечить рентабельность этого проекта²³. Поэтому в решающей степени его судьба как некой альтернативы российскому влиянию в

²³ Надеин-Раевский Н. Турция: планы вступления в Евросоюз и перспективы российско-турецкого сотрудничества // Черноморско-Каспийский регион: проблемы и перспективы сотрудничества. Сб. статей. М., 2005. С. 182-183.

регионе будет зависеть от участия Казахстана в наполнении трубопровода БТД. Именно поэтому в последнее время российское руководство идет не беспрецедентные уступки Казахстану в разных сферах двухсторонних отношений лишь бы минимизировать его участие в проекте БТД.

Настороженно в России относятся и к попыткам Румынии взять на себя инициативу в урегулировании конфликтов вокруг непризнанных государств в регионе и попытаться сыграть роль форпоста Запада в продвижении его интересов в бассейне Черного моря. В Москве явно обеспокоены выдвигаемыми в Бухаресте идеями о превращении региона в «прореформистский» и «роевропейский», что могло бы стимулировать изменения в расположенных здесь странах по модели Центральной Европы и Балтии²⁴. Не случайно, в Москве фактически проигнорировали возможность участия в организованном по инициативе Румынии Черноморском форуме, который прошел в Бухаресте в начале июня 2006 г. Возможно, опасения по поводу румынской активности вызваны негативным опытом российской внешней политики на другом направлении – Балтийском, где схожее стремление Польши сыграть роль форпоста Запада в его контактах с постсоветскими государствами создало немало проблем Кремлю.

Поскольку деятельность ГУАМ, «Сообщества демократического выбора» находит позитивный отклик у администрации США, то именно обстоятельство становится для российского руководства решающим в формировании негативного отношения к расширению влияния НАТО в регионе, которое начинает рассматриваться не как военная угроза, о чем говорилось выше, а как инструмент давления на Россию с целью добиться от нее изменения внутривнутриполитических порядков.

Задача обеспечения доминирования России на энерготранспортных коридорах в последнее время стала оказывать возрастающее влияние на политику Москвы в Черноморском регионе. При этом попытки решения этой задачи иногда входят в противоречие с другими целями российской политики в регионе. Так, достижение в начале 2006 г. соглашения об условиях поставок газа на Украину, отвечавшего в первую очередь интересам российского газового лобби, одновремен-

²⁴ Pippidi A. Black Sea Dilemmas // SAR Policy brief, N20. Bucharest, June 2006. P.4.

но способствовало укреплению экономических позиций сил, поддерживавших президента Виктора Ющенко. Тем самым реализация других целей российской внешней политики, ориентированных на ослабление его власти как потенциального источника распространения «оранжевой угрозы», существенно затруднялась.

Основными же источниками российского энергетического влияния в регионе являются нефтепроводная система Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), газопроводы «Голубой поток» и в Румынию и Болгарию. Россия также заинтересована в реализации давно намеченного проекта строительства нефтепровода Бургас – Александропулис, в котором главную роль будут играть российские компании. Пока эта ситуация позволяет России удерживать за собой лидирующую роль в обеспечении энергетических поставок в регионе. Однако после российско-украинской «газовой войны» конца 2005 – начала 2006 гг., среди стран Европы, в том числе и Черноморского бассейна четко обозначилось стремление ослабить энергетическую зависимость от России, в том числе и посредством запуска новых линий поставок энергоресурсов. Не трудно предугадать, что недопущение реальной конкуренции со стороны проектов типа БТД в ближайшие годы будет определять стратегический курс Москвы по вопросам энергопоставок.

Теоретически, как считают некоторые специалисты, накопившиеся в этой сфере проблемы и противоречия между черноморскими странами и Россией можно было бы обсудить и снять на базе взаимодействия в рамках ЧЭС²⁵. Однако деятельность этой организации, которая возникла вскоре после распада СССР и была призвана способствовать сохранению и развитию экономического сотрудничества между странами региона, долгое время не вызывала особого интереса у России, хотя РФ и являлась одним из главных спонсоров ЧЭС. Причина этого заключалась в том, что ЧЭС рассматривалась многими ее участниками как промежуточная ступень подготовки стран региона к последующему вступлению в Евросоюз. Подобная ориентация ЧЭС едва ли могла вызвать расположение Москвы. Тем более, большинство из возникших в результате распада СССР государств опасались перспектив слишком тесного регионального сотрудниче-

²⁵ Adams T. Caspian Oil and Gas Development and the Black Sea region: Overview // Europe's Black Sea Dimension. Brussels, 2002. P. 55.

ства с Россией, видя в этом угрозу сохранения изоляции от глобальных экономических процессов, которая может способствовать консервации отсталости²⁶. Да и результаты деятельности ЧЭС, особенно в реализации крупных проектов, оказались весьма скромными. Так и не удалось по вполне объективным причинам запустить проект создания в регионе зоны свободной торговли. Неудачными оказались и попытки совместных действий по созданию благоприятных условий для обеспечения инвестиций²⁷. Все это также не способствовало повышению интереса Москвы к активизации своего участия в ЧЭС. Однако в последние годы, когда деятельность ЧЭС переживает очевидный застой, отношение России к экономическому сотрудничеству, в том числе и к использованию для этого данной организации начало меняться в позитивную сторону. Отчасти это связано с тем, что участие в региональных экономических проектах в России стали рассматривать в качестве важного инструмента для решения других задач внешней политики в данном регионе, о которых говорилось выше. В определенной мере это вызвано тем, что план превращения ЧЭС в школу подготовки к вступлению в Евросоюз так и не был реализован. А фактический отказ ЕС от дальнейшего расширения после провала Европейской конституции привел к еще большему падению престижа ЧЭС как канала европейского влияния. Россия же выдвинула предложения по созданию Черноморского электроэнергетического кольца, установлению регулярного пассажирского и паромного сообщения между портами Черного моря. РФ поддержала также концепцию скоординированного развития скоростных автомагистралей вокруг Черного моря, а также развития водно-транспортных артерий в регионе, включая и внутренние водные пути²⁸. Таким образом, российские предложения в области экономического сотрудничества нацелены, прежде всего, на развитие

²⁶ Manoli P. Limiting integration: Transitional Exchanges and Demands in BSEC Area // *Agora Without Frontiers* Volume 10(4). Athens, 2005. P. 290.

²⁷ Челак С., Маноли П. На пути к модели конструктивного сотрудничества в Черноморском регионе // *Черноморско-Каспийский регион: проблемы и перспективы сотрудничества*. М., 2005. С.43-46.

²⁸ Заявление Заместителя Министра иностранных дел России А.В.Яковенко о политике России в Черноморском регионе // <http://www.parlcom.ru/index.php?p=MC83&id=3955>.

здесь транспортной и энергетической инфраструктуры, что, по-видимому, должно способствовать превращению страны в будущем в важный логистический центр.

Заключение

В целом же, говоря о перспективах российской политики в регионе, следует исходить из долгосрочного характера факторов, ее определяющих. Это означает, что и в дальнейшем ключевым приоритетом РФ в районе Черного моря будет задача обеспечения безопасности. При этом политика Москвы останется в значительной мере консервативной, ориентированной на сохранение и по возможности восстановления прежнего влияния в регионе. Поэтому линия на противодействие расширению Западного влияния и на поддержку непризнанных государств сохранится. Энергетические интересы России будут оказывать возрастающее влияние на политику страны, хотя отстаивать доминирование в сфере энергопоставок со временем станет все сложнее. Участие в проектах экономического сотрудничества в регионе по-прежнему будет носить подчиненный характер по отношению к двум ранее обозначенным целям – обеспечения безопасности и доминированию на энергокоридорах.

ОБСУЖДЕНИЕ

Шалва Пичхадзе – вопрос будет короткий, но не знаю, коротким ли будет ответ. Вы говорили об одной из главных целей России. Когда вы говорили о главных целях, вы говорили о желании контроля транзитных линий, в основном энергетических транзитных линий. В Тбилиси очень часто предметом спекуляций, или может быть, не спекуляций, является возможность участия России. Речь идет не только об участии, но и о покупке Россией магистрального газопровода, который идет из России через Грузию и дальше в Армению. На этот газопровод, после вступления в силу газопровода Баку-Тбилиси-Эрзерум, одновременно возлагается функция, роль основного дистрибьютора для газоснабжения Грузии. То есть, для Грузии этот газо-

провод, этот магистральный газопровод имеет стратегическое значение, так как он может подать альтернативный российскому азербайджанский газ и, возможно, в перспективе центральноазиатский газ для использования внутри Грузии как в промышленных целях, так и в бытовых целях. То есть, это одна из возможностей создания альтернативы взамен полной зависимости от российского газоснабжения. На ваш взгляд, извините, может быть, это провокационный вопрос, на ваш взгляд, что бы Грузия могла потребовать или попросить от России взамен передачи этого газопровода России? Если бы вообще грузинское руководство пошло бы на это?

Андрей Рябов – спасибо за очень интересный вопрос. Я понимаю, что здесь содержится возможный вариант ответа. Действительно, видимо, такая постановка вопроса, которая предполагается, я имею в виду изменение позиций по конфликтам вокруг Абхазии и Осетии, вполне вероятно со стороны Грузии. Я могу строить предположения, и это, безусловно, будет субъективная точка зрения, не лишенная элементов интеллектуальной спекуляции. Какова может быть российская реакция? Во-первых, я думаю, важно усиление влияния нефтегазового фактора на всю российскую политику. Украина стала блестящей иллюстрацией того, как это происходит, когда, по существу, все официальные инстанции отстраняются от переговорного процесса, включая и правительство, и министерство иностранных дел. Реальным же участником, субъектом внешней политики становится «Газпром». Я бы не исключил какое-то серьезное воздействие, влияние вот этих групп интересов, связанных непосредственно с нефтегазовым лобби, по крайней мере, в направлении того, чтобы это предложение было обсуждено и рассмотрено. Но что касается другого лобби – лобби безопасности, это условное название, которое ориентировано на приоритеты сохранения безопасности в том виде, в каком понимает это российское руководство, мне представляется, что второе влияние в конечном итоге оказалось бы сильнее. Хотя предложение, наверное, поставило бы Москву в некоторое достаточно сложное положение. Да, заманчивое предложение, которое вызвало бы определенные внутренние трения. Хотя, естественно, вряд ли бы мы эти трения увидели в публичном пространстве. Но, повторяю, мне представляется, что

позиции безопасности и тех групп, которые отстаивают проблемы безопасности, и видение региона сквозь призму безопасности, в конечном счете оказались бы сильнее. Я имею в виду не только позиции военных, но и позицию высшего политического руководства страны, которое, собственно говоря, и формулирует приоритеты в этом регионе, как и приоритет безопасности.

Нателла Акаба – спасибо за интересный доклад. У меня такой вопрос. Какой может быть реакция Москвы на вступление Грузии в НАТО?

Андрей Рябов – я думаю, что пока каких-то конкретных внешнеполитических предварительных решений не выработано. Я подчеркиваю – позиция внешнеполитической линии России все больше приобретает ситуационный, реактивный характер. Я это не случайно сказал, не ради каких-то общих слов. Это означает, что при определенных ситуациях возможны некие внешнеполитические действия, в том числе такие, как формулирование принципов признания независимости Абхазии и Южной Осетии. Намек уже был сделан, если мне не изменяет память 31 мая официальным представителем МИДа России, правда в несколько иной форме. Возможность такого признания, честно говоря, я думаю, что пока Москва, по крайней мере, высшее политическое руководство это не рассматривает, но варианты возможности такого поведения, как признание, в данном случае не исключаются. Все будет зависеть от того, в какой конкретной ситуации произойдет этот гипотетический шаг, с чем это будет связано еще, с какими еще внешнеполитическими последствиями. Вот здесь реактивность приобретает решающее значение. И поле вариантов, соответственно, расширяется.

Батал Табагуа – господин Рябов, вы в Абхазии бывали, знаете и т.д. Я к тому вопросу, который задал господин Пичхадзе. В каком виде на трубу будут менять Абхазию, если такое будет? Нас уничтожат и в упаковочке подадут, или как? Мы как бы вообще не предполагаем, что нас на что-то будут менять. Вы-то можете договориться об обмене, но согласится ли вообще кто-нибудь в Абхазии? Ваше мнение?

Давид Дарчиашвили – в начале доклада вы подчеркнули, что не будете заниматься политическим конструированием, а говорите о том, какова реальность восприятия внешнеполитических проблем и задач в Черном море и в России. Если можно попросить вас немножко заняться политическим конструированием на ваш вкус. То есть, в чем главные недостатки российского восприятия российской внешней политики в этом регионе, что бы вам хотелось изменить, если бы у вас была возможность? Вы нарисовали дихотомию – национальные подходы, билатеральные подходы, национальные интересы против интеграционных процессов. Может быть в этом ключ, что вы видите более приемлемым? Что вы подразумевали под интеграционными вопросами?

Ираклий Хинтба – Андрей Виленович, спасибо за превосходный доклад. Как вы оцениваете роль, потенциал ЕС в разрешении этнополитических конфликтов на Южном Кавказе?

Вахтанг Колбая – вы знаете, что Турция изначально предлагала себя как одну из сторон в разрешении конфликта и даже в качестве друзей. Известно также, что российский и турецкий капиталы более или менее проникают на территорию Абхазии. Есть предложение турецкой стороны активизировать свое участие в решении конфликта. Как бы Россия посмотрела на этот момент? В каком объеме она считает это допустимым?

Андрей Рябов – я начну с вопроса, который мне кажется базовым, из которого, наверное, вытекают все остальные вопросы. Вот эта ключевая причина такой подозрительности и ориентации на национальные интересы – чем она вызвана? Она вызвана, во-первых, возрождением определенной модели внешнеполитического сознания, внешнеполитической ментальности российских внешних политических кругов. Мне не хотелось долго занимать вашего времени, поскольку эта тематика не совсем тесно связана с темой нашей конференции. Но я здесь отмечу два тезиса. С одной стороны, резкое усиление экономического потенциала, хотя бы по линии топливно-энергетического комплекса, а с другой стороны, тяжелая внешнеполити-

ческая травма 90-х годов, когда страна была фактически лишена возможности влиять на какие-либо события на евразийском пространстве. Они в значительной степени породили вот этот ренессанс прежней идеологии, я не хотел бы называть ее идеологией «осажденной крепости», но такого недоверия к окружающему миру. Это, увы, достаточно устойчивая линия. Если все участники, региональные и глобальные игроки... я понимаю их недоверие и даже определенное раздражение по поводу такой линии, но мне кажется, что единственным способом является не наращивание конфронтации, хотя я понимаю, что первая реакция при столкновении с такой позицией – это ответить на это такой же конфронтацией. Это вполне естественно. Но может быть вполне естественно для уличного конфликта, но не совсем для современной практики международных отношений. Такого рода позиция напротив лишь усиливает эти, я бы сказал, полу-изоляционистские настроения и жесткие ориентации на национальные интересы. На мой взгляд, главная проблема заключалась бы в том, я не случайно возвращаюсь к своему последнему предложению, в организации мер доверия. Ираклий, я хотел бы перейти к вашему вопросу по поводу роли Европейского союза. На мой взгляд, она сводится к двум вещам. Первое. Безусловно, поскольку в экономическом плане именно Европейский союз с его экономической мощью был бы заинтересован не только в демократизации, но и в модернизации данного региона. Ибо через модернизацию можно было бы открыть новые принципиальные возможности. В частности, я могу привести пример Молдовы. Страна, которая очень сильно продвинулась в сфере демократизации, но в плане модернизации до сих пор остается наименее развитой страной Европы, стоящей в списке ниже Албании, что существенно влияет и на урегулирование, кстати, Приднестровского конфликта. И возможно, речь идет в первую очередь о возможности крупных экономических проектов. Причем, одним из бенефициариев которых была бы и Россия. Но, к сожалению, я в данном случае воспроизведу достаточно распространенное мнение о позиции Европейского союза, она подчас сводится к такой линии – вы знаете, мне хотелось бы взять у вас этот карандаш и надо сделать таким образом, чтобы вы сами мне этот карандаш отдали. Вот такого рода подходы, напротив, только усиливают эту подозри-

тельность. Возникает устойчивое ощущение, что нас (я имею в виду российские верхи) хотят вытолкнуть из этого региона. Проект «new neighborhood» в значительной степени усиливает как бы эту подозрительность. Вы должны адаптироваться к неким европейским нормам – и правовым, и политическим – но взамен достаточно неопределенные обещания европейского будущего без каких-либо институциональных обещаний. И, кстати, в этой связи я думаю, что Европейский союз как раз мог сыграть решающую роль не в грузино-абхазском, не в грузино-осетинском конфликте, а прежде всего в Приднестровском. Молдова – это не Украина, это очень маленькая территория. Если бы реально существовала возможность интеграции Молдовы вместе в Приднестровьем в Европейский Союз, то, учитывая отсутствие этнического фактора в этом конфликте, учитывая проблемы беженцев, учитывая проблему политической плюральности (может быть, не столь выраженной плюральности, но она там есть) политического и делового сообщества Приднестровской республики, проблема этого конфликта могла быть решена благодаря решающей роли Европейского Союза, а не России. Но, как видим, такой подход не фигурирует даже в плане повестки дня. Я еще раз хотел бы подчеркнуть, что роль Европейского Союза может быть гораздо более существенной, чем Соединенных Штатов, поскольку у Соединенных Штатов нет экономических приоритетов в регионе. Простите за резкость, да, это аэродромы «подскока» в Болгарии и Румынии и военно-морские базы в этих государствах и не более того. Но с обязательным участием России как бенефициария этого процесса. Это может существенно, естественно, не сразу изменить позицию России, как вы говорили, в направлении интеграционнистских тенденций. Пока же напротив это работает на такое ощущение полуизоляции.

На ваш вопрос – в каком виде и что менять на трубу. Я думаю, что лобби безопасности, которое я называл, прекрасно понимает ограниченные возможности России влиять на позицию в меньшей степени осетинской, в большей степени абхазской стороны в этом конфликте. И именно позиции этих людей, на мой взгляд, могут оказаться решающими вот в этом гипотетическом споре, в конструированной ситуации, которую мы сейчас совместными усилиями созда-

ли. Впрочем, повторяю, это мое личное мнение, и оно не претендует на некую официальность. Что касается нефтегазового лобби, да, я согласен, что там подходы гораздо более простые и экономизированные. Опять-таки не стоит заниматься политическим конструированием и увлекаться политическими фантазиями. История с Украиной это нам достаточно хорошо показала. Два находящихся в острой конфронтации политических режима, я имею в виду Россию и Украину, нашли, тем не менее, очень быстро общий язык в рамках проекта «Русукрэнерго». Да, периодически продолжаются уколы по поводу этой кампании, исходящие как из Москвы, так и из Киева, но, тем не менее, ничего реально в практике не меняется. Это показывает то, как нефтегазовые интересы оказываются сильнее всех прочих, включая, например, проблемы черноморского флота в Севастополе. В данном вопросе ситуация другая. На Украине интересы нефтегазовых транспортных коридоров на сегодняшний день решающие, на Кавказе, я подчеркиваю, главное – это проблема безопасности.

И, наконец, последний вопрос по поводу турецкого участия в урегулировании конфликта. Я думаю, что ответ на него вытекает из этого общего подхода, осторожного и подозрительного, к расширению числа участников в данном конфликте. Поскольку существует, с одной стороны, опасение и по поводу чрезмерного, скажем так, активного усиления экономического турецкого влияния в российских причерноморских регионах, а оно достаточно существенно сегодня в Краснодарском крае, например. Поскольку Турция является членом Североатлантического альянса, то, безусловно, возникают некие объективные барьеры для ее вовлечения в этот процесс, я имею в виду, с точки зрения Москвы. Хотя какую-то роль, в каких-то ограниченных пределах, наверное, Москва могла бы рассмотреть, заранее обговаривая сами эти пределы и круг возможностей вовлечения Турции в урегулирование этих вопросов. Примерно так на сегодняшний день видится ситуация. Я еще раз возвращаюсь к тому тезису, который я сформулировал в начале. Москва исходит прежде всего из стремления привлечь в регион своих ближайших партнеров. Так, идея приглашения Ирана в Организацию Черноморского Экономического Сотрудничества является наглядной иллюстрацией этого подхода.

Вячеслав Чирикба

УРЕГУЛИРОВАНИЕ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА В КОНТЕКСТЕ ЧЕРНОМОРСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ВЗГЛЯД ИЗ АБХАЗИИ

В своем выступлении я хочу предложить некоторые соображения по поводу двух основных вопросов нашей встречи, – «при каких условиях Абхазия хочет или может стать частью интеграционных процессов в черноморском регионе», а также «насколько эти процессы могут повлиять на урегулирование грузино-абхазского конфликта».

Начну с общеизвестных фактов. Одним из результатов распада СССР явился, как мы знаем, и фактический распад бывшей Грузинской ССР, одной из 15 советских республик, на три небольших государства: Республику Грузия, Республику Абхазия и Юго-Осетинскую Республику. Только одно из этих государств – Грузия – признано международным сообществом, при этом две другие отделившиеся от нее республики все еще считаются входящими в состав Грузии. Хотя две республики и остаются непризнанными, *де-факто*, а с точки зрения их населения и правительств, также и *де-юре*, они являются самостоятельными, суверенными и свободными от какого-либо контроля со стороны Грузии государствами вот уже почти 15 лет, что примерно равняется времени существования самой Грузинской республики. Налицо конфликт этнический, территориальный, политический и конфликт легитимности. «Мировое сообщество» предпочитает либо не замечать фактического существования этих двух государств, либо, при удобном случае, призывает их вернуться в лоно бывшей метрополии.

Между самими грузино-югоосетинским и грузино-абхазским конфликтами, при наличии многих сходств, есть и главное различие. Первый конфликт является ирредентистским, так как Южная Осетия желает воссоединения с Северной Осетией и тем самым стать частью другого государства – Российской Федерации. В случае же с Абхазией налицо стремление к созданию независимого государства.

Можно долго дискутировать и спорить о том, был ли распад бывшей Грузинской ССР неизбежным. Скорее всего, тенденции распада были в наличии всегда и своему территориальному единству в советский период Грузия, в границах ГССР, обязана целиком и полностью Советскому Союзу, который был ее главным гарантом. Ясно и то, что именно политика и действия всех постсоветских грузинских правителей, которые задались целью построить унитарное государство, обусловили крах проекта «единой Грузии» в рамках ее советских границ. Война против Южной Осетии и ликвидация ее автономии, война против Абхазии и попытки ликвидировать ее государственность, а также недавняя фактическая ликвидация автономии Аджарии, являются логическими звеньями в этом процессе унитаризации бывшей Грузинской ССР. Национально-государственный же проект, который отвечал бы законным интересам как грузин, так и абхазов и осетин, так и не был предложен. До сих пор, спустя 16 лет после роспуска СССР, Грузия остается унитарным государством.

После первоначальных попыток договориться о каких-то формах федеративной или конфедеративной ассоциации с Грузией, систематически последней отвергаемых, в 1999 году Абхазия провела референдум о конституции, провозглашающей страну суверенным демократическим государством и приняла Акт о Государственной Независимости. С этого времени Абхазия полностью взяла курс на построение независимого государства и отказывается обсуждать какие-либо формы ее ассоциации с Грузией. Со своей стороны, Грузия время от времени выражает готовность предоставить Абхазии «самую широкую автономию», правда, без какой-либо конкретизации. Переговорный процесс, направленный на урегулирование отношений между Абхазией и Грузией, находится уже давно в фактическом тупике.

Может ли Абхазия, в условиях ее неразрешенного конфликта с Грузией и международной непризнанности, как-то позиционировать себя с точки зрения интеграционных процессов стран черноморского региона? Ситуация, конечно, сложна, и далека от идеальной. И все же, несмотря на нынешние сложности, следует вспомнить о том, что Абхазия является одной из древнейших стран Черноморского бассейна. Именно близость к Черному морю способствовала ее весьма ранней интеграции, уже с античных времен, в общую систему

торгово-экономических и политических отношений региона. Столица Абхазии, известная в различные эпохи как Диоскурия, Севастополис, Цхуми, Сухум-Кале, Сухум, но сохраняющая до сей поры свое древнее абхазское имя Акуа, всегда была оживленным центром региональной, а в определенные периоды, и международной торговли. Этот непрерывный и взаимообогащающий черноморский диалог был прерван лишь во время нахождения Абхазии в составе СССР, но вновь возобновился, и имеет тенденцию к интенсификации после распада СССР и достижения Абхазией независимости. Абхазия, хоть и очень небольшая страна, в силу своего транзитного географического положения, имеет все перспективы стать вновь одним из элементов в общей системе стабильности и безопасности черноморского региона, а также и экономическим партнером региональных государств.

Практически сразу со времени окончания войны с Грузией в 1993 году, Абхазия стала пытаться устанавливать торгово-экономические отношения со своими ближайшими соседями, которые одновременно являются и крупнейшими странами Черноморского региона, Россией и Турцией. Однако в этот первоначальный период Грузии удалось, с помощью ельциновской России, в значительной степени изолировать Абхазию от внешнего мира и ограничить до минимума ее международные экономические, культурные и гуманитарные контакты. По инициативе Грузии в 1996 году странами СНГ было введено полное экономического эмбарго против Абхазии. Однако, как мы хорошо знаем, блокада не принесло ожидаемых результатов, а наоборот, еще более отдалила народы Абхазии и Грузии. При президенте России Владимире Путине все еще формально существующие ограничения были частично сняты. При Путине же был максимально упрощен и переход абхазской границы для обладателей паспортов стран СНГ. С апреля 2006 года Россия сняла ограничения и на посещение Абхазии гражданами других стран с территории России. С другой стороны, по инициативе Турции ведутся переговоры о возобновлении морского пассажирского сообщения между Абхазией и Турцией и имеется тенденция к увеличению производимого с помощью морских перевозок товарооборота между этими странами.

Открытие границы и облегчение пересечения гражданами Абхазии международных границ, в особенности после принятия боль-

шинством из них российского гражданства, стимулировали подъем экономической активности. Основными отраслями национальной экономики продолжают оставаться международный туризм и экспорт продукции субтропического сельского хозяйства, а также угля и леса. При этом следует подчеркнуть, что восстановление экономики Абхазии происходило и ныне происходит в основном с опорой на собственные силы. В отличие от соседней Грузии, которая получает огромную международную экономическую помощь, в опустошенной в результате войны Абхазии на нынешний момент осуществляется лишь несколько международных программ, которые направляют некоторые средства на реабилитацию разрушенной войной экономики и поддержку малоимущего населения. Если не считать проекта по реконструкции Ингурской ГЭС, важной как для Абхазии, так и для Грузии, и осуществляемой при финансовой поддержке ЕС, международные финансовые средства, направляемые на реабилитацию экономики собственно Абхазии настолько мизерны, что сами по себе не способны сколько-либо изменить ситуацию к лучшему. С другой стороны, неопределенность международного статуса Абхазии отпугивает потенциальных инвесторов, и на нынешний период большинство инвестиций в Абхазии – это личные капиталы абхазских и ряда российских и турецких бизнесменов.

Тем не менее, экономика Абхазии укрепляется. Народ, не избалованный щедростью зарубежных спонсоров, привык не паразитировать на международной помощи, а жить с опорой на собственные силы и на собственную предприимчивость. Перемены к лучшему налицо. Наблюдается строительный бум, открываются десятки магазинов, кафе, ресторанов, небольших гостиниц. Развивается туризм – прошлый год дал невиданное уже многие годы количество туристов – более миллиона, и в этом сезоне их ожидают еще больше. Экспорт, преимущественно в Россию, продукции субтропического сельского хозяйства также приносит неплохие доходы. В Абхазии избыток дешевой электроэнергии, которую она может и экспортировать. Развивается малый и средний бизнес, укрепляются экономические связи как с регионами России, так и с Турцией, а также с некоторыми другими странами. Имеются мобильная связь и интернет. Таким образом, вопреки всем усилиям недоброжелателей, Абхазия выходит из международной изо-

ляции и устанавливает торговые, экономические и культурные связи с зарубежными странами. Недавнее открытие абхазской границы со стороны России для граждан практически всех стран позволяет надеяться на еще большую диверсификацию экономических и культурных контактов Абхазии с внешним миром.

Что может предложить Абхазия в качестве партнера в черноморском экономическом сотрудничестве? Мне кажется, весьма много. Это и туристская индустрия, которая представляет интерес как с точки зрения инвестиций в эту сферу и в ее инфраструктуру, так и с точки зрения самого туризма. Другая перспективная и традиционная для Абхазии отрасль – субтропическое сельское хозяйство (цитрусовые, чай, табак и т.д.). Здесь же следует упомянуть и традиционное виноделие, производство соков, минеральной воды, высококачественного горного меда, а также экспорт леса и угля. Все эти продукты находят или найдут хороший рынок сбыта в России, Украине, Турции и в других странах региона и способны приносить экономике Абхазии неплохой доход. Большое экономическое значение может иметь для Абхазии и экспорт имеющихся в ней огромных запасов чистой пресной воды, которая могла бы экспортироваться как в испытывающие нужду в пресной воде районы Турции, так и в некоторые страны Ближнего Востока, например, в Израиль. Кстати, экспорт пресной воды является намного более экологичным, требует меньших инвестиций и не менее прибыльный, чем возможная эксплуатация имеющихся в шельфе Абхазии промышленных запасов нефти, добыча которой чревата не только непредсказуемыми экологическими, но и политическими последствиями.

Будучи расположена на стратегически важном перешейке между Европой и Азией, Абхазия может представлять большой интерес и с точки зрения международных коммуникаций. Здесь имеются удобные морские гавани, могущие служить портами для международных пассажирских и грузоперевозок, а также два современных аэропорта – в Сухуме и в Гудауте. Большое значение для всех стран региона могут иметь проходящие через территорию Абхазии транскавказская железная и шоссейная дороги, которые могут обеспечивать прямую сухопутную связь между Европой и странами Южного Кавказа, Турцией и Ираном. Перспективно также развитие в Абхазии

включенной в черноморский регион банковской сферы, превращение некоторых пунктов или портов Абхазии в свободные экономические зоны. Абхазия, наконец, может стать местом проведения региональных и международных спортивных состязаний, местом международного культурного обмена. В целом, использование имеющихся в наличии, но пока не функционирующих в полную силу и нуждающихся в модернизации удобных сухопутных, морских и воздушных коммуникаций Абхазии способны в самое короткое время превратить эту республику в оживленный пункт международного туризма, а также в транзитную зону свободного перемещения товаров, услуг и капиталов. От этого выиграют все страны региона, особенно Россия, Турция, Грузия, Армения и Азербайджан.

Какие же условия могут способствовать вовлечению Абхазской республики в процессы экономической интеграции и сотрудничества между странами черноморского региона? Необходимыми условиями этого являются полное снятие международной блокады вокруг Абхазии, с открытием ее сухопутных, морских и воздушных ворот, а также щедрая экономическая помощь для восстановления и модернизации экономики Абхазии. В политической же сфере необходимо способствовать установлению прочного и гарантированного мира между Абхазией и Грузией. Снятие блокад, установление мира, экономическая реабилитация и интеграция Абхазии в региональное сотрудничество в интересах всех государств региона.

Надо сказать, что в России и, хотя пока еще в гораздо меньшей степени, в Европе и в США, растет понимание того, что изоляция Абхазия от внешнего мира нисколько не способствуют разрешению грузино-абхазского конфликта, а, напротив, лишь его усугубляют. В частности, о контрпродуктивности изоляции Абхазии высказывался российский президент. Начинают, кажется, поддерживать эту тенденцию и в США, о чем свидетельствует заявление по окончании недавней встречи с абхазским руководством в Сухуме помощника госсекретаря США Мэтью Брайза, что «было бы хорошо, чтобы Абхазия укрепляла экономическое сотрудничество с Европой» («Независимая Газета», 20.06.06).

Однако полноценному вовлечению Абхазии в региональное сотрудничество стран Черноморского региона мешает как непризнан-

ный международный статус Абхазии, так и все еще непрекращающиеся усилия Грузии по изоляции Абхазии от внешнего мира. Можно было бы предположить, что испытывающая острый кризис доверия со стороны Абхазии новая грузинская администрация могла бы начать улучшение отношений с Абхазией именно с инициативы по снятию всех действующих вокруг нее ограничений, немислимых в 21 веке. Однако, хотя нынешний режим в Тбилиси и относительно молод, к сожалению, он использует все те же старые и совершенно контрпродуктивные подходы к грузино-абхазскому урегулированию, что и предыдущие администрации. Это включает, в частности, экономическую и транспортную блокаду, поддержку террористов в Гальском районе Абхазии, а также непрекращающиеся попытки дискредитации Абхазии в глазах международного сообщества. Свежим примером последнего может служить, в частности, недавнее интервью президента Саакашвили телеканалу «Евроњьюс», где он отозвался об абхазской демократии как о «каннибальской».

В этом же контексте следует рассматривать и милитаризацию грузинской экономики. Так, нынешняя Грузия, не самая богатая страна в мире – в недавнем докладе Программы развития ООН (ПРООН) указывается, что примерно половина населения Грузии живет за чертой бедности – в то же самое время, по данным штокгольмского Международного института проблем мира (SIPRI), является мировым лидером по росту военных расходов. Расходы Тбилиси на вооружение выросли за нынешний 2006 год почти в 2,5 раза до 146 млн. долларов. По сравнению, в соседнем Азербайджане рост расходов на оружие составил в 2005 году 51%, а в Армении 23% роста.²⁹ С кем же собирается воевать Тбилиси? Ответ напрашивается сам собой. Вместо того, чтобы использовать средства западных налогоплательщиков, направляемых в виде помощи в Грузию на поднятие ее экономики и повышение жизненного уровня населения, Грузия щедро расходует эти средства на военные приготовления.

Однако попытки решить проблему Абхазии военной силой, конечно, не имеют никакой перспективы, так как Абхазия неплохо вооружена и имеет боеспособную армию. Кроме того, при нападении на ее территорию одинокой она не останется. Но возобновле-

²⁹ http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/business/newsid_5074000/5074266.stm.

ние войны приведет к существенной дестабилизации в двух крупнейших странах черноморского региона. В России сильны связи абхазов с северокавказскими народами, а тот факт, что практически все граждане Абхазии имеют второе российское гражданство означает, что в случае нового конфликта в Абхазии в него будет напрямую втянута и Россия. Не будут приветствовать такое развитие событий ни Турция, с ее многочисленной и активной абхазской и северокавказской диаспорой, ни главный спонсор Грузии – США, так как это поставит их в прямую конфронтацию с Россией. Кроме того, Абхазия находится в непосредственной близости от нефтепровода Баку-Джейхан и возобновление военных действий поставит под реальную угрозу безопасность этого нефтепровода как в Грузии, так и в Турции.

Понимая, что возможность силового решения проблемы возвращения Абхазии является нереалистичной, Грузия интенсифицировала усилия на дипломатическом фронте. Так, на 5 июля запланирована встреча Джорджа Буша и Михаила Саакашвили в Вашингтоне (Росбалт, 19/06/2006), где, в числе прочих вопросов, стороны обсудят “усилия по продвижению мирного урегулирования сепаратистских конфликтов в Южной Осетии и Абхазии в составе Грузии” (РИА “Новости”, 20 июня 2006). В этом же контексте следует рассмотреть и недавнюю поездку (19 июня 2006 г.) в Абхазию помощника госсекретаря США Мэтью Брайза и американского посла в Грузии Джона Тэфта. Наконец, знаменательна и та часть резолюции недавней встречи лидеров США и ЕС в Вене, в которой говорится о планах сотрудничества с Россией, в частности, по урегулированию замороженных конфликтов в регионе³⁰.

Все это, особенно накануне встречи большой восьмерки в Петербурге 29 июня сего года (где возможно обсуждение, в частности, темы Косова, а также Абхазии и Южной Осетии³¹), свидетельствует об успешности усилий Грузии по вовлечению США и Евросоюза в дискуссию по проблемам ее территориальной целостности и о попытках дипломатического нажима на Россию с целью изменить ее позицию в вопросе Абхазии и Южной Осетии.

³⁰ Gazeta.ru, 22 июня 12:44 (<http://www.gazeta.ru/firstplace.shtml>).

³¹ Радио ЭХО МОСКВЫ, 22.06.2006.

Однако те, кто думают, что неуступчивость абхазов в вопросе воссоединения с Грузией объясняется лишь поддержкой их Россией, глубоко заблуждаются. Народ Абхазии уже давно самоопределился и никогда, ни при каких условиях под контроль Тбилиси не вернется. Абхазия успешно строит независимое государство, у нее стабильная и достаточно демократическая политическая система, имеются правительство и выборный парламент. Экономически Абхазия является вполне самодостаточной и может поистине процветать при условии мира и открытости границ. Руководителям Грузии, ЕС и США следует понять, что Абхазия уже сформировалась как независимое государство, что точка не возврата в ее отношениях с Грузией давно пройдена и что ни мирным путем, ни военным в Грузию ее не вернуть. Когда такое понимание наступит, а оно наступит неизбежно, можно ожидать более реалистичного подхода к решению проблемы международной признанности Абхазии.

В целом, с точки зрения перспектив урегулирования грузино-абхазского конфликта, ситуация начинает меняться с нарастающей динамикой и в следующие два года следует ожидать весьма значительных изменений. Есть все основания полагать, что США, Грузия и Россия пришли к необходимости разморозить грузино-абхазский конфликт. Каждый при этом, естественно, руководствуется своими собственными интересами. Главными стимулами нового подхода являются перспектива скорого вхождения Грузии в НАТО, а также смена к 2008 году власти как в США, так и в России. Существенным фактором являются и нынешние политические процессы на Балканах, а именно отделение от Сербии Черногории и грядущее отделение Косова.

Стремящаяся максимально дистанцироваться от России, Грузия желает войти в НАТО в ближайшее время, еще при правлении Джорджа Буша-младшего, причем называется 2008 год, последний год работы нынешней администрации. Грузия спешит потому, что пока неясно, как будет по отношению к ее скорейшему членству в НАТО позиционировать себя новая, скорее всего, демократическая, администрация. При этом Грузия не скрывает, что надеется именно с помощью НАТО решить проблему перманентного кризиса своей территориальной целостности. Со своей стороны, и нынешняя админи-

страция США, судя по всему, намерена форсировать вопрос о вступлении Грузии в НАТО до окончания срока президентства Буша, чтобы сделать этот процесс необратимым, также не будучи уверенной в том, что в случае прихода к власти демократов нынешние подходы по вопросу о скорейшем вхождении Грузии в НАТО сохранятся.

По той же самой причине, а именно, из-за реальной перспективы скорого вхождения Грузии в НАТО, перестал устраивать замороженный характер абхазского конфликта и Россию. Дело в том, что вхождение Грузии, а возможно, и Украины в НАТО (о намерении Украины вступить в НАТО до 2008 года заявил украинский министр иностранных Борис Тарасюк³²), способны кардинальным образом изменить геополитическую ситуацию вокруг южных границ России, о чем уже предупреждал министр иностранных дел России Лавров.

Одним из возможных сценариев действий России в свете этого вызова, будет, может быть, попытка решить вопрос о статусе Абхазии до вхождения Грузии в НАТО. Ведь в противном случае натовские войска будут базироваться на границе с Россией по реке Псоу, в нескольких километрах от летней резиденции президента России и от крупнейшего российского черноморского курорта в Сочи. Признав Абхазию, Россия обеспечит тем самым создание своеобразного буфера между российской территорией и натовской Грузией. Свежий фактор Черногории и Косова может предоставить для этого удобный международный прецедент. Не зря на эту тему уже несколько раз высказывался российский президент. О том, что решение по статусу Косово станет прецедентным для урегулирования конфликтов в этих районах заявил и официальный представитель МИДа России Михаил Камынин (радио ЭХО МОСКВЫ, 22.06.2006). Можно привести и недавнее высказывание главы международного комитета Госдумы Константин Косачев, который «дал понять, что Россия может признать независимость Абхазии и Южной Осетии, если западные страны признают независимость Косова».³³

Стремясь упредить такое развитие событий, западные политики не устают заявлять об уникальности прецедента Косова. О том, что решение по Косову нельзя называть прецедентным, высказался, в

³² <http://www.regnum.ru/news/661748.html>.

³³ <http://www.polit.ru/event/2006/06/14/putinsaak.html>.

частности, бывший глава МИДа Германии Йошка Фишер (радио ЭХО МОСКВЫ, 22.06.2006). Заявил об этом в ходе недавней поездки в Абхазию (19 июня 2006 г.) и помощник госсекретаря США Мэтью Брайза: «Касаясь перспектив признания независимости Абхазии, помощник госсекретаря отметил, что ситуация с Абхазией значительно отличается от ситуации с Косово и Черногорией. «Пример Косово не может считаться универсальным, но это не означает, что мы не готовы обсуждать вопрос Абхазии», — сказал он» (Росбалт, 19/06/2006). Мне уже приходилось писать об увязке Косова и Абхазии. И в том и в другом случае речь идет о применении универсального и зафиксированного в уставе ООН праве народов на самоопределение. Кстати, в отличие от Косова, в случае Абхазии речь идет о существующем уже 14 лет государстве. Поэтому все попытки придать уникальный характер ситуации с Косово не выдерживают никакой критики с точки зрения международного права и являются лишь примером политики двойных стандартов.

Ситуация складывается вполне драматическая и время покажет, как все стороны – Грузия, Абхазия, Россия и США, справятся с этими нелегкими вызовами, без дестабилизации и без серьезного ухудшения международных отношений. Идеальной ситуации отвечал бы цивилизованный развод Абхазии и Грузии, наподобие того, что был между Чехией и Словакией, или Сербией и Черногорией. Однако, учитывая высказывания и действия грузинских лидеров, этот сценарий пока не стоит на повестке дня в Тбилиси. Так, на недавней встрече (13 июня 2006) между Путиным и Саакашвили в Санкт-Петербурге грузинский президент заявил: «Грузия – маленькая красивая страна, и лучше ее оставить в покое. Нам больше нечего отдавать. Ни метра осетинской или абхазской территории никто не получит».³⁴

И, тем не менее, ни военного, ни мирного решения проблемы Абхазии нет, это понимают, кажется, все так или иначе вовлеченные в конфликт стороны. Для абхазов сама идея вхождения в Грузию равносильна тому, как если бы предлагать предоставление «широкой автономии» в рамках России самой Грузии, Украине или Эстонии.

Что было бы разумным в этой ситуации для Грузии? Понять, что Абхазию не вернуть ни с помощью России, ни с помощью НАТО и

³⁴ <http://www.polit.ru/event/2006/06/14/putinsaak.html>.

отказаться от стремления ее контролировать, наподобие того, как Ельцинская Россия отказалась от претензий на 14 советских республик и признала их независимость. Как нельзя восстановить Советский Союз или Югославию, точно так же невозможно восстановить Грузинскую ССР с ее автономиями. Это хотя и весьма болезненный, но единственный достойный выход из перманентного кризиса грузинской государственности – признать Абхазию прежде, чем ее признают другие. Лучше иметь на своих границах доброго предсказуемого соседа, чем территорию, которая как якорь будет удерживать развитие страны и которую все равно назад не вернуть. Чем скорее придет понимание этого, тем скорее мы увидим окончательное разрешение грузино-абхазского конфликта.

Завершая свое выступление, хочу сказать, что связь между черноморской интеграцией и грузино-абхазским урегулированием, несомненно, имеется и связь эта прямая. От мирного решения грузино-абхазского конфликта напрямую зависит безопасность, стабильность и перспективы экономической интеграции всего черноморского региона. Но при этом очень многое зависит от позиции и действий Грузии, России и США. Абхазия же свою позицию выстроила и я не вижу на нынешний момент ни внутренних, ни внешних сил, которые смогли бы эту позицию поколебать. Это – построение независимого демократического государства и развитие равноправного добрососедского сотрудничества со всеми странами региона. Стремление к свободе и независимости не может быть привилегией избранных, и Абхазия свое право на самостоятельное развитие в течение все своей постсоветской истории уже доказала.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сергей Маркедонов – Я начну с комментария, а потом мне хотелось задать несколько вопросов Андрею Вилленовичу о политическом конструировании. Вначале несколько комментариев, несколько уточнений по поводу того, что Грузия является рекордсменом по военным расходам. Речь идет об абсолютных параметрах. В последние годы, Грузия, которая находилась на нуле или нулевой отметке, рванула впе-

ред. Но по количественным данным Азербайджан, конечно, на Южном Кавказе рекордсмен по военным расходам, а не Грузия. Наиболее серьезное наращивание военного присутствия в Азербайджане. В отличие от Грузии, которая очень сдержанно и умеренно говорит, по крайней мере, официально, про возможности военной реинтеграции, в Азербайджане военная реинтеграция Карабаха озвучивается всеми, начиная от Ильхама Алиева – откровенно без всяких дипломатических политкорректностей. Следующий вопрос, который у меня вызывает некоторое желание полемизировать, это вопрос об использовании НАТО, Европы, США Грузией. Знаете, как в известной истории с цыганом и принцессой – цыган согласен жениться, осталось узнать, согласна ли принцесса выйти замуж. То есть, Грузия, может быть, и хотела бы НАТО использовать или Европу в своих целях, но готова ли НАТО воевать за единую, великую Грузию и готова ли к этому Европа и готовы ли к этому Соединенные Штаты – есть большие сомнения. Достаточно сказать, что после дестабилизации 2004 года в Южной Осетии американский дипломатический истеблишмент очень жестко общался по этому вопросу с Михаилом Саакашвили. Размораживание осетинского конфликта очень не приветствовалось американской администрацией. Момент следующий – по поводу цивилизованного развода. Цивилизованный развод по словацкий и по черногорский, как бы нам не хотелось, в случае с Грузией и Абхазией невозможен. Принципиально разные ситуации. Чехов и словаков не разделяли 14 месяцев войны, не разделяли жертвы, не разделяли беженцы и вынужденные переселенцы и т.д. То же самое с Сербией и Черногорией. Но, помня, что господин Джуканович – большой демократ, каким его многие считают, в 91 году участвовал на параде в Дубровнике и поднимал патриотический дух черногорских солдат в борьбе с хорватским сепаратизмом. Сербия с Черногорией не воевали. Поэтому вполне возможен мирный развод. Другой вопрос – черногорские албанцы, голосовавшие за отделение, это несколько другой вопрос. Телохранитель, между прочим, Мило Джукановича – этнический албанец. Я думаю, что следующий вопрос – это будет вопрос албано-черногорских отношений. Как и в Абхазии очень серьезная проблема – это взаимоотношения армян и абхазов. Армянская община практически по численности равна абхазской, и рано или поздно может встать вопрос о некоем

пересмотре политического положения, особенно если учитывать карабахский опыт.

Теперь два вопроса. Вопрос первый. Все-таки мне хотелось бы в плане политического конструирования услышать от вас, какие, на ваш взгляд, есть пути, формы, инструменты для того, чтобы добиться обеспечения признания Абхазии? Как все-таки Абхазии преодолеть этот маргинальный статус? Какие нужно предпринять усилия по работе с европейскими структурами, с тем же самым НАТО, кстати говоря, с теми же самыми крупными международными игроками? Как надо поработать так, чтобы сформировать позитивный имидж Абхазии, что это не черная дыра, что это не пиратская республика, а вполне серьезный игрок, кого можно признавать, считать нормальной страной, нормальным партнером? Что и как, на ваш взгляд, нужно предпринять? Что может абхазское руководство, некоммерческие организации могут сделать уже сегодня?

И второй вопрос, примыкающий к первому. Это роль адыгской диаспоры. Ведь в случае с Карабахом, например, армянской диаспоре удалось добиться того, чтобы каждый год 20-30 тысяч долларов Конгресс США выделял на финансирование Карабаха. Россия ничего не выделяет, это делает конгресс США. Насколько можно лоббистские возможности адыгской диаспоры использовать и в Европе и в США, на Ближнем Востоке, чтобы решить этот вопрос о признании?

Давид Дарчиашвили – Слава говорил в конце доклада, что Абхазия выстроила свою позицию и там нечего менять, все зависит от того, как остальные игроки, включая и Грузию поведут себя. Я понимаю, что мы сегодня не находимся на конфликтологическом work-shop'е, у нас международная конференция. Но все-таки, и в дипломатическом ракурсе, и в плане разрешения конфликта, насколько методологически правомерен такой подход, когда одна сторона имеет выстроенную позицию, все ясно, а остальные должны адаптироваться к этому. Насколько это реально? Я не говорю о том, субъективно кому что нравится. Насколько вообще реально вот с таким подходом решить проблему?

Георгий Хелашвили – у меня два, можно сказать, гипотетических вопроса. Первый – что произойдет, как себя поведет абхазское руководство в том случае, если Грузия признает независимость Абхазии? Признание – это обычно двухсторонний процесс. С другой стороны, Абхазия признает Грузию в границах с Южной Осетией или без? И второй вопрос. Как в случае независимости абхазское руководство попытается решить вопрос грузинских беженцев, которые по международному праву имеют право возвратиться и тем самым воссоздать большинство населения в Абхазии?

Шалва Пичхадзе – Слава, у меня такой вопрос. Вопрос независимой государственности Абхазии – это скорее эмоциональный, на ваш взгляд, или вопрос прагматичный? То есть, вы прагматично приходите к тому, что вне независимого статуса невозможно достижение тех целей, которые вы сейчас перечислили? Что бы вы хотели сделать? Вот вы говорили о торгово-экономических отношениях, региональной интеграции и т.д. У меня, возможно ошибочно, создалось впечатление, что для всего этого нет необходимости независимой государственности. Это можно сделать и без статуса независимого государства. Вот поэтому у меня такой вопрос – это эмоциональный вопрос или есть какие-то чисто прагматические расчеты? Мы хотели бы что-то сделать, но нам мешает то, что мы не являемся независимым государством.

Вячеслав Чирикба – по вопросу Сергея Маркедонова – как Абхазия может обосновать свое стремление к независимости? Конечно, это комплексный вопрос, комплексная проблема, это вопрос не одного года, а это довольно длительный процесс, который, кстати, идет. Я думаю, что Абхазия должна доказать всему миру, что она способна на самостоятельное развитие. Она не будет зависеть экономически от какого-либо другого государства. Абхазия будет экономически самодостаточной, развивая связи, она сможет также развивать свою экономику. Кроме того, очень важно показать, что в Абхазии демократический строй. В частности, прошедшие выборы это показали, это один из немногих примеров на постсоветском пространстве, когда к власти пришла оппозиция. Это вообще, как мне кажется, один из

уникальных случаев. Это говорит о том, что демократический процесс в Абхазии работает и может работать. Построение национальной экономики с развитием отношений с другими странами, уважение прав человека, развитие демократических институтов, самоуправление – я думаю, что это комплекс вещей, которые могут показать всему миру, что Абхазия не является каким-то непонятным образованием, а является вполне сложившимся, функционирующим полноценным государством.

Но роль адыгской диаспоры – это сложный вопрос. Самая большая диаспора находится в Турции, где мы сейчас находимся. Кроме того, есть на Ближнем Востоке, кроме того, много людей живет и в Западной Европе, и в США. Фактор, конечно, этот значительный и во время войны, кстати, была большая экономическая, финансовая, политическая поддержка и даже были добровольцы. В Турции были проведены массовые демонстрации, что было не характерно в последнее время для Турции. Потенциально это очень важно. Я считаю, что диаспора тоже проходит эволюцию. И это лобби, которое может работать на эту цель – достижение Абхазией независимости.

Относительно вопроса Давида – мне кажется, что аргументы абхазской стороны вполне ясные. Абхазия считает себя независимым государством, она себя позиционирует как такое государство. И у нее все устремления к обоснованию самостоятельного развития, и она показывает, что она может функционировать как самостоятельное государство. Что здесь можно менять – я, честно говоря, не вижу. В плане позиционирования себя на международной арене – я не вижу тех изменений, которые абхазская сторона может представить.

Вопрос Грузии тоже гипотетический, это все гипотезы. На ваш первый вопрос – в каких границах Абхазия могла бы признать Грузию, если будет взаимное признание, я не имею ответа. Это зависит от многих факторов, что будет там через некоторое время, когда это произойдет, если произойдет. Так что я не знаю. Второй вопрос – вопрос беженцев, конечно, очень сложный и драматический, и трагический и гуманитарный и политический, конечно, здесь все очень перемешано. Вы знаете, что в Абхазию уже вернулось какое-то ко-

личество – около 60 тысяч. Это подтверждают все стороны. Что является уникальным для конфликтов, потому что в других регионах мы этого не видим – ни в Осетии, ни в Ингушетии. Если рассуждать гипотетически, я думаю, что, возможно, если будет Абхазия признана как независимое государство и будет договор с Грузией о мире, то можно ожидать каких-то других подходов. Пока я считаю этот вопрос преждевременным. Потому что этот фактор вы знаете, какое может иметь политическое значение в плане дестабилизации ситуации внутри Абхазии, если будет массовое возвращение беженцев во все районы Абхазии.

Георгий Хелашвили – В случае независимости Абхазии паспорта российские, по какому принципу они будут переводиться на абхазское гражданство? В этом случае вся Россия будет претендовать на абхазское гражданство? По каким критериям это будет решаться?

Вячеслав Чирикба – Имеется институт двойного гражданства. Это вполне реальная вещь во многих странах. Имеется абхазское гражданство, и имеется российское гражданство. Вы знаете, как ситуация пришла к этому – Абхазия просила паспорта ООН, чтобы иметь какие-то документы для путешествий за пределы Абхазии. Однако ООН отказалась, и Абхазия приняла предложение России о российском гражданстве. Я считаю, что институт двойного гражданства вполне отвечает существующему переходному положению Абхазии, и это нисколько не будет подрывать позиции абхазского гражданства.

Относительно вопроса о прагматичности. Наши устремления во многом симметричны. Мы смотрим друг в друга, как в зеркало. А почему, скажем, Грузия не может развиваться в составе России или в составе Турции? То есть, существуют прагматические, исторические и эмоциональные элементы и факторы. Я думаю, не стоит доказывать, что Абхазия сама может решать свои проблемы, осуществлять свою культурную идентичность, языка, культуры, экономики без контроля со стороны Грузии и кого-либо другого государства. Я думаю, что это не стоит обсуждать, это самоочевидно. Абхазия уже 14 лет является независимым от контроля Грузии

или других стран государством. Поэтому возвращаться обратно под контроль других стран – такой вопрос не стоит. Я думаю, что вы так же ответите на этот вопрос – почему вы хотите быть независимым государством?

Вальгер Кауфманн – до того, как мы продолжим нашу дискуссию, я бы хотел сердечно приветствовать Ральфа Фюкса. Очень рад, что он смог, наконец, приехать. Ральф Фюкс является председателем правления фонда Белля. Фонд Белля, как вы знаете, один из общественно-политических фондов Германии, который связан с партией зеленых в Германии и имеет офисы в 22 странах мира и много занимается вопросами разрешения конфликтов, демократизации, экономическими и экологическими вопросами. Приход Ральфа Фюкса на нашу конференцию означает, что и правление фонда уделяет внимание тому, что мы делаем на Южном Кавказе.

Давид Дарчиашвили

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕШЕНИЯ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА В КОНТЕКСТЕ ЧЕРНОМОРСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ВЗГЛЯД ИЗ ГРУЗИИ

Черноморская интеграция – миф или реальность

О перспективах черноморской интеграции не прекращаются дебаты и делаются декларации как в академических кругах, так и среди политиков стран черноморского пространства. Занимаются этим вопросом и в столицах Европы, в США, рассматривая черноморский вопрос в свете европейских энергетических и транспортных проектов и вопросов евро-атлантической безопасности. Естественно, что вопрос о перспективах черноморской интеграции возникает и в свете обсуждения конфликтов, проистекающих в этом ареале.

Все это исходит не только из современных региональных экономических, связанных с безопасностью и энергетикой реалии, но и из истории черноморского бассейна, из исторической памяти и преемственности здесь находящихся обществ, что накладывает свой отпечаток на культуру, взаимовосприятия, интересы и позиции Турции и России, Болгарии и Румынии, Молдовы и Украины или разноплеменного но в чем то единого восточного побережья Черного моря – Кавказа.

Но проблема в том, что как современные интересы и планы по черноморской интеграции, также и историческая память и ее отпечаток на современную политику и общественную культуру стран черноморского бассейна, неоднозначны, противоречивы. Разные, вроде бы взаимодополняющие инициативы по оформлению интеграционистской структуры (взаимодополнительность можно выводить из современной практики и парадигмы международной политики, выявляющихся в многослойности региональных организации и форматов) пока не доказали не просто жизнеспособность, а действительное влияние на судьбы ее участников. Остается впечатление, что до

сих пор, несмотря на недавние оживления по некоторым инициативам (работа по созданию организационных структур ГУАМ, декларирование инициативы по Содружеству Демократического Выбора, которая связывает Черноморье с балтийскими странами), попытки региональной интеграции или ограничиваются полумерами, или их участники пока просто не способны на большее. Причина тому, разногласия, существование среди некоторых участников процесса; Имение у некоторых из них других, более насущных приоритетов; Внутренняя слабость многих черноморских стран, с как бы сопутствующей, ихней внутреустремленностью.

История бассейна так же неоднозначна. Как говорит Жан Дюфор, руководитель отдела академических исследований колледжа обороны НАТО, Черное Море то было римским озером, то оттоманско-российским кондоминиумом, то коридором и мостом, но иногда и барьером и буфером³⁵. Так что говорить о том, что Черное Море всегда было интегрирующим звеном стран или народов здесь проживающих, не совсем верно.

Важно так же отметить, что черноморский ареал характеризуется нерешенными этнополитическими конфликтами. Они создают почву проекции современных рисков и опасностей в сторону запада – будь то терроризм, организованная преступность или нелегальная иммиграция, связанная с той же организованной преступностью. Все это может подводить к мысли, что Черноморье имеет тенденцию являться разделительной чертой благополучно-стабильного Запада и непредсказуемого Востока, где единственная связующая – это рискованная но продолжающаяся подача энергетических ресурсов с востока на запад.

Для таких стран, как Грузия, Украина и Молдова, региональные проекты в первую очередь воспринимаются как возможность «больше понравится» НАТО и с Евросоюзу, так как эти, основные структуры евроатлантической и европейской безопасности и стабильности особо озабочены продвижением политики добрососедства и регионализма, как основы предсказуемости международной системы. Для Румынии, и отчасти для Болгарии черноморские проекты – воз-

³⁵ The Role of the Wider Black Sea Area in a Future European Security Space, vol 1, p. 6 NATO Defence College, December 2005

возможность показать западным партнерам свою важность в восточных делах. Россия смотрит на черноморские инициативы со скепсисом (БСЭК), а иногда и с холодом (ГУАМ), а Турция, так же как и Россия, со своей стороны не совсем довольна перспективой непосредственного участия в деле черноморского регионализма стран, к ней географически не принадлежащих.³⁶ В результате этого, идея черноморской региональной интеграции как бы оказывается зависящей, а может и заложницей других целей, которые или чисто национальные, или вызваны желанием сближения с более стабильными и благополучными региональными конфигурациями безопасности.

И все же, идея черноморской полномасштабной интеграции, черноморского регионализма, ухода от дихотомии типа восток-запад, или авторитаризм-демократия, кажется осуществимой. Потенциал имеется в той же плоскости проблематичного настоящего и противоречивого прошлого. Нынешние противоречия, так же как и историческая память или опыт, внедренный в социокультурных структурах причерноморских обществ, рождает не только риски, не только отталкивает страны бассейна друг от друга, но и парадоксально дает шансы для решения назревших национальных или общерегиональных проблем. Иначе черноморские или черноморско-балтийские, а также черноморско-европейские инициативы и идей не встречали бы такого энтузиазма, который виден на многих международных форумах.

В первую очередь, немаловажно, что Запад, через национальных политиков, экспертов или через структуры НАТО и Евросоюза проповедует кооперативность и регионализм, как краеугольный камень международной безопасности³⁷. Черноморские страны понимают это, и реагируют соответственно. И как бы иногда данная реакция не оказывалась искусственной или подчиненной другим задачам, За-

³⁶ Там же стр 39; см так же *The Role of the Wider Black Sea Area in a Future European Security Space*, vol 2, p. 48 NATO Defence College, December 2005

³⁷ См. к примеру Введение в стратегию международной безопасности на базе сотрудничества, Издание центра по изучению международных отношений и вопросов безопасности им. Джорджа Маршалла, 2001. Так же Barry Buzan, Ole Waever, Jaap De Wilde, *Security: A New Framework for Analysis*, Lynne Rienner Publishers, London 1998; Deutsch, Karl. *Political Community and the North Atlantic Area*, Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1957

пад, куда и стремятся большинство черноморских стран, в полумеры не верит. К тому же понятие регион, в исследованиях по вопросам безопасности, не только и не столько ассоциируется с процветанием и интеграцией, сколько с ситуацией, когда страны, ее составляющие, не могут решать свои основные проблемы без учета потребностей и интересов друг-друга. Процветание и интеграция лишь конечная цель регионализма – происходящая из достижения стадии создания Содружеств Безопасности³⁸.

Если не все и не в одинаковой степени, то многие страны черноморского бассейна имеют интересы, исполнение которых невозможно без их взаимосотрудничества, а иногда и взаимных уступок. Так что, альтернатива черноморскому регионализму – новые линии враждебности. Простая взаимная безразличность в черноморском бассейне невозможна. Безразличность так же не желательна по единой культурно-исторической матрице черноморских стран, о котором еще пойдет речь, и потенциал которого пока что мало использован.

Грузинский взгляд на черноморскую интеграцию

В 2005 году грузинское правительство в первые в истории независимого существования страны приняло концепцию национальной безопасности. По поводу черноморского регионального сотрудничества грузинское правительство провозглашает: «Черноморский регион – неотделимое составляющее Европы. Европейская система безопасности полноценно не сможет развиваться без становления черноморской системы безопасности, как составляющего элемента системы евроатлантической безопасности». Документ подчеркивает, что Грузия – страна черноморского региона. Она приветствует активное участие НАТО в сотрудничестве по безопасности на черном море. Так же указано, что Грузия считает такие инициативы, как BSEC, ГУАМ и Усиление мер доверия и безопасности в военно-морской сфере на черном море (украинская инициатива – CSBM, Блэксифор) значительным вкладом в черноморское региональное сотрудничество. Грузия считает ГУАМ и BSEC взаимодополняемыми, но по поиску и нахож-

³⁸ См. Barry Buzan, Ole Waever, Jaap De Wilde, *Security: A New Framework for Analysis*, Lynne Rienner Publishers, London 1998

дению общих интересов касательно стабильности, развития демократии и безопасности, Грузия особо подчеркивает ГУАМ, как региональную организацию стран – партнеров.³⁹ Важно и то, что среди стратегических партнеров, наряду с США, Грузия выделяет два черноморских государства – Украину и Турцию. Как Азербайджан, так и Армения, и Россия, в документе названы партнерами.

В целом, можно выделить три аспекта грузинской политики по черноморскому измерению, исходящих из данного документа: а) Грузия говорит о черноморском регионе, как о свершившемся факте. Можно недоумевать на данный счет, но в политике, а конкретно в политике безопасности, восприятия, желания и реальность не так уж делимы. б) Грузия видит черноморский проект, как элемент отношений с НАТО и подчеркивает частность черноморской безопасности в отношении евроатлантической; в) Грузия видит в черном море самую желаемую региональную идентичность, как бы убегая от менее развитой или менее европейской – кавказской, а тем более кавказско-среднеазиатской идентичности. Во всяком случае, разговоры о важности мира по соседству, о желаемости создания единого экономического пространства с Арменией и Азербайджаном, не переходят в требование или работу по строительству южнокавказских, кавказских, или кавказско-центральноазиатских институтов и структур.

Это отчасти понятно; существование карабахского конфликта на данном этапе сводит на нет попытку (Россия в свое время старалась построить региональный формат на Кавказе на базе формулы 3+1) региональных инициатив на уровне Южного Кавказа. А Центральная Азия если не слишком далека, то уж очень многолика для Грузии. Но недостаточный интерес Грузии к соседним делам, выявляющийся хотя бы в том, что, не считая энерготранзитов, или отдельных исключений (как на пример, в сфере образования), до сих пор не предприняты (или хотя бы не озвучены) действенные шаги по координации и кооперации на уровне государственных структур, может проистекать и из недостаточного понимания сути современного регионализма. Грузия до недавнего времени принадлежала странам, в силе своей хрупкости ориентированным на внутренние про-

³⁹ Концепция национальной безопасности Грузии, (на грузинском языке), Тбилиси 2005, стр 18-19

блемы, которые во внешнем мире ищут лишь спасителей. Следовательно, ее внешняя политика не была ни последовательной, ни действенной в плане строительства региональных взаимоотношений. После революции 2003 года ситуация стала меняться. В Грузии удалось решить вопрос двоевластия (противостояние тбилисского и батумского центров), упорядочить налоги, уменьшить коррупцию, сделать государственный бюджет действенным. Страна четко сориентировалась на НАТО. Но пока что, инерционное пренебрежение южнокавказским регионализмом и особый акцент на черноморской идентичности, хотя бы отчасти проистекает а) из недостаточного понимания, что национальная безопасность должна быть основана на кооперативных взаимоотношениях с непосредственными соседями и на интенсивном поиске решения соседских проблем; б) стремлением актуализировать для НАТО и Евросоюза такие региональные проекты и такое расположение/принадлежность Грузии, которые подчеркнут ее неотделимость от Европы и приблизят Грузию к этим структурам. Сам по себе, тот же черноморский регионализм может иметь для грузинской политики ценность, подчиненную другим, более важным целям. В целом, Грузия продолжает фокусироваться на национальные интересы и поиски западного покровительства, не очень при этом занимаясь страхами и пожеланиями других, близлежащих субъектов международного права.

Это все понятно и логично. Легитимная цель страны – уход от северного «покровительства» на запад. Хотя для развития того же черноморского регионализма, который пока что не достиг самодостаточной зрелости из за причин, указанных в начале статьи, Грузия должна и может делать большее. Этим она помогла бы достижению основной цели – качественного увеличения заинтересованности Евросоюза и Евроатлантического сообщества, как черноморской идеей, так и непосредственно Грузией.

Дело в том, что Европа продолжает смотреть на Грузию в основном через южнокавказскую призму, о чем свидетельствует привязание Грузии к Азербайджану и к Армении в процессе переговоров по выработке плана действий в рамках Европейской Политики Добрососедства, что не очень нравится Грузии. Это не значит, что грузинский взгляд на региональную принадлежность неправилен, а подход Евро-

комиссии правилен, но учитывать разницу и больше работать на выполнении роли звена или моста, связывающего Причерноморье с Южным Кавказом не только в энергетическом, но в экономическом, культурном и политическо-правовом плане может усилить европейский интерес к грузинскому видению регионализма. Грузинской элите нужна более существенная, детальная и самоцельная концепция черноморского региона, где она выступала бы связной черноморского культурно-политического субстрата с юго-восточными соседями.

Интерес Грузии к черному морю, особенно к ГУАМ и отчасти к BSEC вызван и тем, что она хочет найти альтернативный формат интернационализации решения грузино-абхазского и грузино-южноосетинского этнополитических конфликтов. Участники ГУАМа, в целом, разделяют позицию Грузии в отношении сепаратизма. Но пока Россия, а за одно и абхазская и южноосетинская стороны против замены существующих форматов урегулирования, а ГУАМ или BSEC малоспособны на это в политико-правовом, или в экономическом плане, процесс не двигается с мертвой точки.

Абхазский взгляд на черноморскую интеграцию

В целом, на этот вопрос наверно полнее ответят сами абхазские представители. Хотя, для того, чтобы попытаться адекватно оценить перспективы решения грузино-абхазского конфликта в контексте черноморской интеграции, кажется нужным отметить некоторые аспекты возможного абхазского интереса к черноморской интеграции и препятствия на пути имплементации данного интереса.

Абхазия непосредственно расположена на Черном Море и ее интерес к черноморским интеграционным тенденциям или идеям естественен. В мае 2006 года де факто правительство Абхазии предоставило грузинской стороне свое видение урегулирования грузино-абхазского конфликта под названием «ключ к будущему». Не вступая в рассмотрение документа, в котором что-то может быть приемлемо для грузинской стороны а, что-то и нет, нужно отметить акцент на желательность для Абхазии участия в процессе европейской политики добрососедства. Как в прошлом, абхазские власти особо отмечают роль России. Но документ показывает, что российская ори-

ентация не единственный внешнеполитический выбор абхазских политических кругов, как в это многие верят в Грузии. Конечно, эта вера не беспричинна. Влияние российских политиков и отдельных государственных служб на процессы внутри Абхазии трудно переоценить. Но как и дух документа «ключ к будущему» показывает, пророссийский выбор Абхазов с их стороны воспринимается как вынужденный шаг.

Еще несколько лет назад, в абхазских политических и интеллектуальных кругах не исключалась возможность создания общего государства с Грузией, в том числе и при условии широких региональных связей для Абхазии.⁴⁰ Отмечалось, что ситуация «ни войны, ни мира» между грузинами и абхазами, приносит ущерб для региональной стабильности и экономического развития, и что внешние факторы обречены играть весьма важную роль в процессе грузино-абхазского урегулирования⁴¹. Тогда в основном говорилось «об общекавказском интеграционном движении на подобие ЕС», где регионы стран-участниц отчасти интегрируются напрямую⁴². Но, как мне кажется, общекавказские и черноморские идеи не так уж несовместимы, а последняя для Абхазии непосредственно может быть связана с вышеизложенным желанием участия в европейских интеграционных процессах. В целом, близость к Европейским структурам для Абхазии может быть не просто дополнительным, а основным гарантом защиты ее интересов, тогда как российская политика пока довольно подвержена старой доктрине «разделяй и властвуй», по которой не исключается оставление Абхазии на произвол судьбы при некоторых оборотах события. Но главная проблема для продвижения черноморско-европейского или черноморско-кавказско-европейского проекта с участием Абхазии, это неурегулированность грузино-абхазских взаимоотношений: То, что Грузия – субъект международного права, а Абхазия таковой официально не является, исключает ее прямые политические связи с черноморскими странами без

⁴⁰ Вячеслав Чирикба, Грузия и Абхазия: Предложения к конституционной модели; Практика Федерализма: Поиски Альтернатив для Грузии и Абхазии, Общая редакция Б. Коппитерс, Д. Дарчиашвили, Н. Акаба, издательство Весь Мир, Москва 1999

⁴¹ Там-же, стр 393-394

⁴² Там-же, стр 434

согласия Грузии. Для такого согласия Грузия требует то, чему Абхазия противится. К сожалению, на данном этапе сами по себе противоречивые размышления об общем государстве тоже отошли в прошлое. Вопросы о договоре по невозобновлению конфликта, возвращения беженцев, и наконец, вопрос статуса Абхазии – камни преткновения, которые не дают сторонам думать совместно о желательных региональных рамках.

Перспективы черноморской интеграции в направлении решения грузино-абхазского противоречия

Перспективы использования черноморских интеграционных процессов в деле урегулирования грузино-абхазского конфликта зависит от нескольких переменных. В первую очередь, прогресс должен иметь место в самом процессе интеграции, который, как было сказано, еще недостаточен, что бы говорить о черноморском регионе, как о свершившемся факте. Даже тот этап регионализма, в котором между субъектами превалирует отчуждение и недоверие, но есть и взаимозависимость, пока малорелевантен для всего черноморского бассейна: некоторые страны «участники» менее интересуются друг-другом, чем странами и направлениями, отдаленными от пресловутого бассейна. Но из этого совсем не истекает, что со временем BSEC, ГУАМ или что либо новое не получит гораздо большее внимание большинства стран – географически относящихся к черноморскому ареалу.

Второй фактор, определяющий релевантность черноморского регионализма к грузино-абхазским взаимоотношениям – сами эти взаимоотношения. Имея общие, непосредственно связанные с черноморской безопасностью, экологией или торговлей интересы, стороны не могут сотрудничать из-за неурегулированности политико-правовых вопросов, которые, сами по себе, чреватые разночтением исторических фактов и гуманитарных проблем. Трудно представить, как может развиваться общий, грузино-абхазский подход как по урегулированию конфликта, так и по черноморской политике, без сближения позиции по статусу Абхазии.

И третье; Для решения вышеназванных проблем, нужны изменения в системе ценностей, в политической культуре сторон. Из до-

минирования традиционалистских, коллективистских образов и акцентирования на националистические проекты, политический дискурс и общественное мышление должно двигаться в сторону общечеловеческих, индивидуальных ценностей и к терпимости к инакомыслию. Это никак не означает отказа от национальной самоидентичности и стремления к национально-государственному жизнеустройству. Но непреложная задача – баланс между традиционной формулой типа «вера, язык, родина», и современным императивом прав человека, верховенства закона и демократии.

После известных события в Тбилиси 2003 года и в Сухум/и 2004 года, прогресс в модернизации грузинской и абхазской обществ налично. Но пока он мало отразился на отношении сторон друг к другу. А прогресс во взаимоотношениях достижим только лишь в комбинировании модернистской национально-государственной идеей с более постмодернистским подходом разделенного суверенитета. Иначе кажется трудным, а скорее ведущим к новой стадии насилия, согласование двух (а подключая и югоосетинский вопрос и трех) противоречивых национальных проектов, которые сложились на территориях бывшей ГССР и которыми легко манипулировать силам, мечтающим восстановить единый авторитарный мир на постсоветском пространстве.

В свое время, раздумывая над возможностями реинтеграции Абхазии и Южной Осетии с Грузией (о чем, говоря откровенно, будучи гражданином последней я не могу и не хочу не думать), я приходил к мнению, что для такой разнокультурной страны идеальным внутренним устройством может являться федерализм, а внешнеполитической доктриной – нейтралитет: Ведь отношения к внешнему политическому миру у грузин, осетин, абхазов или тех же армян и азербайджанцев, населяющих Грузию – неодинаковый⁴³.

Но должен сказать, что исходя из международных характеристик современной эпохи, расположения страны и региона, как бы он не определялся, нейтралитет – явление устаревшее. Дело, конечно же, не в желательности создания мульти-национальных блоков на-

⁴³ Давид Дарчиашвили, *Швейцарский федерализм: уроки для грузино-абхазских взаимоотношений, Практика Федерализма: Поиски Альтернатив для Грузии и Абхазии*, Общая редакция Б. Коппитерс, Д. Дарчиашвили, Н. Акаба, издательство Весь Мир, Москва 1999, стр 72-87

целенных друг против друга. Но выбор в сторону НАТО, тем более Евросоюза или мечты о полномасштабном черноморском регионализме обязательны для страны, которая делает выбор не между, допустим, Россией и США в стиле баланса сил XIX века, а между прошлым и будущим, демократией и авторитаризмом, свободой и традиционализмом/коллективизмом.

Пока нет видимых результатов по согласованию вопроса о статусе Абхазии, грузинский федерализм так же остается в области неосуществленных желаний. Переговоры между конфликтующими сторонами нужны, но как для их результативности, так и для того, что бы процесс взаимоотношений продолжался, нужны и возможны шаги по восстановлению доверия.

Об этих мерах можно говорить долго. Главное то, что меры доверия могут включать и создание переходных, двухсторонних политико-правовых структур, которые занимались бы экономическими, экологическими, или хотя бы правоохранительными делами, имеющими обоюдный интерес. Касательно черноморской интеграции, которая имеет важное значение, как для Тбилиси, так и для Сухуми/а, можно было бы работать в сторону генерирования двухсторонней политической воли для создания временной грузино-абхазской комиссий по черноморскому сотрудничеству. Данная комиссия могла бы включать представителей структур, имеющих отношение к современному уровню черноморского сотрудничества. Она могла бы иметь одного председателя, представленного попеременно – абхазской и грузинской сторонами. Комиссия могла бы иметь один голос в рамках международных встреч. Комиссия вряд ли бы заменяла функции дипломатических институтов Грузии. И при наличии соответствующей доброй воли у последней, это мало приемлемо для международного сообщества, перед которым страна, в первую очередь, представляется главою правительства, министром иностранных дел, посольствами. Но комиссия могла бы иметь некоторые дискреционные функции на региональном уровне сотрудничества, а по отдельным вопросам и право вето, специально делегированные ей.

Конечно, данная модель чревата многими трудностями, которые трудно преодолеть. В первую очередь, это проблематичность нахождения приемлемой и работающей степени/рамки дискреций, а также

необходимость наличия высокой культуры диалога и нахождения консенсуса, который пока не наблюдается. Но если восстановление доверия и совместная работа до нахождения ответа на вопрос о статусе Абхазии необходимы, о чем не раз заявляли стороны, то спекуляции по поводу вышеназванной комиссии не лишены перспектив.

Как в грузино-абхазских взаимоотношениях, так и по черноморской интеграции заинтересованные стороны должны больше работать по поиску тех факторов, которые их связывают. Критическая масса таких факторов может сделать реальным решение поставленной в заглавии данной статьи задачи – решение грузино-абхазского конфликта в контексте черноморской интеграции. Один фактор, явно недооцененный не только сторонами грузино-абхазского конфликта, но и игнорируемый другими возможными или явными участниками черноморской интеграции – это общие для Румынии и Молдовы, известной части Украины, Балкан и Кавказа, а также Турции глубинные культурно-исторические структуры.

Как было отмечено в начале, история Черноморья неоднозначна. В ней много фактов противостояния и войн этносов, империи и нации. Черноморье не особенно богато традициями демократического развития современного толка. Все это правильно, но односторонне-стереотипно. есть в ареале и другое измерение или пласт исторического общежития – это довольно однообразный культурно-социальный мир, национально-этнически общества которого ментально близки. Задача в том, что высветить данную близость, переосмыслить историю, без которой человеческие общества не существуют и начать новый старт с этого.

Мнение международного сообщества неоднозначно относительно жизненного для нас вопроса – все Причерноморье и особенно Кавказ – это Европа или нет? Положительный ответ не столько в географии или геополитике, а в культуре и истории. Но просто разговоры о том, что, допустим, Грузия всегда тяготела к демократии, или что в средние века здесь был феодальный строй, походивший на французский, недостаточен, так же как и недостаточен или даже политический некорректен разговор о общехристианском прошлом. Нужен акцент на более веские доводы, и они лежат в изучении и пропагандировании той исторической реальности, которая лежит в причастности черно-

морских обществ к византийскому миру. Многовековой византийский феномен, который политически пал под натиском с востока, но потом, путем историко-культурной преемственности, продолжил существование в османском мире наравне с восточно-мусульманской цивилизацией, накладывая на ее османскую разновидность свой уникальные черты – вот та культурная матрица, которая должна интегрировать современных турков, грузин, абхазов и т.д.

Как единая Европа возникла из западнохристианского мира, но превратилась в мир чисто гражданский в политико-юридическом и экономическом плане, так и Причерноморье, опираясь на свой восточноримские корни, которым, между прочим не менее интересуется и гордится современное турецкое общество, должна найти силы нового, теперь уже гражданско-политического единения. А в этом, своеобразность турецко-исламского мира, также возникшего и развитого на восточноримско-византийских корнях, дополнительный аргумент в пользу продолжительности как черноморских связей, так и существования почвы для будущего единения с Европой.

До сих пор историки средних веков в Грузии упор делали на борьбу христианства и ислама. Не смотря на то, что данная борьба действительно имела место, это лишь часть, и может статься, что не самая культурно-глубинная часть нашего общего, причерноморского, христианско-исламского прошлого. Конечно, это прошлое предстоит еще вспомнить, а отчасти и сконструировать; Ведь прошлое, история это не всегда то, что было, а что нам нравится и хочется подчеркнуть в несовершенном багаже наших познаний. Не исключено, что работа в направлении воссоздания нашей византийско-османской прошлой наднациональной идентичностью, которая конечно-же должна обогащаться современными понятиями гражданственности и демократии, отвлечет грузин и абхазов от споров по поводу этно-национальной принадлежности Абхазского царства и княжества средних веков. Я остаюсь уверенным, что суть нашего конфликта не только политэкономические амбиции разных кругов, включая и российских, а и в спорах историков и писателей с романтическими наклонностями.

Если интенсифицировать и популяризировать новое видение нашей совместной идентичности, не только грузино-абхазские взаи-

моотношения или черноморский регионализм, но и интерес Евросоюза и США к черноморскому ареалу может получить качественно новый импульс. Ведь продвижение регионализма на почве «византийско-оттоманского культурного наследия» может оказаться далеко идущим в плане диалога культур и решения нарастающего христианско-исламского недоверия.

И в качестве последнего тезиса данной статьи, нужно отметить необходимость преодоления особых озабоченностей крупнейших черноморских государств, России и Турции в отношении участия США в делах строительства нашего региона. Американская вовлеченность, наряду с расширением НАТО, в первую очередь не антироссийский, а тем более не антитурецкий геополитический проект, а серьезный рычаг верховенства политики открытых дверей и развития демократии, без чего регионализм и современная кооперативная безопасность не представимы.

ОБСУЖДЕНИЕ

Андрей Рябов – спасибо за очень интересную презентацию, в которой вы упомянули такой момент, такую дискуссию, которая в Грузии существует – о возможности или целесообразности ухода из региона Южного Кавказа. Вы охарактеризовали это как не совсем реалистичное устремление. Я просто хотел бы возразить и одновременно задать вопрос – современная история знает такие прецеденты ухода из региона. Наиболее яркий, кстати, это уход трех балтийских государств из постсоветского пространства, а также уход Словении, которая сразу после развала Югославии идентифицировала себя не как балканскую, а как адриатическую центрально-европейскую страну и полностью ушла в этот регион Адриатики. Значит, прецеденты есть. Если есть прецеденты, то вот такой гипотетический уход становится реальным. Возможно, я попрошу вас более подробно изложить позицию тех, кто предлагает такую идею, какими параметрами этот уход должен быть охарактеризован? Что нужно сделать для того, чтобы уйти в другой регион? И в какой регион уйти? И второй в этой связи вопрос. После 2007 года, когда, скорее всего, Евросоюз станет крупнейшей регио-

нальной черноморской силой в связи со вступлением туда Болгарии и Румынии, а также в связи с созданием новой организации для центрально-европейских стран, еще не являющихся членами Европейского союза. Не кажется ли вам, что и черноморский регион в этой связи может существенно изменить не просто свои современные очертания, а, собственно говоря, свои характерные региональные отличия, которые сегодня позволяют его с большей или меньшей точностью отделять от других регионов этой части мира?

Сергей Маркедонов – Давид, спасибо за ваше выступление. Вы обозначили такую определенную дихотомию. Вы говорили о геополитических подходах XIX века, таких архаичных и устаревших подходах и говорили о демократическом крестоносничестве, которое на своих знаменах или хоругвях несет идеи прав человека, индивидуализма и т.д. Не кажется ли вам, что результаты в принципе одного и другого подхода во многом схожи? И демократическое крестоносничество, если взять результаты в Ираке, вызвало такой всплеск исламского фундаментализма, что в пору проливать слезы по Хусейну, который очень жестко сдерживал исламский фактор, исламский фундаментализм. Крестоносничество на палестинской автономии, вызвало «Хамаз», перед которым Ясир Арафат просто образец демократии, индивидуализма и т.д. и т.п. То есть, не есть ли насильственное крестоносничество, игнорирующее социо-культурный контекст – причина очень серьезного всплеска политической архаики, экстремизма и терроризма в случае с Ираком, в случае с Афганистаном и т.д.? То есть, крестоносничество в тех регионах, где для этого нет на сегодняшний момент какой-то серьезной почвы.

Георгий Хелашвили – мой вопрос о парадигме сотрудничества, о котором вы говорили, потому что ваш доклад был именно в рамках этой парадигмы. Дело в том, что если посмотреть на интересы тех стран, которые сотрудничают в рамках черноморского регионализма, то это новая Европа, новые члены НАТО, а также Украина и Грузия, которые следуют в фарватере этих новых членов НАТО в геополитических реалиях этого региона. И еще у нас есть Турция, которая уже член НАТО. То есть, очень скоро мы уже можем получить реги-

он, в котором сотрудничают страны либо уже члены НАТО, либо страны, которые следуют в фарватере НАТО. У России остается только маленькое побережье вокруг Новороссийска. В этом случае есть два варианта развития ситуации. Если эти страны вокруг Черного моря будут сотрудничать в рамках безопасности и создадут какую-то систему коллективной безопасности против терроризма, против конфликтов и т.д. Но еще есть другой вариант, когда усилия всех этих стран, допустим, будут направлены против России. И в этом случае, не кажется ли вам, что напротив – черноморское сотрудничество в этом формате будет как раз идти впрок урегулированию конкретно абхазского конфликта, потому что понятно, что Абхазия здесь будет как бы геополитическим троянским конем России?

Давид Дарчиашвили – как можно представить уход из региона? Об этом, как я охарактеризовал, прямо не говорится. Но это все время чувствуется и чувствуется опять же в процессе переговоров по европейской соседской политике. Почему Грузия привязывается к проблемам Азербайджана и Армении, которых блокирует Кипр? Потому что там начали летать самолеты из Северного Кипра в Баку. Вот такая конкретная была проблема. И в Грузии чувство, что Грузия может быстрее достичь каких-то стартовых позиций, чтобы больше и больше интегрироваться в Европу, с одной стороны. Грузия более прозападная, она хочет в НАТО в отличие от Армении, со второй стороны. Может быть, грузинское общество, культура, не в понимании высокой культуры, а в понимании быта и системы ценностей, может быть, ближе подходит к Западу, чем Азербайджан. Вот в этом плане, об этом идет разговор, об этом думают, но это не артикулировано, это не экспертно-научный политический дискурс. Что нужно делать, чтобы уходить? Вот вы, к примеру сказали, что балтийцы ушли. Балтийцы ушли не друг от друга. Балтийцы ушли от воображаемой или реальной советско-российской опасности. Это было чем-то для них сверхрегиональным. Но балтийцы, несмотря на то, что в их взаимоотношениях очень много проблем, более или менее держатся регионом. То же самое, мне кажется, невозможно представить, что Грузия, Армения, Азербайджан смогут уйти, если когда-либо конфликты решаться. Если не решатся, то там будут фронтовые зоны, они и сейчас есть. Региона-

лизм среди этих трех стран – это отдельная тема. Потому что Северный Кавказ связан с Россией, но среди этих трех стран регионализм должен развиваться хотя бы по одной конкретной причине. И Грузии тут просто судьба велела играть связующую роль. Потому что Грузия имеет большие меньшинства – и азербайджанское, и армянское. И от этого никак уйти не удастся.

Следующий вопрос: 2007 год и насколько расширение Евросоюза может повлиять на то, что может составить региональную взаимосвязь? Опять же, исходя из того, насколько процесс интеграции будет полным в Евросоюзе, от этого зависит. Мне кажется, что внутри Евросоюза будет всегда присутствовать субрегиональное разнообразие. Что касается НАТО, то, как я сказал, это организация, базирующаяся на консенсусе. Так что, если найдутся экономические, с точки зрения безопасности и стабильности, опять же культурно-социальные взаимосвязи, у которых есть точка в этом регионе, мне кажется, что разные региональные форматы имеют довольно-таки хорошую почву для жизнеспособности. Хотя более конкретно это уже будет что-то из области гадания. Но если погадать и говорить о мечтах, то серьезная интеграция с центром в этом городе, в Стамбуле, где была одна из колыбелей человеческой цивилизации, если уж не самых древних культур, западной или совместной западно-восточной, мне кажется, что может быть жизнь у такого проекта, если опять не будут везде фронтовые линии.

Крестonosничество и связана ли с этим проблема? Конечно. Просто существует разница между восприятием проблемы российских политиков, с одной стороны, и американских, с другой. У российской политики в свое время была идеология. Раньше это было – вера, народность, царь, потом это была красная идеология. Сейчас единственное, что есть у России это национализм. У американцев это распространение демократии.

Сергей Маркедонов – а как вы понимаете национализм, в политико-гражданской парадигме?

Давид Дарчиашвили – мы рискуем вступить в дискуссию по существованию российской государственности. Что такое державность? Что

во главе угла – государственность, державность или граждан? То есть, в этом плане национализм государственный. В Соединенных Штатах он присутствует, геополитическое видение присутствует, но там присутствует третье, чего нет в России – демократическое крестоносничество. Эта политика, конечно, имеет свои проблемы. Нельзя сказать, что это самая плохая идея в международных взаимоотношениях. Потому что, если мы верим, что люди универсальные, рано или поздно будет верховенство демократии и прав человека, они продвигаются везде. Но просто где-то какие-то тактические ошибки допускаются, и эти ошибки потом очень болезненно отзываются на тех же правах человека. Да, это видно в Ираке. Но, допустим, это не должно означать, что от поддержки демократизации разных развивающихся стран, от поддержки того, чтобы диктатуры не процветали, нужно совсем отказаться. Нужно поддерживать или Иран, который, как мне кажется, представляет опасность не только для Соединенных Штатов, хотя бы из-за того, что Иран не понимает остальной мир, и остальной мир не понимает Иран. Или поддерживать такую фигуру, как Роберт Мугабе. С ними надо бороться. Есть политическая целесообразность. Батал, то, что вы говорите, для меня это та сфера, где идеализм сталкивается с реализмом. И американская политика, слава богу, от реализма абсолютно не свободна. Было бы тогда гораздо хуже. Это бы привело или к мечте построить небесное царство на земле или к чему-нибудь худшему. Американская политика – это баланс между реализмом и идеализмом. Российская политика слишком геополитизировалась в своем видении.

По поводу троянского коня. По-моему я более или менее ответил на этот вопрос. Какие бы конфигурации, какие бы серьезные силы, регионы с совместными валютами, с совместными доктринами безопасности не возникали бы, будь то западные или восточные, пока существует государство, пока идеи национализма, национальной идентичности, суверенитета ограниченного или неограниченного существуют, они играют не менее решающую роль, чем какие-то региональные интересы. И я очень надеюсь, что, несмотря на то, что в ближайшем будущем может оказаться, что три четверти побережья Черного моря окажется в НАТО или в Евросоюзе, хотя в Ев-

росоюзе это будет, конечно, труднее, мне не кажется, что это дает абсолютно возможность для такого трагичного конфронтационного сценария. Иначе я бы не говорил о возможностях, как бы это трудно не было. Трудно в первую очередь из-за того, что мы с Баталом трудно пойдем друг друга, из-за всего того, что было или что есть, а не из-за того, что обязательно российские интересы всегда будут сталкиваться с американскими и т.д.

Вахтанг Колбая – Я в первую очередь хочу поблагодарить господина Кауфманна и госпожу Полу и другие организации, которые принимали участие в том, чтобы нас здесь собрать, и хочу тут же сказать, хотя у нас еще завтрашний день впереди – с удачным началом и с удачным составом. Для меня большая честь участвовать в этой конференции. Сама тема очень интересная – тема черноморской интеграции. Я хотел бы откликнуться на некоторые моменты, которые были сказаны представителем ЕС – господином Семнеби, а также по некоторым докладам. Кстати, хочу большое спасибо сказать всем докладчикам. Это не дань уважения, а просто я действительно очень многое узнал. Продолжая тему черноморской интеграции. Само понятие черноморского региона, ареала, как говорил Давид... он правильно подразделял ареал и регион, поскольку старший научный сотрудник Германского Фонда Маршалла в США – Рональд Асмус и Брюс Джексон – президент Проекта по демократиям переходного периода, пишут в статье «Черное море и пределы свободы», что этот регион включает в себя прибрежные причерноморские государства, Молдову и такие страны Южного Кавказа, как Армения, Азербайджан и Грузия. Далее они пишут, что в Большое Причерноморье должны быть включены все три государства Южного Кавказа – Грузия, Армения, Азербайджан (что не лишено смысла).

Вместе с тем, если существует понятие Большого Причерноморья, то логичным является существование и понятия Малого Причерноморья. И это очень важно для определения будущей структуры черноморской безопасности. В нашем понимании Малое Причерноморье это прибрежные регионы шести стран Черного моря – Болгария, Румыния, Украина, Россия, Грузия, Турция.

Подобное разделение является очень важным для выбора приоритетных стратегий по превенции или урегулированию существующих конфликтов.

Урегулирование абхазского конфликта дало бы новые импульсы для процесса урегулирования остальных конфликтов (например, на Южном Кавказе, на Северном Кавказе), которые уже являются частью системы безопасности Большого Причерноморья.

И учитывая то, что из этих шести стран фактически только Россия находится вне евроатлантической интеграции, естественно, что роль России в этом процессе является в основном, оппозирующей. Вместе с тем, Черное море, в принципе, становится уже евроатлантическим морем и после того, как Румыния и Болгария присоединятся к ЕС, оно станет внутренним морем Европы. Естественно, возникает такой вопрос – а какова будет в дальнейшем роль России, и как будет Россия участвовать в этом процессе? Плюс к тому, что Абхазия является единственным местом, где был вооруженный конфликт на побережье Черного моря, не считая крымской проблемы. Там до этого не дошло, слава богу. Естественно, не риторическим становится вопрос – а какова роль всего сообщества, всех государств, которые участвуют в решении этих конфликтов? Исходя из этого, естественно, я хотел бы ответить на некоторые вопросы и на некоторые вызовы, которые прозвучали в докладах господина Семнеби и других ораторов.

Политические и экономические контуры черноморского региона постепенно начали проясняться, и транспортная, и энергетическая составляющая проекта региона является вполне прозрачной для Европейского Союза и других стран региона. Вместе с тем, ряд событий выявил тот факт, что у Запада, к сожалению, сегодня нет адекватной стратегии по отношению к черноморскому региону. Опять же обращаясь к некоторым замечаниям г-на Маркедонова относительно ОЧЕС. Такая система сотрудничества, как ОЧЕС и постепенно реанимирующийся ГУАМ не смогли использовать и развить потенциал региона полностью, в первую очередь из-за негармоничных идей, лежащих в основе данных организаций. И это, скажем, заставило или способствовало тому, что новое поколение демократических лидеров региона провозгласили желание создать новое сообще-

ство, каковым является Ассоциация демократического выбора. Это дань времени, дань реальности, которая имеет место не только в этом регионе. Создание черноморского региона в идеале – это создание стабильной зоны европейской демократии и европейских программ развития, возможностей Грузии ускоренно двигаться к достижению европейских стандартов, независимо от того, станет Грузия членом ЕС или нет. Наличие вооруженного конфликта на черноморском побережье, и хрупкость национальных политических институтов все еще мешает полноценному функционированию геополитической системы безопасности черноморского региона. В политических кругах мира часто обращаются и к другой тезе, о которой говорил господин Рябов. Он сказал, что некорректно говорить о каспийско-черноморском регионе, хотя в принципе они реально взаимосвязаны из-за интересов, которые имеют различные страны в этом регионе, поскольку через этот регион пролегает много нефтепроводов. В дальнейшем их число будет неуклонно расти. Кроме того, над Черным морем, и не только над Черным морем, много воздушных путей, мостиков, которые могут использоваться как для экономических, так и для военных целей. Для Европы Черное море – торговая зона, для России Черное море важно исторически. Я не буду вдаваться в эту историю. Здесь у России слишком много интересов. Вместе с тем, мир не стал спокойным и безопасным местом с тех пор, как закончилось противостояние между Западом и Востоком. Хотя количество конфликтов между государствами заметно сократилось, угрозы для мира и безопасности продолжают иметь место. Они приобрели иные формы. И болезненные и сложные внутренние конфликты ставят под угрозу не только интересы конкретных людей, а целые социально-этнические группы. Со вступлением в ЕС Румынии и Болгарии Черное море вслед за Балтийским становится новой восточной границей Европейского Союза. И это серьезное доказательство того, что Черное море является зарождающимся евроатлантическим регионом. Черное море также открывает доступ к Кавказскому перешейку, к Каспийским энергетическим ресурсам. Это десять процентов того, что здесь добывается и не менее одной четвертой, которая идет в страны ЕС через этот регион. Это имеет немаловажное значение для конъюнктуры. Понятно, что если мы говорим о большом Причерно-

море, то здесь в этом регионе четыре замороженных конфликта. Тем самым, соглашаясь с замороженностью этих конфликтов, Европейский союз смирился со статус-кво, что на мой взгляд является не совсем нормальным явлением, поскольку статус-кво в свое время дал свои негативные результаты, что показали, например, последние выборы в Палестине, сегодня приводился пример, как это негативно отражается на процессах того региона. Сегодня же европейцы и американцы хотят сделать Черное море безопасным, заняться его освоением в противовес России. Предлагаются и варианты освоения и вместе с Россией, которая пытается вернуть под свой контроль страны региона, используя, в том числе и конфликты, не говоря уже об углеводородах. Евросоюз, имея дело с такой нестабильной зоной, явно отстает от вызовов дня. К сожалению, мне кажется, что Евросоюзу не достает гибкости в этом, и проблемы с энергоносителями доказали это. Вместе с тем, правительствам стран с конфликтами нужна поддержка медиаторов, поддержка адекватная, поддержка, которая стала бы своевременной и прагматической. Я хочу согласиться с Дато в том, что мы должны генерировать идеи по решению конфликта, при котором, я часто привожу этот пример, уважая достоинство каждого из стран, вернее, стремление каждой из сторон, вместе с тем делать все для того, чтобы приблизиться к тому, чтобы мы совместно решали эти вопросы. Насколько это станет итогом или желаемым и искомым результатом для сторон, это уже другой вопрос. Но, не уважая стремлений каждого, пытаться в одиночку решить проблему, это в принципе ничего не дает. И я думаю, что в этом плане Евросоюз мог бы быть генератором идей и помогать нам в этом вопросе. Примером упрочения связанности региона с задействованием зон конфликта мог бы стать какой-то общий проект. Что приходит на ум, раз мы говорим о Черном море – это условное название «чистое море», «единый природный заповедник», «единый транспортный узел. То есть, нужно говорить о том, что нас сближает, и каким образом мы могли бы сблизиться.

И некоторые ремарки в отношении некоторых выступавших. Когда говорил о цветных революциях господин Рябов, он сказал примерно так: в России розовая революция воспринимается как некая угроза внутреннему государственному устройству России. Я согла-

шаюсь с вами и уважаю ваше мнение. Вместе с тем, это для меня это говорит о том, что реалии сегодняшнего дня показывают, что демократия вступает в противоречие с интересами части геополитического пространства. Поскольку, если это так воспринимается, то естественно возникают противоречия. Вячеслав Чирикба говорил, что сегодня имеет место изоляция Абхазии от внешнего мира. И вместе с тем, вчера Лиана Кварчелия отметила как позитив, что в Ключе появился новый адрес – Европейский Союз. Это говорит о том, что есть позиции в вашем документе, которые появились и в послании грузинской стороны, где главный упор делается на то, чтобы вывести абхазскую сторону из этой изоляции. И насколько мы найдем приемлемые пути для сторон, тем быстрее мы можем найти какие-то пути соприкосновения.

Что касается косовского прецедента. Отмечу один момент. Для решения косовского варианта предполагается согласие самой Сербии взамен вступления в Евросоюз. Так что этот момент тоже присутствует как аргумент того, что одна сторона должна дать согласие для этого.

И то, что говорил господин Семнеби. В его выступлении прозвучала мысль об идентичности. Я понял так, что имеется в виду европейская идентичность. Но раз мы говорим о черноморской интеграции, то почему нам не сказать, что мы люди, которые живем на берегу Черного моря, у нас была бы единая черноморская идентичность. И исходя из этого, искать пути сближения между собой.

Нателла Акаба – я хотела бы развить ответ, который давал Слава Чирикба. Он дал достаточно полный ответ, но у меня тоже есть некоторые соображения о тех факторах, которые, на мой взгляд, могли бы способствовать признанию Абхазии. Прежде всего, мне вообще хочется, чтобы политики и аналитики как-то реже употребляли слово «никогда», потому что мы видим, как быстро меняется мир. И мне кажется, что мы только проигрываем, когда мы все время говорим «нет, это никогда не произойдет». Мне кажется, что, соглашаясь с тем, что сказал Слава о том, что Абхазия должна состояться как демократическое правовое государство, что является, конечно, наипервейшим условием, в то же время есть и другие моменты. В частности, мне ка-

жется, что нужно вести диалог с грузинским обществом, потому что все-таки я возлагаю надежды на то, что рано или поздно значительная часть грузинского общества перестанет мыслить в категориях прошлого, и придет какое-то новое понимание того, как мы могли бы в дальнейшем строить свои отношения. Все-таки принцип равенства – это совершенно необходимо для нас. Мне кажется, что абхазы или какие-то другие политические игроки могли бы дать гарантии того, что в случае признания Абхазии в качестве независимого государства она не будет объединяться с какими-то другими государствами или входить в состав каких-то других государств. И в то же время не будет размещать на своей территории военные базы каких-то других государств. Кроме того, мне кажется, что Абхазия и Грузия будут параллельно и на равных интегрироваться в какое-то более широкое пространство, это тоже будет способствовать. Но интеграция обязательно должна происходить на равных... Абхазия не согласится интегрироваться куда-то через Грузию. Вот это, мне кажется, очень важный момент. Я хочу еще сказать, что, на мой взгляд, очень важно для Абхазии развиваться как мультикультурное сообщество. Об этом я уже говорила вчера. И в этой связи очень важна выработка моделей взаимоотношений с грузинами Гальского района и вообще с грузинами, которые проживают на территории Абхазии...

Реплика – мегрелами.

Нателла Акаба – ...для меня важно, кем они себя считают сами. А в этом еще надо разобраться. Я не уверена, что они все готовы считать себя мегрелами, и это их личное дело. Давайте назовем их «картвелами». Но я хочу сказать, что с ними мы должны научиться сожительствовать, уважая и обеспечивая им все права. Вот такие факторы, которые, как мне кажется, могли бы способствовать.

Батал Табагуа – возвращаюсь к тому, что было сказано, потому что дискуссия идет вокруг того, что уже говорилось. Мне кажется, что долгое время после войны Абхазия вынуждена была доказывать России, что у нас есть свои интересы, и мы не будем возвращаться в Грузию. Я, например, хочу сказать, что Россия, МИД России в лице

Козырева и даже военные не понимали ситуацию. Они считали, что виноваты какие-то конкретные люди, а на самом деле, нет почвы для ненависти между грузинами и абхазами, и пытались каким-то способом нас примирить. Я помню, был случай, когда некий генерал Кондратьев пытался привезти беженцев. В течение многих лет, мне кажется, нам удалось объяснить России, руководству России, что мы не собираемся и мы не будем жить вместе с Грузией. Очень тяжело было объяснять, потому что у них и силы, и возможности, и т.д. Но наконец-то, они, по моему, все-таки поняли, в чем тут дело, они поняли, что это невозможно, мне так кажется. Я не могу сказать, что только это, но такой момент присутствует. На сегодняшний день у нас такая же проблема стоит с теми игроками, которые появились на этом поле. Я имею в виду и НАТО, и Евросоюз. Я не знаю, сколько лет нам нужно будет им объяснять, может быть, еще десять лет, что мы не собираемся и не хотим и т.д. Может быть, когда-нибудь через определенное время они убедятся и поймут, что мы точно не хотим. Каждый раз абхазской стороне нужно объяснять. Но самое интересное, что нам это очень тяжело объяснить, потому что когда человеку цивилизованно пытаешься объяснить, приводишь примеры, почему кому-то можно, а нам нельзя, почему вы помогаете Косово, Восточному Тимору, мне кажется, что здесь существует немножко другой момент. Они не хотят понять нас по одной простой причине – потому что Абхазию считают пророссийской, я думаю, что здесь никакой секрет не открою. И поэтому все, что пророссийское – это плохо. Хотя на самом деле мы никакие не пророссийские, а мы отстаиваем свои интересы, мы доказываем свою состоятельность и т.д. А Россия рядом и почему мы с ней не должны дружить? Вот это нужно объяснять. Как сказал один из дипломатов на кулуарной встрече, если бы мы не были бы с Россией близки, может быть, они нас и признали бы. Идет какая-то конкуренция между вот этими крупными странами, а мы за это должны страдать. Существует вот такой момент.

Далее. Некоторыми демократия воспринимается как революция или наоборот. У нас отношение немножко другое к этим розовым революциям, которые происходят. Я понимаю, что революция, которая была в 1917 году тоже революция. отождествлять революцию с демократией не совсем правильно. Я очень сомневаюсь, что какая-

нибудь европейская страна позволит у себя проводить какие-то революции, какие бы благие они не были.

Далее здесь был задан вопрос, который, честно говоря, меня лично очень обижает. Шалва ставит вопрос – а зачем вам государство, это эмоциональный порыв или нет? Я вообще это воспринимаю как оскорбление. Потому что мы с вами со всеми встречаемся очень много раз, вы все прекрасно знаете, почему и что было. Разве 92-й год, разве война это не доказательство? Или для этого нужно ставить вот такие вопросы? Тогда я тоже могу сказать – зачем вообще вам это надо? Даже на таком уровне люди, которые часто встречаются, ставятся вот такие вопросы. А вы представьте себе, когда вот такой вопрос можно будет поставить простому обычному гражданину в той же Абхазии. Представляете, какой ответ вы получите? Далеко не словесный, я хочу вам сказать. Это не потому, что кто-то плохой или хороший, это говорит о взгляде со стороны Грузии на Абхазию и о нашем ответе – о нашем отношении к вам, если вы на таком уровне. Потому что, в сущности, вы сказали то, что вы думаете. Зачем вам это надо и мы все сделаем для того, чтобы у вас не было независимости, своей страны, своей родины и т.д. Я прошу извинить, но есть такой анекдот – на западной Украине ребенок прибежал и говорит деду: «Дедку, москали в космос полетели», тот спрашивает: «Все?». Если бы мы тоже куда-то ушли бы, представляю какая была бы радость в этом плане.

Лиана Кварчелия – Мой комментарий связан с докладом Дато Дарчиашвили, с его последним тезисом о том, что США предстают этикими крестоносцами-демократами. Мне кажется, что в сегодняшней политике Соединенных Штатов продвижение демократии – это скорее инструмент, нежели ценность, внешняя политика США сегодня не на ценностях демократии строится. Мы не видим, чтобы США продвигали демократию в Саудовской Аравии или, к примеру, в Азербайджане, если брать страну поближе к нам. И то, что США сегодня поддерживают признание независимости Косово, и говорят, что допустим, Сербии не светит вступление в НАТО, если не решится вопрос с Косово, это тоже не совсем в русле продвижения демократических ценностей. Поэтому с вами по этому вопросу трудно согласиться.

Я хотела бы также вернуться к тому, что говорилось о цивилизованном разводе. Сергей Маркедонов говорил о том, что в отличие от нашей ситуации, в Сербии-Черногории, Чехии-Словакии не воевали, поэтому им легче было развестись. Да, в нашем случае цивилизованно развестись трудно, но ведь еще сложнее жить в одном государстве именно потому, что была война. Мне кажется, что это очень существенный момент. Для чего нужна независимость? В первую очередь – это вопрос нашей безопасности. Это проблема не в 1992 году возникла. Вспомним проблемы, которые у нас были и в Советском Союзе, когда предпринимались попытки ассимиляции и заселения нашей территории. А после развала Советского Союза уже появилась угроза физического уничтожения. В первую очередь, чтобы обезопасить себя, нужна независимость. И войну мы пережили, и до войны не мало пережили. Я хочу вспомнить, Дато, что ты говорил, выступая в США о самоуважении. Ты говорил о том, почему Грузии важно независимое от России развитие, почему у Грузии такой выбор, а не другой. И ты делал акцент на чувство собственного достоинства у грузинского народа, на самоуважение. Но ведь это абсолютно актуально и для абхазского народа. Вопросы самосохранения и самоуважения абхазы ставили не только в 1992-1993 годах, а гораздо раньше.

Что касается вопроса о том, что необходимо делать для признания Абхазии, то я согласна с тем, что Сергей писал в своих статьях. Если Абхазия состоится как демократическое государство, в котором существует верховенство закона, уважаются права человека, нацменьшинств и т.д., то это может повернуть в нашу сторону международное сообщество. Видеть Абхазию дееспособным современным демократическим государством хочет не только гражданское общество, но и, по крайней мере на уровне деклараций, новая власть.

Безусловно, надо наводить порядок в Гальском районе, работать с учетом многонационального общества Абхазии. Для признания независимости Косово выдвигается ряд предварительных условий. В отношении нас такие условия не выдвигаются, так как вообще не хотят ставить вопрос о нашей независимости. Но это не значит, что если мы будем нарушать международные стандарты, это останется незамеченным, к примеру, в тех же резолюциях Совета Безопасности ООН. Мы развиваемся в чрезвычайно сложных условиях. Трудно

внутри общества, чьи коллективные права нарушаются мировым сообществом, апеллировать к правам человека, правам меньшинств и т.д. Такие апелляции часто натываются на непонимание, поскольку жесткая позиция запада в поддержку территориальной целостности Грузии и одновременно ожидание, что Абхазия должна быть святейшей папы римского, многими в Абхазии воспринимается как какой-то тактический шаг со стороны внешних сил для того, чтобы ослабить Абхазию. Хотя я как раз считаю, что демократизация, уважение прав человека только усилят позиции Абхазии.

Я бы хотела сказать еще два слова об европейской идентичности, которую упомянул господин Семнеби. Что мы все-таки понимаем под этой европейской идентичностью? Это принципы, ценности или реальная политика, с которой мы чаще всего имеем дело? Если мы говорим о ценностях, то определенное недоверие к западным ценностям, я думаю, есть не только в непризнанных государствах, но и в признанных тоже. Грузинские коллеги говорили о том, что в Грузии, как и в Абхазии, идет дискуссия на тему того, насколько европейские ценности могут повлиять на традиционную культуру. У нас к тому же, мне кажется, вопрос об европейских ценностях чаще всего замещается восприятием реальной политики европейских государств и Соединенных Штатов в отношении Абхазии. Происходит некое смещение акцентов, и недоверие к политике запада превращается в недоверие к «европейским ценностям». Хотя, если уж говорить о ценностях, то возможно в обществах и нет достаточно четкого представления о том, что именно подразумевают эти европейские ценности.

Нателла говорила о том, что Абхазии сложно представить себе, что мы будем интегрированы куда-то через Грузию. То есть, Абхазия не готова отдать часть своего суверенитета Грузии. Президентские выборы показали, что Абхазия как независимое государство не готова отдать часть суверенитета и России тоже, хотя много говорится об ассоциированных отношениях и т.д. Сегодня сближение Абхазии и России продиктовано вопросами безопасности в первую очередь. Кстати в плане «Ключ к будущему» говорится о том, что Грузия должна первой признать независимость Абхазии. Это дает Грузии возможность в свою очередь, выдвинуть свои условия.

Маркедонов Сергей – я позволю тогда начать свое участие в нашей общей дискуссии с некоторых личных впечатлений от этой сегодняшней встречи. Я второй раз участвую в таком семинаре, организованном фондом Генриха Белля и могу сказать, что есть определенная тенденция – выстраивается расширение формата числа участников. То есть, если в прошлом году в Москве это был российско-грузино-абхазский диалог, теперь он российско-грузино-абхазско-европейский. Формат расширяется. Мне кажется, что это очень позитивный шаг, потому что он позволяет многие проблемы, проблемы диалога между Грузией и Абхазией, проблему конфликта между Грузией и Абхазией рассматривать в более широких контекстах. И рассмотрение такой проблемы в более широком контексте, в сравнительном аспекте, имея в виду и Балканы, и Центральную и Восточную Европу, черноморский регион, это более полезная вещь, потому что она позволяет собственно грузино-абхазский этнополитический конфликт лишить эксклюзивности. И обе стороны должны понять, что где-то что-то подобное когда-то было или где-то подобное что-то уже есть, что этот конфликт не является уникальным, хотя в нем есть и своя уникальность тоже. На мой взгляд, сегодняшняя наша встреча подняла ряд важных методологических проблем, о которых мне хотелось бы сказать. Первая очень серьезная проблема, содержательная проблема – это возможность использования демократических инструментов Европой, Соединенными Штатами Америки на постсоветском пространстве. Демократизация и ее соотношение с модернизацией или демодернизацией. На мой взгляд, вот такая демократизация по европейскому, американскому образцу постсоветского пространства может принести и успехи, и чревата неизбежными провалами. Вот буквально на днях очень известное британское издание «The Middle East Review» опубликовало статью Камерона Брауна, достаточно известного британского аналитика, по проблемам выборов на Ближнем Востоке. И Камерон Браун приходит к выводу о том, что свободное волеизъявление на Ближнем Востоке приводит к очень плачевным результатам. В меньшей степени мы видели это в Египте, в большей степени мы видели это в Палестине. Еще несколько лет назад несколько трудов американского политолога Фаарида Закария были посвящены этому же вопросу. Он там вос-

производил разговор президента Мубарака с американскими советниками, когда Мубарак сказал: «Вы хотите победы Аль-кайды, давайте тогда введем всеобщее избирательное право». Наверное, мы должны говорить на постсоветском пространстве о коридоре возможности. Я вовсе не хочу здесь прослыть врагом демократии, ее ненавистником. Я таковым не являюсь, но надо понимать, что есть определенные альтернативы. И, скажем, альтернативой каримовскому режиму вовсе не являются европейские просвещенные демократы, а скорее всего ребята с исламистскими лозунгами. Если мы говорим о демократизации и о европеизации этого пространства, пограничного с Европой, то наверное, мы должны скорее ставить акцент на социальной модернизации, прежде всего экономической, которая уже впоследствии позволит переходить к каким-то демократическим ценностям, к демократической практике. То есть, демократия как ценность, на мой взгляд, должна ставиться в первую очередь, а потом уже как инструмент. Демократия как инструмент на постсоветском пространстве не очень позитивна. Она приносит всплеск архаики и наоборот демодернизационных каких-то настроений. Это всплеск политизированной этничности, скажем. Следующий очень важный момент, который здесь в латентном виде у всех в докладах звучал, это конфликт между правом наций на самоопределение, наций как этносов, понимаемых в этническом смысле и принципом территориальной целостности. Что важнее из этого? Вспомним историю на протяжении XX столетия, рассмотрим эти два принципа, составляющие тезис-антитезис, если по Гегелю соблюдать такой диалектический принцип. В начале XX века Вильсон, Ленин – это акцент на право этносов на самоопределение. Распад империй, приход националистического дискурса вместо имперского. Потом появление Гитлера. Гитлер в значительной степени судьейским вопросом, идеей собирания немцев в одном государстве дискредитировал принцип права этноса на самоопределение. Пошел переход в другую сторону – к принципу территориальной целостности, отказу от этничности в пользу территорий. Так была деколонизирована Африка, прежде всего. Право территории, вот эти по линейке колониальными властями начертанные границы лучше, чем право этноса на самоопределение. Сегодня мы с вами являемся свидетелями текто-

нических сдвигов, геополитических сдвигов, как угодно. Это распад Советского Союза, распад Югославии. Не замечать этих явлений, по крайней мере наивно и глупо. Знаете, если не дай бог, представить себе ситуацию – произошло землетрясение, вот вы приходите к этой колонне, к этой перегородке и говорите, что вот эта перегородка ваша. И она должна незыблемо стоять, ее нельзя разбирать на кирпичи ни в коем случае. Дом рухнул, а вы стоите у перегородки и говорите такое. Произошли очень серьезные трансформации. Появилось много новых государств. Скорее всего, мы должны вести речь о выработке определенных критериев работы с новыми реальностями. Появляются новые государства. И, наверное, целесообразно будет, здесь я немножко предвещаю свое завтрашнее выступление, разрабатывать определенные критерии признания и непризнания. Естественно, речь идет не о том, чтобы завтра признать здесь и сейчас Карабах, Южную Осетию, Абхазию и Приднестровье. Или Косово, или республику Северного Кипра. Или Тайвань в перспективе. Но совершенно очевидно, что Ялтинско-Потсдамская система не существует. Принципы международного права, которые были созданы на основе Ялтинско-Потсдамской системы уже не очень-то работают, и международное право становится предметом некоей спекуляции. Об этом говорят все. Когда мы говорим про какое-то некое право, выступает грузинская сторона и говорит: «Вот с точки зрения международного права...». Выступает абхазская сторона и также есть апелляция к международному праву, называются статьи, хартии, документы и т.д. И с той, и с другой стороны есть подмена определенных тезисов, и подмена численности, и какая-то подтасовка фактов и т.д. Абсолютно тем же занимаются и армяне, и азербайджанцы в контексте карабахского урегулирования. Тем же занимаются молдаване и приднестровцы. Апелляция к некоему праву, к какому-то правовому универсальному принципу, которого на самом деле нет или не совсем есть на сегодняшний момент, потому что Ялтинско-Потсдамского мира нет уже. А какой мир пришел на смену? Кто-то может сказать какой он? Какие системы, какие ценности? Пока мы еще по инерции живем в некоторых принципах, разработанных на основе Ялты и Потсдама. Но жить все время на этой основе невозможно. Нужно двигаться вперед и выработать новые принципы и новые критерии.

Тогда нам говорят, что нужен референдум при признании государств. Но в Бангладеш не было референдума, когда его признали. В Эритрее его тоже не было. Сепаратистские части с оппозиционерами полковника Менгисту взяли Аддис-Абебу. И таким образом получили независимость. В случае Черногории он был, безусловно. Но в случае с Косово была очень масштабная этническая чистка, которая фактически открыла путь для признания этого государственного образования. Если мы возьмем формирование европейских наций и государств после 1945 года, то мы увидим такие неприятные вещи, как изгнание немецкой общины из Польши, декреты Бенеша в Чехословакии, масштабные перемещения населения и создание этнически гомогенных образований. Это позволяло действительно без дальнейших проблем строить демократию и делать европейский выбор, предварительно убрав какие-то, не очень вписывающиеся этнические сообщества и т.д. Процесс этот достаточно сложный. Говорить о том, что принцип территориальной целостности лучше, чем принцип наций на самоопределение и наоборот нельзя. Это как сравнивать – что лучше колбаса или чай. Разнопорядковые вещи. Просто необходимо понимать, что простое принуждение жить в одном государстве тоже не есть выход. Вот, например, Судан. Его принуждают жить вместе в одном государстве. Резня получается в результате. Если представить себе, что Сербия и Косово будут жить в одном государстве, вот заставят их, международные структуры примут решение сохранять территориальную целостность, это, скорее всего, закончится новым Милошевичем или новой серьезной резней. И другие вещи тоже мы можем здесь говорить. Насколько это принуждение разных сообществ, которые по какой-либо причине, не будем сейчас копаться в истории, не хотят в массовом порядке жить вместе. Это очень серьезный вопрос. Следующий очень серьезный вопрос – это цена реинтеграции непризнанных образований в материнские территории. На сегодняшний момент, если мы посмотрим на непризнанные не только постсоветского, но постюгославского пространства, мы увидим не слишком большой разброс. Сербская Краина была регинтегрирована без населения. Операция «Молния» хорватской армии и все – вы получаете территорию без населения. Вот Грузия хочет Абхазию без населения или не хочет? Хочет

Азербайджан Карабах без армян или не хочет? Очень серьезный вопрос. Можно чисто теоретически предположить – территория без населения. Следующий вариант реинтеграции – от нее отказаться и предоставить фактическую независимость, как произошло в случае с Косово. Либо вариант оккупации – Дейтонский вариант. Фактически приходят люди со стороны и говорят: «Вот будет такое государство. Будете жить вместе». Вот весь набор различных вариантов. На самом деле он сводится к выбору – плохой и очень плохой. Один фантом, от которого стоит совершенно отказаться – что даже в случае реинтеграции не будет прежней Абхазии в составе Грузии, и прежней Южной Осетии и прежнего Карабаха. Возврат к прошлому в принципе невозможен. От этого надо решительно отказаться. Это – фантом. Единственный случай, когда метрополия или сама материнская территория реинтегрировала непризнанное государство без внешнего вмешательства исключительно собственными силами – это Чечня. Как бы кощунственно кому-то мои слова не показались – это единственный успешный вариант возвращения материнской территории. Вот я вижу усмешку со стороны грузинских коллег, сейчас мне расскажут про жертвы, которые были. Да, но с 1991 года у российской власти в Чечне всегда были пророссийский ориентированные чеченцы. Не просто пророссийский ориентированные по идеологии или словесным каким-то заявлениям, а люди, обладавшие вооруженной силой. Надтеречный район был феноменом внутри чеченского сепаратизма. Надтеречный район с 1991 года ни одного дудаевского префекта не пустил.

Паата Закареишвили – ... по теме, пожалуйста.

Сергей Маркедонов – но это связанные вещи. Я просто говорю о том разбросе возможностей для реинтеграции непризнанных образований. Их на самом деле не очень много. Это либо реинтеграция без населения, либо предоставление какого-то свободного самоопределения. Что касается европейских ценностей, то совершенно очевидно: сегодня к европейским ценностям и к Европе апеллируют и признанные, и непризнанные образования. Существует своя разная мотивация. У признанных образований понятно – рассматривается

Европа как возможный покровитель. На Россию надежд нет. Я прекрасно понимаю, у меня никаких конспирологических взглядов нет, в СНГ появился некий клуб проигравших. От России он помощи не ждет и не надеется, он ищет других покровителей и это абсолютно нормальный, объективный процесс. Поэтому заинтересованы в европейском присутствии. Почему непризнанные государства заинтересованы? Потому что прекрасно понимают, что поддержка одной России – этого очень мало. Это, по сути, статус маргинального признания. Нужна поддержка клуба цивилизованных, элитного мирового клуба, который даст это признание. Всегда очень важно мнение некоего элитного клуба. Европа является неким элитным политическим клубом. Отсюда апелляция к Европе и европейским ценностям. Однако надо понимать, что и в том и в другом случае апелляция к Европе скорее носит инструментальный характер. Я не очень верю во внезапно проснувшуюся европейскую ценность Азербайджана, Грузии и Молдовы. Это – советские республики, мы вместе вышли из одного стола, из одного котла. Мы – совки. И вдруг одни совки более демократичные и продвинутые в сравнении с россиянами.

Реплика – а Прибалтика?

Сергей Маркедонов – это разные вещи – Эстония и Туркменистан. Прибалтика действительно совершенно другой случай. Поскольку опыт советизации был небольшой. Что касается остальных республик, остальные республики сделали свой огромный вклад в становление советской государственности. Не будем сейчас конкретными примерами это подтверждать. Я думаю, что все люди грамотные и все эти вещи знают.

Я заканчиваю. Просто это носит инструментальный характер, надо это понимать и не питать особых иллюзий по этому поводу.

Вальтер Кауфманн – одна из тем – это конфликт. И одно из достоинств этой встречи, что эта тема обсуждается очень откровенно и без каких-то маневров и обмана. Очень ясно для меня и, по-моему, не должно быть иллюзий на грузинской стороне, что абхазы считают, что грузины претендуют на скорое признание независимости Абхазии.

Хорошо, если Евросоюз тоже это понимает, не питается иллюзиями. Мы на этом заканчиваем, разъезжаемся и будем жить дальше. И раз в год будем встречаться в Стамбуле, что конечно, приятно. Но тут возникает вопрос не только фондового человека, который может хорошо жить на этом – раз в год устраивать конференцию по разрешению конфликтов и т.д. Но есть вопросы и в тематике этой конференции, по крайней мере, аспект поиска – все-таки есть ли что-нибудь дополнительное, кроме того, что мы уже знаем? И я представляю, что когда мы вызываем политиков от Евросоюза, это не может означать, что мы призываем Евросоюз к признанию Абхазии или очередной раз к утверждению территориальной целостности. Мы призываем его к поиску именно все-таки дополнительных возможностей. Я четко и хорошо понимаю, что это очень тяжело, потому что почти любой шаг с абхазской стороны воспринимается с подозрением, что их опять заманивают таким образом. С официальной стороны тоже очень туманное представление о том, насколько это можно допустить, и насколько европейские предложения должны идти исключительно через грузинские руки, через грузинский контроль, так сказать. Я бы хотел и на этой встрече и в присутствии господина Семнеби обсуждать вопросы некоего общего интереса. Допустим некое экономическое сотрудничество в рамках черноморского региона. Как, например, Грузия смотрит на сообщение Турции и Абхазии? Это всего лишь угроза? Или это не должно произойти, кроме того, что происходит – а мы знаем, что ходят корабли и кто-то зарабатывает на этом и т.д. Это все должно быть тайной и в будущем и официально нельзя об этом говорить, или все-таки есть какие-то моменты, которые можно обсудить? Конфликт мы не решим, но давайте об этом договоримся. Вот такой аспект черноморской интеграции нам интересен. Этот тип сотрудничества на региональном уровне, на уровне регионов для нас возможен. Именно учитывая то, что мы знаем друг о друге.

Кристиан Бжания – именно исходя из позиции, высказанной господином Кауфманом, я бы хотел построить свою короткую речь. Действительно, исходя из тематики нашей сегодняшней конференции. А я знаю, что прагматичнее было бы строить разговор вокруг заявленной темы, потому что и она вызывает достаточно много воп-

росов, потому что над нами всеми довлеет груз – груз негативной информации, груз негативных событий и т.д. Все, кто имеет отношение или каким-то образом причастен к процессу примирения сторон или урегулированию конфликта, достаточно хорошо понимают, как важна степень доверия враждующих или противостоящих сторон для достижения урегулирования. В этом смысле очевидно, что Абхазия стремится к урегулированию и к мирному полномасштабному разрешению конфликта. И поэтому все, что будет способствовать этому, воспринимается, по меньшей мере, с интересом. Действительно, как бы ни оценивали предложение услышать позицию или мнение Абхазии по европейской интеграции, конечно, прежде чем получить ответ на заявленную тему, надо, безусловно, учитывать, какой груз на себе несет абхазское общество. И невозможно этот груз сбросить сейчас же, тут же по факту предъявления предложения. У нас действительно есть опасения, и мы действительно сомневаемся. Я хочу более приземлено сказать, не используя дипломатические приемы: мы не верим никому. Мы не верим ни Евросоюзу, мы не верим ни Организаций Объединенных Наций, мы не верим ни Грузии, мы не верим ни России, мы никому не верим, потому что мы достаточно уязвимы. И события предконфликтного периода, постконфликтного – они очевидно свидетельствуют в пользу нашей боязни и наших опасений. Потому что, так или иначе, представители различных международных организаций, которые прямо или опосредованно участвуют в переговорном процессе, представляют одни и те же страны. Мы только видим разных людей, которые произносят одни и те же слова и выставляют одни и те же условия. Мы не верим, когда нас спрашивают: «Если вы станете независимыми, как вы думаете о проблемах беженцев?». Вы знаете, мы очень прагматичны, и наше руководство четко понимает, что признанное государство гораздо более связано обязательствами перед международным сообществом, нежели сейчас Абхазия, которая никем не признана. И, конечно, мы понимаем, что судьбу беженцев нужно решать, но в то же время мы не забываем, что в судьбе беженцев никак не заинтересована Грузия. Мы никак не можем добиться верификации уже вернувшихся и в добровольном порядке, и в одностороннем порядке беженцев. У нас это создает впечатление, что беженцы всего-навсего инструмент по-

литического торга для грузинской стороны. Мы никак не можем понять, почему пресловутый вопрос с паспортизацией, с российским гражданством бесконечно обсуждается. Ведь никто другой, как мировое сообщество в лице ООН прямо этому способствовало, когда мы получили отказ и нас действительно принудили к такому действию. Мы не можем определенно понять, когда нам говорят, что Европейский Союз, прежде всего, исповедует цели соблюдения и обеспечения прав человека, прав граждан. Нам кажется, что немного цинично будет предлагать некую свободу, когда мы сейчас все изолированы. Более 12 лет европейское сообщество почему-то не видит, не хочет замечать, что любой гражданин, в том числе конфликтного региона, обладает теми же правами, незыблемыми правами на свободу передвижения, на получение образования вне своей этнической родины. Но существуют серьезные проблемы. И вот при наличии такой ситуации говорить о том, как мы с вами будем работать, дружить, развивать отношения, интегрироваться в сообщество европейских наций, наверное, немножко не корректно. Чтобы абхазы хоть чуть-чуть заинтересовались и действительно поверили в возможность продуктивного сотрудничества, я думаю, что именно Грузии и Европейскому Союзу нужно совместным фронтом выступить и сказать: «Это несправедливо, когда систематически, ежедневно нарушаются права граждан, права человека в Абхазии, основные права». И когда абхазское общество увидит, что ему не чинят препятствий, когда действительно международные организации и та же Грузия пытается встать на защиту его права, может быть, действительно возникнут какие-то позитивные предпосылки для серьезного обсуждения сотрудничества в рамках Евросоюза, Черноморского партнерства и т.д. Я понял моего коллегу Батала Табагуа, потому что он говорит реальные вещи достаточно приземлено. Я вот сейчас понял, насколько мы – те, кто здесь присутствует, далеки от абхазского общества. Поверьте, оно не думает про то, о чем здесь говорят. Оно озабочено совершенно иными, земными, жизненными, конкретными проблемами. Я уверяю вас, что ни мне, ни господину Чирикба, никому из абхазской делегации не будет легко объяснить своему обществу, какие прелести нас ожидают, если мы вдруг решим сотрудничать в рамках черноморских экономических проектов.

Они тут же нам зададут конкретные вопросы, и нам, к сожалению, нечего им ответить. Так же, как и сегодня я не услышал ни одного конкретного ответа ни на мои вопросы, ни на вопросы, которые здесь были поставлены. Мы до сих пор не знаем, чего же от нас, собственно говоря, хотят. Я так и не понял, насколько политизировано это коммерческое предложение. Я говорю очевидные вещи, потому что для абхазского общества принципиально и жизненно важно сегодня – я рискую разделить участь Нателлы Нуриевны Акаба, но я повторяю ее тезис – что я не знаю, что будет через 20, 30, 50 лет. Я точно знаю, что есть сейчас, и что будет завтра. Поэтому на конкретные вопросы нам нужны конкретные ответы. Если это действительно каким-то негативным образом задевает жизненные интересы абхазского общества, то это предложение будет отвергнуто. Я знаю этот ответ сегодня, сейчас, не возвращаясь в Абхазию.

И еще такой момент. В нашем обществе у значительной ее части возник вопрос – как все же понимать, по каким критериям определять уникальность или универсальность ситуации. Кто-то из наших коллег пошутил, проявил черный юмор. Может быть, говорит, для того, чтобы уникальный момент обрел характер универсального, может быть, побомбить Тбилиси? Это, конечно, черный юмор. Я говорю о другом. За все время, связанное с урегулированием балканского кризиса, была произнесена единственная более или менее четкая фраза – «они обретают независимость, потому что мы обнаружили невозможность совместного проживания». Я думаю, что это несерьезное объяснение, тем более для абхазского общества. Если это главный критерий, по которому можно понять, кому можно дать свободу, подарить или навязать, а кому нет, тогда я не думаю, что ситуация будет прогрессировать в хорошем смысле. Я не здесь эту фразу услышал. Я имею в виду международных чиновников. Я все же хотел бы, уезжая отсюда, увезти действительно некое представление о том, чего можно ожидать и как можно, прошу прощения за такое выражение, приноровиться, найти свое применение или свою нишу для участия в этих наверняка благих проектах.

Ральф Фюкс – Я слушаю с огромным интересом и хотел бы выразить своё мнение по поводу услышанного. В общих чертах я знаком

с историей грузино-абхазского конфликта, но не очень хорошо разбираюсь в деталях. Иногда некоторая некомпетентность в вопросах подобного конфликта играет на руку. Я бы хотел поделиться с вами не только своим личным осмыслением замороженных конфликтов в Южно-Кавказском регионе, но по мере возможности и осмыслением этих конфликтов европейцами и Евросоюзом. Вообще, нам не нравится идея дезинтеграции и фрагментации мультиэтнических государств в этнически однородные единицы. Это источник нынешних национальных конфликтов, нестабильности и дезинтеграции в Европе и на её периферии, и даже в самом Европейском сообществе такая логика дезинтеграции воспринимается как опасность. Помните, например, что Испания, Бельгия и Объединённое Королевство являются конституционными мультиэтническими государствами. Другие Европейские государства становятся мультиэтническими благодаря массовой иммиграции. Европейская демократия основывается на мультиэтнической демократии. Это базисное и очень фундаментальное утверждение.

Самоопределение, как принцип международного права, как вам известно, не подразумевает, что каждое этническое меньшинство должно иметь собственное национальное государство. Но оно требует защиты прав меньшинств, до некоторой степени, культурной автономии и федерализма как конституционного принципа мультиэтнического государства. Итак, если обратиться к истории с Косово, то возможны ситуации, когда реинтеграция, попросту, неосуществима. Это правда. Ситуация, когда реинтеграция невозможна, поскольку невозможно заставить жертвы геноцида жить вместе со своими врагами. Это психологический и исторический факт. В случае с Косово единственными альтернативами являются сохранение статуса международного протектората, под которым Косово находится на данный момент, или создать суверенное государство со всеми гарантиями для сербского меньшинства на территории Косово и жёсткими обязательствами по соблюдению принципов правового государства и плюралистической демократии. Я оставляю за вами решение, каким будет завершение грузино-абхазского конфликта.

Вполне ясно, что Грузия хочет стать членом НАТО и, в долгосрочной перспективе, что я поддерживаю, даже членом Евросоюза,

это не может быть угрозой для ее меньшинств. Я считаю, что Евросоюз должен быть открыт для всех европейских демократий и, в принципе, должен быть доступен и для Грузии. Это долгосрочный проект, но мы должны поддерживать его жизнеспособность. Если Грузия хочет стать членом Западного сообщества, НАТО и Евросоюза, то вполне ясно, что это не представляет опасности для ее меньшинств. Это весьма просто. Это являлось бы гарантией для абхазов и Абхазии.

Возможно, будет более обнадеживающим, если мы отложим на время дебаты о вопросах статуса, признания или непризнания, суверенности и его значения и, вместо этого, сконцентрируемся на прагматических вопросах сотрудничества. Я бы хотел узнать от вас о сферах общих интересов, сферах сотрудничества, к примеру, о вопросах безопасности, торговли и инвестициях, транспорте, туризме, образовании. Может быть, проблема беженцев слишком сложна для начала. Возможно, вы могли бы сфокусироваться на сферах общих интересов, где можно было бы развить какое-то сотрудничество, что привело бы к новой ситуации, при которой вопрос границ между Грузией и Абхазией перестал быть столь конфликтным и столь важным, каким он является сегодня. Таким должен быть подход для обеих сторон, вместо поисков виновного, которые не приведут к продуктивному решению проблемы. Спасибо.

Инал Хашиг – Сегодня мы услышали ту, позицию, с которой Европа смотрит обычно на Абхазию. В первой половине дня господин Семнеби проговорил этот вопрос и охарактеризовал так – «неконтролируемая правительством территория». То есть, будто там живут какие-то дикие первобытные люди. И сейчас не знают, как с ними быть. Точнее, есть возможность загнать нас в такой цивилизный обезьяний питомник, то есть легализовать нас в таком питомнике и не более того. Когда Европа говорит о войне в Косово, она забывает, что в Абхазии вообще-то не из-за ромашки подрались. И там тоже была война, и там тоже были жертвы. Там тоже есть несовместимость. И сегодня есть такое понимание, что с одной стороны говорится – ну ладно, давайте не будем говорить о территориальной целостности или о признании Абхазии, но с другой стороны мы хотим, чтобы шла интеграция... мы предлагаем вам интегрироваться в ка-

кие-то европейские экономические структуры, с другой стороны не проговаривается, что все это будет опять делаться через Тбилиси. Вчера, кажется, говорили о хорошем опыте взаимодействия по Ингургэс и о том, что там отпущены деньги. Между тем, ни одна копейка не прошла через абхазский банк, ни одна копейка не была проконтролирована абхазским правительством. Эти деньги были пущены через правительство Грузии, через ее структуры. И Сухум с пониманием отнесся к этому вопросу, потому что для нас главное был конечный результат – чтобы этот ГЭС работал. Но сегодня мы можем рассматривать вопросы сквозь призму конечного результата, то есть, того, что мы хотим увидеть. Но желание наших оппонентов в других вопросах увидеть вот этот конечный результат, оно абсолютно отсутствует. Допустим, и Грузия, и Евросоюз для нас – абхазов – это один и тот же формат. Сегодня мы не видим в этом различия. И сегодня, когда в Грузии проводятся какие-то реформы в законодательстве... НАТО активно ведет свои проекты... для нас это, конечно же, опасения, потому что есть инстинктивное понимание того, что грузины, как и мы, тоже нервные и возбудимые. И сегодня у меня возникла мысль – я вспомнил фильм «Мимино», очень хороший фильм, когда по благу грузина-летчика устроили работать на международные авиалинии. Это было очень престижно, он в комфортабельном самолете, где все задают вопросы на английском... Потом он едет на такси в Париже в центр купить зеленого крокодила... но вот в самолете он инстинктивно открывает «Боржоми» не открывалкой, а ударяя по краю стола. Можно окружить себя совершенной законодательной базой, оснастить армию новейшим оружием, взять на себя множество декларативных обязательств... Но вот куда деть инстинкты? Это ведь все остается. А нам предлагают верить, что все будет нормально, и ничего при этом не обещают. И это достаточно симптоматично, наверное... в конце концов уже прошло определенное время – 13 лет после войны. За эти 13 лет без всякой помощи Европы, других институтов, строим собственное государство, в котором мы сами заинтересованы. Потому что это единственная возможность сохранить идентичность нашего народа. Нам, конечно же, очень важно, чтобы вот этот посыл был понят, в конце концов. И когда за 13 лет никто ничего не замечает, то есть, говорят о Грузии

как о супердемократической стране на Южном Кавказе, которая за эти годы ни одного из трех своих президентов не привела к власти через нормальные выборы. Через перевороты, революции – пожалуйста, но только не через выборы. Это тоже как бы говорит о характере, о тенденциозности взглядов на Грузию и на Абхазию. Мы, кстати говоря, провели свои выборы, и давление было от той же Москвы... а Европа подозревает, что мы являемся чересчур карманной организацией у Кремля. Я бы хотел, чтобы все-таки Евросоюз и господа, представляющие различные международные институты более реально смотрели бы на эти вещи. И хотя бы для себя делали отчет. Хотя бы просчитывали. Я даже не уверен, что это когда-нибудь просчитывали – интересен ли проект абхазской независимости самой Европе. Может быть, это более приемлемый вариант и более стабильный вариант для региона?

Батал Табагуа – просто в контексте того, что сказал Инал, я бы хотел добавить. У нас последнее время большой наплыв всяких организаций. Не только неправительственных, но и на правительственном уровне и т.д. Такое чувство, что нас хотят задобрить и сказать: «Давайте, ребята, вот об этой независимости сейчас говорить не будем. Мы даже готовы вам денег каких-то дать, помочь, только вы об этом помолчите сейчас, потому что сейчас вопрос там с Косово и т.д. Давайте чуть-чуть потерпите, и когда какое-то время пройдет, потом можете говорить». А потом можно будет сказать, что поезд уже ушел, билеты проданы и шуметь не надо. Чувство вот такого мелкого подкупа. Такое чувство создается в Абхазии. Приезд всех этих делегаций, такие умные разговоры и т.д. И у нас это вызывает, честно говоря, раздражение. Никак не могут понять, и никто не может понять, что не лежит у нас свобода в желудке. Это у нас в мозгах и никакими деньгами, никакой помощью этот вопрос не решить. Может быть, у кого-то создается впечатление, что мы здесь приезжаем и выражаем мнение только определенной части общества. Уверяю вас, у основной части общества гораздо жестче и не дипломатичнее отношение к этому вопросу. На порядок жестче. И это мы доказывали в течение десяти с лишним лет России, которая наконец-то поняла, что мы не хотим этого, но сегодня это надо доказывать всей Европе, что мы не

верблюды, а что мы люди. Я как председатель Центральной избирательной комиссии, находясь в Лондоне, встретался с независимой организацией, которая проводит независимую экспертизу выборов. Я их пригласил к нам, сказав, что мы будем проводить выборы. Мы рассылаем всем письма, тому же Евросоюзу, чтобы приехали и посмотрели. У меня создалось впечатление, что они боятся приехать. Потому что когда приедут, то не смогут сказать, что это сделали плохо. Мы взяли экспертизу наших законов, посмотрели, сравнили их с другими законами, которые действуют на данный момент в Европейском союзе, в России, потому что Россия тоже в принципе свои законы создает тоже на мировом уровне. Никто не хочет приезжать, даже независимая организация. Я обещали им финансировать их дорогу, их присутствие. Они вначале били себя в грудь, что они независимая организация. Когда я сказал им, что надо приехать в Абхазию, то они отказались ехать. Оказывается, ОБСЕ должен дать добро, чтобы они приехали. Это говорит о том, что просто не хотят.

Давид Дарчиашвили – постараюсь быть как можно более кратким. То, что говорил Сергей и отчасти Лиана. Я не могу не ответить. Лиана тоже обращалась к моим каким-то выступлениям. Конечно, есть Саудовская Аравия и есть Пакистан. И также я согласен, что может быть, после 40-х годов был большой упор на территориальную целостность, а сейчас говорится о каких-то случаях самоопределения наций. Но отсюда абсолютно не следует, что всякие ценности расплылись и можно быть тотальным релятивистом в политике. Для этого нет никаких политических, юридических или моральных оснований. Мне все-таки кажется, что американская политика, как и любая политика, любого политического общества строится из каких-то внутренних посылок, внутренней структуры, внутренней истории, системы каких-то взаимоотношений, а не просто извне с привнесенными идеями Хаусхофера или Макиндера. Внутренняя американская структура, я так думаю, стоит до сих пор на том, что принесли с собой маленькие протестантские секты и через что возникли такие организации как «Human Rights Watch» и другие. И эти настроения, эти интересы влияют на политическую элиту тоже. То, что Саудовская Аравия все-таки существует, это реальная политика, которая не

может быть выброшена абсолютно. Поэтому в Саудовской Аравии американцы стараются разговаривать, чтобы там что-то менялось потихоньку, чтобы Аль-Кайда не побеждала так же, как и в Ираке. Поэтому с Каримовым они не смогли больше говорить, не потому что если не он, то Аль-Кайда, а потому что там просто убили 600 человек. И это повлияло на американскую политику. На российскую, к сожалению, это никак не повлияло. И только лишь принцип безопасности, принцип боязни Аль-Кайды работает в российско-узбекских взаимоотношениях, если других принципов нет. И второе, что я хотел сказать. Об оценках. Не все черное или белое. Либеральные ценности и права человека имеют большее значение в американской политике, чем в политике других стран, в том числе и России. Что касается нескольких последних выступлений наших абхазских коллег. Не пойми, Батал, меня так, как будто раз Шалва что-то сказал, то я должен его защищать, потому что мы с одного квартала или из одной делегации, хотя это глубоко сидит в нашей культуре. Конференция это не разборка, а просто обмен мнениями, попытка найти соприкосновение. Я свое мнение, свою идею выскажу, мне кажется, что он искренне задавал вопрос, зачем независимость вообще, потому что этот вопрос стоит и в международной политике и во всем мире, о чем говорил и Сергей. В этом плане мы можем рассуждать и о Грузии тоже. Это одно. Второе. Конечно, какие-то вещи мне тоже очень больно слышать, те, которые прозвучали и от Батала, и от Инала. Возьму один пример. Вот Батал сказал, что в Грузии, наверное, сидят и думают, что как в том анекдоте, чтобы все абхазы улетели. Я уверяю, тебя, что я так не думаю. И мне очень больно, если кто-то думает обо мне, что я так думаю.

Батал Табагуа – Ты, может быть, и не думаешь.

Давид Дарчиашвили – и я знаю многих, которые так не думают.

Георгий Хелашвили – я хочу согласиться с первой частью выступления Сергея Маркедонова о том, что демократия не то же самое, что и выборы. Я думаю, что в этом заложена очень большая проблема для наших обществ. Мы здесь слышали последние три дня, что

факт проведения выборов в Абхазии как бы отождествляется с демократией. Обычно, это гораздо больше, чем выборы. Это и права человека, и роль институтов в обществе, а не личностей и т.д. Допустим, и в Южной Осетии прошли в свое время выборы, когда Чибиров был замещен Кокойты. Но это не означает, что там демократия или в Абхазии демократия. То же самое можно сказать и о Грузии. То, что у нас была революция... Революция произошла после того, как Саакашвили выиграл выборы. Ему не дали выиграть эти выборы. Но то, что Саакашвили пришел к власти через выборы не означает, что сейчас он проводит демократическую политику.

Вопрос – через какие выборы он пришел?

Георгий Хелашвили – 2 ноября 2003 года, когда он выиграл выборы.

Шум.

Георгий Хелашвили – я думаю о роли европейской интеграции Евросоюза в этом процессе... я думаю, что безопасность чересчур большой кусок для Евросоюза, особенно когда одна из сторон или обе стороны – и абхазцы, и грузины – отказываются от проведения политики безопасности Евросоюзом из-за неприятия некоторых процедур. Поэтому я думаю, что Евросоюз должен и может сконцентрироваться на правах человека и особенно на образовании и программе образования среди абхазского населения Абхазии, а также среди беженцев в Грузии, потому что вот эти два сегмента населения являются наиболее заинтересованными в этих вопросах, и они должны говорить на одном языке друг с другом. Вот это есть мой подход. Спасибо.

Шалва Пичхадзе – Батал обиделся на меня, но я не обиделся на него за то, что он на меня обиделся. Я постараюсь вкратце поговорить на эту тему. Во-первых, Батал в своем выступлении в некоторой степени подтвердил правомерность моего вопроса, когда он сказал, что абхазам пришлось в течение десяти лет или еще дольше доказывать России, что они независимое государство, и что они должны быть независимым государством. Когда я задавал этот вопрос, я имел в виду,

что доказать европейцам это будет труднее, чем доказать России. И европейцы будут задавать вопросы. Те вопросы, которые задал и я. Не сомневаюсь, что вы им ответите, но я хотел эти ответы получить от вас здесь, если это возможно. Потому что, получив эти ответы, может быть, я и определенная часть грузинского общества задумались бы, а какие интересы есть у абхазов? Когда я задаю такой вопрос, я всегда думаю о том, не может ли это способствовать урегулированию конфликта? Может быть, грузинское общество смогло бы найти способ удовлетворения этих интересов без немедленного разговора о статусе. А разговор о статусе немедленно заводит нас всех в тупик. Может быть, удовлетворить некоторые интересы абхазов, по которым им нужна независимость, они хотят быть независимым государством. Может быть, их можно удовлетворить без того, чтобы говорить о статусе. Прямо сейчас начать работу над тем, как удовлетворить интересы абхазской стороны. Поэтому я спрашиваю – какие аргументы у вас, чтобы требовать независимости. Безопасность? Я хочу ответить Лиане. Независимость – это не гарантия безопасности. Абсолютно. Ну, стали вы независимым государством. Что, от этого ваша безопасность прибавится? Не прибавится, конечно. Только если интересы всех сторон в этом регионе и в первую очередь интересы Абхазии и Грузии будут приведены в какое-то соответствие – вот это будет наилучшей гарантией вашей безопасности. Для этого надо знать, какие у вас интересы, чтобы привести их в соответствие друг с другом. Поэтому я задавал этот вопрос, а не потому чтобы обидеть вас.

Теперь о том, что сказал Сергей Маркедонов в последней части его выступления. Он сказал, что вы все были совками, были в Советском Союзе и вдруг вы стали прозападными. Простите, но мы вдруг не стали прозападными. Вдруг мы оказались в Советском Союзе, вот что произошло. Можно подумать, если следовать логике Сергея, что вдруг эстонцы, грузины, украинцы и т.д. в один прекрасный день сели и решили, что жить в Советском Союзе это хорошо. Как будто нас туда не силком затащили и не силком создали это государство. Прозападными мы стали не сейчас, мы и тогда были прозападными, мы просились в Лигу наций, между прочим, из-за России нас туда не приняли. Подход Сергея, конечно, имеет право на существование, но не отражает реальной ситуации.

Андрей Рябов – Я согласен с Давидом, когда он говорит, что в американской политике эти ценностные проблемы, ценностные демократические подходы, безусловно, имеют большее значение, скажу дипломатично, чем в политике России. Но если мы, представители неправительственных организаций и правительственных тоже, хотели бы изменения позиции России (если мы не хотим, тогда разговор бессмысленный), то подход, в котором обсуждается тема: а можно ли решить эту проблему в треугольнике – Евросоюз, Грузия, Абхазия? – такой подход ведет к консервации положения. Представьте себе, что здесь на моем месте сидит не независимый аналитик, а чиновник российского Министерства иностранных дел или Администрации российского президента. Однозначно, что вывод, который он сделает из такого проекта, следующий – что единственная цель Европейского Союза в том, чтобы как можно дальше оттуда подвинуть Россию. Отсюда у нас, значит, есть еще соответствующие ресурсы, мы будем делать все для того, чтобы, как минимум, установить статус-кво. И, значит, то, что уважаемый Вахтанг говорил по поводу восприятия цветных революций останется в силе, они так и будут восприниматься. Этот подход даст то, что многим в России не нравится – концепцию суверенной демократии и т.д. Я опять-таки возвращаюсь к проблеме нового мышления, когда-то предложенного Михаилом Горбачевым в Тбилисской декларации. Если мы говорим об урегулировании, то желательно говорить о том, чтобы выигравшими были все так или иначе заинтересованные в нем стороны. Попытка противопоставить российский проект европейскому или американскому неизбежно приведет в этой ситуации и в этом регионе к взаимному торпедированию всех вариантов и к их консервации на прежних позициях. То, что мы видим в России, то, что видим сейчас у Европейского Союза и то, что мы видим у Соединенных Штатов. Все останется на прежних местах. Поэтому если говорить о новых подходах, то только о многосторонних.

27 ИЮНЯ 2006, СТАМБУЛ

Сергей Маркедонов

СНГ-2 И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ. В ОСОБЕННОСТИ В ОТНОШЕНИИ АБХАЗИИ И ПРИДНЕСТРОВЬЯ, КАК РЕГИОНОВ ГРАНИЧАЩИХ С ЧЁРНЫМ МОРЕМ

*Непризнанные государства постсоветского пространства:
определение политической роли*

Непризнанные государства, возникшие вследствие распада СССР, – Республика Абхазия, Республика Южная Осетия (официально входящие в состав Грузии), Нагорно-Карабахская Республика, НКР (de jure в составе Азербайджана), Приднестровская Молдавская Республика, ПМР (часть Республики Молдова) – с формально-правовой точки зрения не существуют для мирового сообщества. Это, однако, не мешает им являться реальными участниками «большой игры» на территории бывшего Советского Союза. С политическими хитросплетениями вокруг самопровозглашенных образований, перечисленных выше, так или иначе, связаны многие события в странах СНГ. В данном случае мы говорим, как о внешней, так и о внутренней политике постсоветских государств. Динамика российско-грузинских, российско-молдавских отношений детерминирована динамикой миротворческого процесса в Южной Осетии, Абхазии и Приднестровье. Отсутствие дипломатических отношений между Арменией и Азербайджаном, идеологическая война между этим государствами Южного Кавказа в первую очередь определяются «карабахским фактором». Само существование СНГ (равно как и поиск альтернатив, этой интеграционной структуре, например, в виде ГУАМ, Сообщества демократического выбора, Организации за демократию и развитие) в значительной мере

зависит от событий, происходящих в «параллельном СНГ», не признанном международным сообществом.

В 1990-е гг. произошла своеобразная «инструментализация» кризиса в непризнанных образованиях во многих постсоветских государствах. Эта «инструментализация» позволяет мобилизовать общественное мнение вокруг власти в ее борьбе за «собираание земель», против «мятежных территорий», «аннексии». Само существование непризнанных образований породило феномен непризнанной легитимности. То есть, с одной стороны, не существует государства, формально признанного ООН и имеющего международную правосубъектность. С другой стороны, есть власть, осуществляющая суверенитет над определенной территорией, имеющая собственные вооруженные силы, управленческие структуры и поддержку населения, его готовность эту власть защищать. Существование непризнанных государств породило и такую проблему как «политическая травма» у значительной части граждан государств, имеющих Ооновскую «прописку». В данном случае речь идет не только о вынужденных переселенцах и перемещенных лицах. Политические элиты Грузии, Азербайджана, Молдовы, не решив проблему реинтеграции своих «мятежных территорий», не могут рассматривать свои государства как полностью состоявшиеся. Дамоклов меч «несостоятельности» будет висеть над ними до той самой поры, пока данная проблема в той или иной мере не будет решена.

Однако было бы неверно ограничивать весь комплекс проблем вокруг СНГ-2 одной лишь постсоветской географией и политическими игроками, выступающими на этой «площадке» (Россия, Украина, Молдова, Грузия, Армения, Азербайджан). В той или иной степени в разрешение этого комплекса проблем вовлечены такие международные акторы, как США, Европейский Союз (и как организация в целом, и как его государства-члены в частности), НАТО (и здесь необходимо говорить об организации в целом и отдельных национальных интересах членов блока). Во многом «американизация» и «европеизация» Южного Кавказа и СНГ стала следствием политических кризисов, связанных с непризнанными образованиями постсоветского пространства. Снижение российского влияния и политического доминирования в СНГ принято (и в России, и в Евро-

пе) связывать с серией «цветных революций» («революция роз» в Грузии в 2003 г, «оранжевая революция» на Украине в 2004 г.). Однако первым серьезным вызовом российскому доминированию стали не революционные выступления в Тбилиси и в Киеве, а отказ официального Кишинева принять так называемый «план Дмитрия Козака» («Меморандум об основных принципах государственного устройства объединенного государства», 2003), предполагающий ведущую роль Москвы в урегулировании молдавско-приднестровского спора. Тогда политическая элита Молдовы сделала выбор в пользу Европы и доминирующей роли европейских институтов, а не России, несмотря на то, что Меморандум был парафирован президентами Молдовы и Приднестровья (соответственно Владимиром Ворониным и Игорем Смирновым). Именно Кишинев, а не Тбилиси впервые столь жестко обозначил необходимость двух принципиальных трансформаций конфликтного урегулирования: его «интернационализацию» при ведущей роли ОБСЕ и отказ от эксклюзивной роли России как главного миротворца. Впоследствии эта же методология конфликтного урегулирования была предложена Михаилом Саакашвили и Виктором Ющенко.

Страны Черноморского региона и «параллельное СНГ»: определение интересов

Для Черноморского региона разрешение проблемы непризнанных государств не просто актуально, но жизненно важно. Практически все члены Организация Черноморского Экономического Сотрудничества (ОЧЭС), подписавшие ее Устав (организация основана 5 июня 1998 года в Ялте, Республика Крым, Украина, в мае 1999 г. ее Устав был ратифицирован парламентами стран-участниц), вовлечены (в большей или меньшей степени) в разрешение проблем непризнанных республик. Все четыре самопровозглашенные республики СНГ находятся на территории государств-членов ОЧЭС.

Азербайджанская Республика, утратившая в ходе конфликта из-за Нагорного Карабаха контроль за 13 % своей территории рассматривает возвращение «оккупированных земель» в качестве своей приоритетной национальной задачи. Помимо большей части террито-

рии бывшей Нагорно-Карабахской Автономной области азербайджанцы не контролируют Лачинский, Кельбаджарский, Агдамский, Физулинский, Кубатлинский, Зангеланский, Джебраильский районы собственно Азербайджана.

Албания вовлечена в косовский кризис, разрешение которого оказывает существеннейшее влияние на политические элиты СНГ-2. Сегодня Косово является своеобразным «паттерном» для Абхазии, Южной Осетии, ПМР и НКР. Несмотря на то, что данный тезис вызывает споры и дискуссии, сегодня он разделяется лидерами «параллельного СНГ», а игнорировать это было бы весьма непродуктивно.

Армения, если использовать медицинскую (наркологическую) терминологию, сидит на «карабахской игле». Все серьезные политические трансформации в этой республике Южного Кавказа детерминированы карабахской динамикой (отставка президента Левона Тер-Петросяна, трагический теракт в Парламенте Армении в 1999 г., «карабахизация» политической элиты и силовых структур).

Вовлеченность Болгарии в проблемы непризнанных государств незначительна. Ее никак нельзя сравнить с вовлеченностью Турции (о чем будет сказано ниже). Однако Болгария с интересом следит за положением этнических болгар в Республике Молдова и на Украине. В 2005 году СМИ Южной Осетии активно обсуждали факты продажи Болгарией оружия для Грузии. Речь шла о массивных закупках боеприпасов (гранатометы, артиллерия) Однако представители официальной Софии опровергли эту информацию. В любом случае в непризнанных государствах Южного Кавказа существует представление (понятное дело, что представления и реальность – разные вещи) о прогрузинской ориентации Болгарии (равно как и Украины).

Греция в начале 1990-х гг. оказалась вовлеченной в разрешение грузино-абхазского конфликта (эвакуация греческого населения из зоны конфликта). Однако этим формат участия Греции в этнополитических проблемах Кавказа и Черноморского региона не ограничивается. В 1990-е гг. Афины были вынуждены решать проблемы эмиграции так называемых «цалкинских греков» из Грузии (по названию Цалкинского района). В этой связи политическим интересом Греции были права греческого меньшинства в Грузии.

Грузия, наверное, без преувеличения, самая «пострадавшая» страна от существования непризнанных образований. На ее территории (в отличие от Молдовы, Азербайджана и Сербии) находятся сразу два самопровозглашенных образования – Абхазия и Южная Осетия. И если Республика Южная Осетия может быть названа своеобразным «слабым звеном» среди всего «параллельного СНГ», то Абхазия демонстрирует пример сильной «непризнанной» государственности. Государственность Юго-Осетинской республики – некая переходная стадия для реализации конечной цели политической элиты этого образования, интеграции с Россией и «братским осетинским народом». По словам президента Южной Осетии Эдуарда Кокойты, сначала его республике необходима независимость, а затем «воссоединение с остальной частью своего народа, то есть с Северной Осетией, и автоматическое вхождение в состав России». «Других задач у нас нет», – резюмировал глава непризнанной Южной Осетии в интервью по окончании саммита глав непризнанных республик в Сухуми (14 июня 2006 г.). Представители же абхазской элиты свое будущее видят в «ассоциированных отношениях» с Российской Федерацией (как некий аналог Пуэрто-Рико и США). Этот тезис в свое время не раз озвучивали президенты Абхазии Владислав Ардзинба и Сергей Багапш, вице-президент Рауль Хаджимба (в том числе и в ходе предвыборной борьбы в 2004 г.) Более того, после президентских выборов в Абхазии (октябрь-декабрь 2004 г.) «пророссийские» настроения уступили место «самостийническим». При этом пророссийская внешнеполитическая ориентация является тем вопросом, по которому у абхазской элиты достигнут консенсус. В любом случае, оба непризнанных образования не готовы к реинтеграции с Грузией на тех условиях, которые сегодня предлагает официальный Тбилиси.

Схожие проблемы с Приднестровьем испытывает другой член ОЧЭС – Молдова. Лидеры ПМР также отвергают любые инициативы Кишинева в особенности после «торпедирования» последним «плана Дмитрия Козака». Однако на этом сходстве между ПМР с одной стороны и Абхазией и Южной Осетией с другой заканчиваются. В отношениях между Молдовой и Приднестровьем отсутствуют такие «травматические» проблемы, как беженцы, перемещенные лица и этничес-

кие чистки. Этнический фактор в случае с Приднестровьем не столь ярко выражен, поскольку политическая элита Тирасполя полиэтнична (здесь присутствуют даже молдаване, которые не занимают одни лишь «декоративные» должности). В любом случае вопрос о перспективах ПМР и ее реинтеграции с Молдовой определяет внутри- и внешнеполитический климат по обе стороны Днестра.

Особая статья – интересы Российской Федерации в непризнанных республиках. Во-первых, РФ – самое крупное и политически влиятельное государство постсоветского пространства. Сама Россия является кавказской (и черноморской) страной (7 ее субъектов образуют Северо-Кавказский регион, а еще 3 соседних географически находятся в зоне Степного Предкавказья). Во-вторых, Россия чрезвычайно активна на Южном Кавказе, а ее роль в урегулировании «замороженных конфликтов», ее влияние на непризнанные образования региона трудно недооценивать. Любая дестабилизация этнополитической ситуации («разморозка» конфликтов) в Южной Осетии и в Абхазии чревата разрастанием внутривнутриполитических конфликтов на российском Северном Кавказе. В условиях роста этнополитической напряженности в Дагестане, все еще нестабильной ситуации в Чечне, Россия не может позволить себе такую роскошь как поощрение политики «собираания земель» президентом Михаилом Саакашвили. Между тем Грузия никоим образом не меняет принципиальных основ своей политики, предлагая для Цхинвали и Сухуми только воинственную риторику и ксенофобию. Сегодняшние реалии таковы, что реинтеграция Южной Осетии и Абхазии (как понимают ее в Тбилиси) будет лишь попыткой военного реванша на территориях непризнанных образований. Отсюда – наша заинтересованность в их признании. В случае же с ПМР и НКР – ситуация иная. Эти последние два образования не имеют с Россией общих границ. Однако проблема НКР – чрезвычайно чувствительно воспринимается не только Арменией, сколько «армянским миром» («спорком», диаспорой). В России же только в соответствии с официальными данными Всероссийской переписи 2002 г. проживает более полумиллиона армян, вовлеченных в той или иной степени в разрешение карабахского конфликта. В случае же с ПМР мы имеем дело с пророссийским (по массовым настроениям) непризнанным анклавом. Отказаться от разрешения приднестровско-молдав-

ского конфликта для России означает одно- пойти по пути маргинализации ее политики в СНГ.

Румыния активно вовлечена в процесс урегулирования приднестровско-молдавского конфликта. Во-первых, Бухарест оказывает (по крайней мере, до последнего времени) существенную информационную поддержку Кишиневу, выступая своеобразным лоббистом Молдовы в Европе. Например, выступая в ПАСЕ в январе 2006 г., президент Румынии Траян Бэеску высказался за соблюдение решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и освобождение последних “политических заключенных” в Европе – Андрея Иванцока и Тудора Петрова-Попа. Они были арестованы во время вооруженного конфликта в Приднестровье и приговорены приднестровским судом к лишению свободы за совершение терактов. Во-вторых, Румыния несет моральную ответственность за урегулирование конфликта в Молдове. Сам феномен «приднестровского сепаратизма» стал реакцией на крайности «румынизации» политической элиты Молдовы. Тот же Траян Бэеску говорил о возможности «воссоединения румынской нации» в единой Европе. Однако в одном из последних своих интервью влиятельному российскому изданию «Коммерсант- daily» (29.05.2006 г.) президент Румынии высказал мысль о необходимости установления прямых контактов Бухареста с Тирасполем. Однако тезис румынского лидера пока не получил дальнейшего развития.

Турция – «исторический» игрок Черноморского региона. В годы “холодной войны” Турция была оттеснена от разрешения этнополитических проблем Кавказа и постсоветского пространства. Она играла роль главного партнера США и наговского плацдарма на Юге. После распада СССР в 1991 г. Турция вернулась в кавказскую геополитику. Такому “возвращению” способствовали, во-первых, образование тюркоязычного независимого государства – Азербайджанской Республики и этнонациональное самоопределение тюркских народов Северного Кавказа, а во-вторых, наличие многочисленной “кавказской диаспоры” в самой Турции. По турецким данным на территории Турецкой республики проживает сегодня порядка 7 млн. выходцев из Кавказского региона. По другим оценкам эта цифра составляет порядка 2,5 млн. чел. Как и в 1918-1920 гг., главным парт-

нером Турции на Юге Кавказа стал Азербайджан. В ходе армяно-азербайджанского конфликта Турция оказала содействие Азербайджану. В 1993 г. была перекрыта армяно-турецкая граница. Однако полномасштабной турецкой военной интервенции в Армению, как в 1918-1920 гг., не произошло. Сегодня Турция является своеобразным «лоббистом» Азербайджана перед мировым сообществом. Анкара во многом содействует формированию имиджа Азербайджана как страны, подвергшейся внешней агрессии со стороны Армении и утратившей в результате этого контроль над частью территории. Как и Азербайджан, Турция участвует в экономической блокаде Армении, обусловив ее прекращение, «освобождением» Карабаха и примыкающих к нему семи районов Азербайджана. С другой стороны, Турция занимала скорее благожелательную позицию в отношении к непризнанной Абхазии. Сегодня турецкие бизнесмены играют серьезную роль в инвестиционном освоении экономики этой самопровозглашенной республики. Летом 2004 г. во время эскалации насилия в зоне грузино-юго-осетинского конфликта премьер-министр Турции Реджеп Эрдоган выступал с инициативой «интернационализации» миротворческого процесса.

И, наконец, Украина. После «оранжевой революции» это постсоветское государство стало претендовать на роль альтернативного России центра политической гравитации для стран СНГ. Именно Украина является главной движущей силой ГУАМа, Сообщества демократического выбора. Именно Украина пытается взять на себя роль «ведущей демократической страны» на постсоветском пространстве. Именно Украина обозначила свою готовность заменить российских миротворцев в зонах межэтнических конфликтов на Южном Кавказе и в Приднестровье. Именно Украина предложила свой (альтернативный российскому) проект приднестровского урегулирования («Дорожная карта Ющенко») и именно она инициировала блокаду ПМР. Вокруг Украины сформировалась ось государств (черноморских), готовых к более тесному сотрудничеству с США, Евросоюзом и НАТО. Сегодня в эту ось входят более слабые в военном и политическом отношении Грузия и Молдова. Учитывая поддержку украинских инициатив официальной Варшавой, можно констатировать, что у Украины есть мощный европейский лоббист – Польша,

которая в свою очередь через Украину пытается обозначить свои интересы в Черноморском регионе.

Таким образом, все члены ОЧЭС в большей или меньшей степени вовлечены в разрешение проблем непризнанных государственных образований. Государства-члены ОЧЭС с населением около 330 млн. человек представляют собой огромный потенциальный рынок и являются одним из наиболее привлекательных регионов нового тысячелетия. Богатый природными ресурсами, мощной производственной базой, квалифицированной рабочей силой, регион ОЧЭС предлагает широкий спектр возможностей для мирового экономического сообщества. Сегодня страны ОЧЭС работают над совместными проектами по объединению национальных энергосистем в единое Черноморское кольцо, развитию и интеграции региональных транспортных коридоров в общемировую транспортную систему, прокладке линий оптико-волоконной связи. В стадии разработки находится программа охраны окружающей среды региона Черного моря. Осуществляется взаимодействие между ОЧЭС и Европейским Союзом. Статус наблюдателей в ЧЭС приобрели Франция, Германия, Австрия, Египет, Израиль, Италия, Польша, Словакия, Тунис, а также Конференция энергетической хартии (ЕСС – Energy Charter Conference) и Черноморский Клуб. ОЧЭС имеет статус наблюдателя в ООН.

Однако без достижения политической стабильности (а без цивилизованного разрешения проблем «параллельного СНГ» это невозможно), регион ОЧЭС не сможет стать привлекательным и экономически процветающим, используя все свои потенциальные возможности. Таким образом, ключ к превращению региона ОЧЭС в территорию интенсивного социально-экономического развития находится сегодня у непризнанных образований, составляющих СНГ-2. Данное определение не является исключительно политической метафорой, лишенной содержательного смысла. После «саммита непризнанных образований» в Сухуми (своеобразного Анти-ГУАМа) в июне 2006 года СНГ-2 стало реальностью. По мнению политолога, главы отдела по защите Конституции МГБ Приднестровской Молдавской Республики Дмитрия Соина саммит непризнанных государств в столице Абхазии Сухуми был «...ответом на саммит ГУАМ и их заявления. Он (киевский саммит ГУАМ- С.М.) носил явно аг-

рессивную направленность в отношении непризнанных государств. При этом они еще говорят о демократических ценностях и назвали «Сообществом демократического выбора». Ну и получили симметричный ответ в виде сообщества «За демократию и права народов». Совместная декларация лидеров Абхазии, Южной Осетии и ПМР, подписанная в Сухуми, открыла новый этап военно-политической интеграции «параллельного СНГ».

Черноморский регион: граница между Европейским Союзом и «роевропейским» объединением государств

Другим не менее важным фактом развития ОЧЭС (хотя официально и не декларируемым) является фактическое превращение этой структуры в своеобразную «тренировочную площадку» для выступления на «европейском уровне». ОЧЭС является своеобразным «пограничным полем» между Европейским Союзом и «роевропейским» объединением государств, которые в своих устремлениях ориентируются на Европу и декларируют (по крайней мере, на словах) приверженность европейским ценностям. ОЧЭС объединяет европейские государства трех уровней. Первый – это члены ЕС (Греция), второй – потенциальные члены Евросоюза (в перспективе Болгария и Румыния станут 26 и 27-м членами ЕС) и третий – клуб желающих включиться в процесс «европеизации». Единственным исключением в этом списке является Россия, которая не декларировала своих европейских устремлений.

По словам посла Австрии (нынешней страны- председателя ЕС) в России Мартина Вуковича, «Грузия, Молдавия и Украина должны понять, что в отношениях с Евросоюзом у них есть перспектива скорейшей кооперации. Но речь о вступлении этих стран в Евросоюз в быстрые сроки, конечно, исключается. “Огромная задача – интегрировать новых членов ЕС. Австрия считает, что надо интегрировать и Балканы. Это еще огромная работа... Что касается принятия Украины, Грузии и Молдавии, они должны больше кооперироваться с ЕС. Мне кажется, и, по-моему, это официальная позиция, – что они не должны прерывать существующие экономические связи с традиционным партнером на постсоветском пространстве” (господин посол

имел в виду Россию – С.М.). Это, однако, никоим образом не снижает стремление постсоветских государств- членов ОЧЭС присоединиться к процессу евроинтеграции. В 1999 г. даже министр обороны Азербайджана Сафар Абиев заявлял, что его республика “осознает себя составляющим элементом новой Европы”. Европеизация рассматривается в качестве приоритетных направлений внешней политики Грузией, Молдовой, Украиной. Масштабная конституционная реформа в Армении (завершившаяся в ноябре 2005 г. референдумом) была проведена при активном участии Совета Европы.

Европейский проект рассматривается как позитивный фактор и лидерами непризнанных образований, образующих СНГ-2. Европейские наблюдатели (в частном порядке, на любом уровне и в любом качестве)- желанные гости на выборных процедурах в самопровозглашенных республиках. В данном случае речь идет не о наблюдателях, представляющих официальные структуры (ОБСЕ, Совет Европы, ПАСЕ), поскольку непризнанные государства имеют непризнанные же выборы. Однако роль выборных процедур в политической жизни непризнанных государств трудно переоценить. Более того, непризнанные государства в силу целого ряда очевидных причин обречены на проведение выборов. Выборы в образованиях подобного рода – это символический акт, своеобразное обращение к международному сообществу. Они призваны продемонстрировать, что, несмотря на все усилия «сильных мира сего», государственная машина непризнанного образования эффективно работает. Выборные процедуры в непризнанных государствах имеют и серьезный практический смысл. С каждым новыми выборами образования, стремящиеся к окончательному отделению от «материнских территорий» (Абхазия и Южная Осетия от Грузии, Приднестровье от Молдовы, НКР от Азербайджана), институционально укрепляются. Мало того, выборные процедуры в непризнанных образованиях – это не просто тест на их государственную состоятельность. Это – конкуренция в легитимности и состоятельности с «материнской территорией», демонстрация единения политической элиты и населения непризнанного образования перед лицом внешней угрозы.

С точки зрения легитимности (то есть признания власти обществом как “своей”) непризнанные государства в некоторых случаях

могут дать фору признанным. В непризнанных государствах Абхазии и Южной Осетии также созданы прецеденты передачи высшей власти через процедуру выборов (соответственно от Людвиг Чибирова Эдуарду Кокойты и от Владислава Ардзинбы Сергею Багапшу). В то же время в признанной Грузии все президенты этого государства покидали свой пост в результате силовых действия (вооруженное свержение Звиада Гамсахурдиа, революционное отстранение Эдуарда Шеварднадзе). С помощью выборов непризнанные государства демонстрируют “городу и миру” демократичность собственных политических режимов. Авторитаризм и непризнанное образование – вовсе не зарифмованные понятия. В НКР главу республики избирали трижды (последний раз в августе 2002 г.), создан прецедент передачи высшей республиканской власти. Последние выборы в парламент республики прошли в 2005 году. В признанной ООН Армении выборы мэра Еревана еще только предусмотрены пакетом конституционных поправок, а в Карабахе уже прошли три избирательные кампании по выборам глав местного самоуправления (в сентябре 1998, сентябре 2001 и августе 2004 гг.). В ходе последней избирательной кампании пост мэра Степанакерга получил глава оппозиционного “Движения-88” Эдуард Агабекян: президент НКР и мэр столичного города – политические оппоненты. В НКР в отличие от признанного мировым сообществом Азербайджана никому и в голову не придет всерьез готовить операцию “преемник” по передаче власти от отца к сыну или даже обсуждать подобные сценарии. В этой связи любое даже частное мнение представителя европейской страны предъявляется элитами самопровозглашенных республик Черноморского региона. Наблюдатель от Сейма Республики Польша Матеуш Пискорски на выборах в парламент ПМР (11 декабря 2005 г.) в своем выступлении отметил: «От Польши на парламентских выборах в Приднестровье было представлено три человека. Вчера, в процессе наблюдения за ходом выборов мы общались с гражданами республики, с представителями польской общины и не обнаружили ни одного серьезного нарушения. По нашему мнению, данные выборы являются самым главным доказательством того, что у народа Приднестровья есть воля и стремление к независимости и самостоятельному развитию государства».

В этой связи возникает вопрос: «Чем объясняется популярность «европейской идеи» среди постсоветских государств Черноморского региона?» В данном случае популярность Европы (как политического сообщества) и европеизации объединяет и признанные государства и непризнанные республики. Однако причины такой популярности у непризнанных и признанных образований различны.

Для Грузии, Молдовы, Азербайджана «европеизация»- это альтернатива российскому доминированию в СНГ. На постсоветском пространстве после 1991 г. появился «клуб проигравших». Этот клуб со временем институционально оформился в ГУАМ. Существование в его рядах (тогда еще ГУУАМа) Узбекистана также объяснялось простой причиной (региональной конкуренцией с набирающим обороты пророссийским Казахстаном). У клуба «проигравших» были свои претензии к России, которые она не могла (и сейчас не может) выполнить в силу целого ряда причин. С помощью апелляций к достижениям этой цели является привлечение к своей коалиции «сильных мира сего Европы и европейской системе ценностей «клуб проигравших» пытается добиться восстановления территориальной целостности своих государств. Инструментом для»- США и Европейского Союза. И если США рассматривается, прежде всего, как «силовой ресурс», мощная держава, способная на прессинг по отношению к РФ, то Европа рассматривается как правовой и демократический ресурс, с помощью которого можно формировать выгодное для Грузии, Молдовы, Азербайджана «прогрессивное общественное мнение».

Иной европейский проект у «параллельного СНГ». На сегодняшний день европеизация для непризнанных образований фактически отождествляется с «балканизацией». Под «балканизацией» мы подразумеваем процесс этнического самоопределения, запущенный на Балканах. Самоопределение Черногории, поощряемое ЕС, равно как и движение к независимости Косово становятся «паттернами» для Абхазии, Южной Осетии, НКР. Более того, на Балканах у Европы репутация сторонницы этнического самоопределения, более последовательного, чем США. Именно европейские страны первым признали независимость Хорватии и Словении в 1991 г. Президент Абхазии Сергей Багапш приветствовал цивилизованный выход Черногории из союзного государства с Сербией и заявил, что теперь на

ступила очередь Абхазии и Южной Осетии. «Прошел референдум, и Черногория получает независимость. Такой цивилизованный путь самоопределения можно только приветствовать. Теперь, когда процесс самоопределения народов продолжился, независимость должны получить и Абхазия, и Южная Осетия». Лидер Абхазии подчеркнул также, что вопрос о государственном суверенитете Абхазия поднимала раньше, чем Черногория и Косово. Схожие оценки «черногорского казуса» были даны и председателем парламента непризнанной ПМР Евгений Шевчук: «Черногории было предоставлено право и возможность выбора в соответствии с международными принципами и с соблюдением прав человека. Рано или поздно мы придем к тому, что приднестровский конфликт можно решить только политическим путем, через референдум, так как граждане Приднестровья имеют право на свое мнение, которое должно уважаться международным сообществом». Между тем еще до черногорского плебисцита Шестой съезд депутатов всех уровней ПМР (прошел 31 марта 2006 года) принял решение об организации всенародного референдума для «определения формулы мирного сосуществования Приднестровья и Молдовы». По мнению же президента НКР Аркадия Гукасяна, у «Карабаха гораздо более оснований рассчитывать на независимость – и исторических, и правовых, и географических», чем у Косово и Черногории. Можно сколь угодно говорить о том, что ситуация в Косово и в Черногории не имеет ничего общего с этнополитическими конфликтами на постсоветском пространстве. По словам официального представителя Госдепартамента США Шона Маккормака, каждый этнополитический конфликт на территории СНГ «имеет свои уникальные особенности, к рассмотрению которых нужно подходить с учетом их особой специфики». Можно также говорить о том, что апелляция лидеров НКР, ПМР и Абхазии к неким «правовым принципам», нормам международного права, по крайней мере, наивна, поскольку в основу разрешения того или иного конфликта положены политические решения, а не статьи Устава ООН или других не менее авторитетных международных институций. Однако нельзя спорить с очевидным. Политическая «балканизация» постсоветского пространства началась. Джинн этнического самоопределения выпущен из бутылки. Сегодня к казусам Косово и Черногории

будут апеллировать лидеры непризнанных государств постсоветского пространства. Борьба за международное признание с опорой на балканские прецеденты будет происходить несмотря на действительно существенные отличия ситуации в Черногории от проблем НКР, Абхазии и Южной Осетии. Несмотря на то, что в отличие от действительно непризнанного Косово, Черногория никогда не существовала в режиме самопровозглашенного образования. Напротив, черногорцы вместе с сербами активно участвовали в подавлении «сепаратистского мятежа» хорватов в 1991 г., а нынешний «певец самостоятельности» Мило Джуканович обращался с патриотическими напутствиями к черногорским солдатам, защищающим «территориальную целостность» Югославии.

Однако в европеизации СНГ-2 объективно должна быть заинтересована и Россия потому, что в отличие от США, занятых конструированием масштабных геополитических проектов, Европа несет на своих знаменах идею «добрососедства». А реализация этой идеи вовсе не предполагает в качестве обязательного условия территориальную целостность признанных образований, если «цена вопроса» слишком высока. А значит, у России и ЕС есть поле для серьезного и конструктивного взаимодействия.

В «европеизации» Черноморского региона заинтересована и сама Европа. Речь, конечно, не идет о форсированном приеме стран региона в ЕС. 18 апреля влиятельное немецкое издание “Die Welt” со ссылкой на источники в федеральном правительстве Германии сообщило о том, что в ближайшее время будут озвучены новые приоритеты германской «восточной политики». В январе 2007 года Германия начнет председательствовать в ЕС. К этому времени, считает “Die Welt” внешнеполитическое ведомство страны должно выдвинуть две ключевых темы, с которыми Германия обратится к Европе. Во-первых, это проблемы энергетики и энергетической безопасности, а во-вторых, это «внешнеполитическое наступление в направлении Кавказа», все государства которого входят в ОЧЭС. По мнению руководителя группы «Россия и СНГ» Германского института международной политики и безопасности (влиятельного немецкого “think-tank”, консультирующего федеральное правительство) Роланда Гетца, «регион Кавказа становится одной из важнейших тем для

предстоящего председательства Германии в ЕС. Кавказ называют «особым регионом», который долгое время не находился в центре внимания европейцев». Какое же значение отводят европейцы Кавказскому региону? Мнение Роланда Гетца о «ресурсном значении» Кавказа лишний раз свидетельствует (вопреки утвердившемуся среди российских экспертов мнению) о том, что для европейцев (во многом, как и для американцев) этот регион интересен не только и не столько благодаря своему уникальному природно-географическому значению. «Кавказ с его довольно ограниченным ресурсным потенциалом не является ключевым регионом», - считает немецкий политолог. Для Европы, занятой строительством «политики добрососедства», Кавказ интересен по другим основаниям. Сегодня Кавказ рассматривается как политический пациент, страдающий болезнью под названием «этническая конфликтность». Именно преодоление этнических конфликтов, а также распространение «европейской» системы ценностей является для европейских политиков приоритетом на Кавказе и в целом в Черноморском регионе.

Таким образом, «европеизация» всего Черноморского региона – политическая реальность. России, как крупнейшему государству и региона и постсоветского пространства необходимо серьезно готовиться к этой реальности, и самое главное – научиться в ней жить. Готовиться не по принципу глухой тотальной обороны. Необходимо, во-первых, освоить европейский политический язык и научиться защищать насущные национальные интересы на понятном для европейской политической и правовой мысли языке. Во-вторых, необходимо самим стать инициаторами не только консервации, но и прогрессивного развития стран региона, осознав, что сама по себе стабильность без движения вперед невозможна. В-третьих, именно Россия может научить европейцев разумному сочетанию формально-правовых схем и формул и Realpolitik, без чего разрешение проблем непризнанных образований «всерьез и надолго» невозможно.

Россия перед лицом «европеизации» Черноморского региона: политический вызов или новые возможности?

В этой связи перед Россией, как самым крупным (и одновременно самым влиятельным) государством на постсоветском простран-

стве встает вопрос о том, какую линию поведения избрать в условиях «европеизации» СНГ-2. Продолжать сохранять статус-кво, надеясь продлить это состояние на неопределенное время. Или же попытаться в случае с признанием Косово сыграть на обострение, признав в качестве «симметричной меры» Абхазию, Южную Осетию, НКР и ПМР. В первом случае Россия продолжит свой курс на нерушимость советских границ, то есть признание административно-территориальных границ между субъектами бывшего СССР как государственных рубежей. Во втором, начнет серьезный геополитический передел «советского наследства». При этом последствия такого передела могут быть самыми непредсказуемыми. В случае реализации второго сценария России нужно быть готовым не только к серьезному противодействию как со стороны представителей «клуба проигравших» (группирующихся сейчас вокруг ГУАМа), так и со стороны США и Европы. Российское руководство должно отдавать себе отчет в том, что в этом случае главной задачей будет не только провозгласить признание той же Абхазии или Южной Осетии специальным декретом, но и суметь в случае обострения ситуации «не отступить от принципов» и обеспечить безопасность наших союзников (каковыми по праву считаются страны СНГ-2). В случае с Южной Осетией и Абхазией это будет проще реализовать. Между этими образованиями и РФ существует общая граница. Но как быть в случае с признанием ПМР, которое неизбежно повлечет за собой ответные меры со стороны Молдовы и Украины, а границ с Приднестровьем Россия не имеет? Не легче будет и с НКР, у «патрона» которой Армении также нет с РФ общей границы (не говоря уже о Карабахе). Зато жесткая реакция со стороны Азербайджана, Грузии и Турции гарантирована. Если же допустить, что Россия сначала признает новые государственные образования, а потом под давлением извне отступит, это будет крупнейшей со времени распада СССР «геополитической катастрофой» для нашей страны.

В этой связи первый вывод, который напрашивается сам собой – Россия не должна форсировать процесс признания непризнанных образований, выполняя политическую волю Сухуми, Цхинвали и Тирасполя. Устремления стран СНГ-2 понятны. Они могут даже вызывать политические симпатии (особенно памятуя о причинах, приведших к

появлению самопровозглашенных республик). Однако отождествлять их политические интересы с интересами России было бы неправильно. Россия – не маленькое региональное государство, а участник «концерта» великих держав, не имеющий права на маргинализацию. Следовательно, России нужен точный просчет ресурсов и возможностей для политики по отношению к непризнанным государствам. Очевидно, что международное признание ПМР, Абхазии или Южной Осетии не должно стать исключительно российским (вариант российско-белорусским) признанием. Иначе возможна «балканизация» уже самой России, то есть превращение ее в большую Сербию постсоветского с понятными последствиями. Такая изоляция станет для нашей страны отнюдь не «блестящей». Таким образом, России необходим поиск союзников в деле изменения конфигурации постсоветского пространства. Но для этого нужны, во-первых, внятные аргументы, зачем, собственно говоря, вся эта тяжба о непризнанных, а, во-вторых, необходимы четкие критерии признания государств, которые РФ могла бы предложить и мировому сообществу в целом.

Для ответов на обозначенные вопросы российской дипломатии следует отказаться от таких фантомов как «постсоветская реинтеграция», «восстановление позиций великой державы» и прочее. Россия решает свои задачи по обеспечению внутренней безопасности. Любая дестабилизация этнополитической ситуации («разморозка» конфликтов) в Южной Осетии и в Абхазии чревата разрастанием внутривнутриполитических конфликтов на российском Северном Кавказе. В условиях роста этнополитической напряженности в Дагестане, все еще нестабильной ситуации в Чечне, Россия не может позволить себе такую роскошь как поощрение политики «собирания земель» президентом Саакашвили. Между тем Грузия никоим образом не меняет принципиальных основ своей политики, предлагая для Цхинвали и Сухуми только воинственную риторику и ксенофобию. Сегодняшние реалии таковы, что реинтеграция Южной Осетии и Абхазии (как понимают ее в Тбилиси) будет лишь попыткой военного реванша на территориях непризнанных образований. Отсюда – наша заинтересованность в их признании. В случае же с ПМР и НКР – ситуация иная. Именно карабахская и приднестровская проблемы выводят нас на такую тему, как критерии признания государств.

Первым критерием признания непризнанных образований могла бы стать их государственная состоятельность. Почему нельзя признать Косово? Вовсе не из-за православных сербов, а потому, что там государственное управление подменено клановой системой. Даже в докладе специального посланника Генсека ООН Кая Эйде «Всеобъемлющий обзор положения в Косово» говорится о кадровой политике в экс-сербской автономии «на основе политической и клановой принадлежности без учета компетентности». НКР и ПМР являются состоявшимися государствами. И именно этот факт является главной причиной невозможности их реинтеграции с бывшей метрополией мирным путем (а военный мы не рассматриваем). Состоятельность НКР и ПМР как государств признают и многие западные эксперты.

Вторым критерием могла бы стать возможность метрополии контролировать «мятежную территорию» любыми другими путями, кроме таких как депортация или этническая чистка. Готов ли сегодня Тбилиси или Баку к такому сценарию? Что кроме фраз о «широкой автономии» готовы дать Грузия Абхазии и Южной Осетии, а Азербайджан Карабаху? Ведь в случае реинтеграции Азербайджан получает в качестве новых граждан армян, а Грузия осетин, абхазов, тех же армян, русских. Другими словами, реинтеграция должна признаваться невозможной, если она влечет за собой военный конфликт.

Третьим критерием могло бы стать наличие демократических процедур в непризнанных образованиях. Между тем во всех странах СНГ-2 проведено по несколько избирательных циклов, произошла смена лидеров через выборы (крайне сложная процедура для постсоветского пространства).

Помимо обозначенных выше критериев, которые ориентированы на публичное политическое пространство (а без этого диалог и даже торг с Вашингтоном и Брюсселем невозможен), необходимо вести и закулисный диалог. Для него необходимы другие аргументы и иные вопросы. Например, будет ли регион Кавказа более стабилен и предсказуем в случае военного реванша со стороны Тбилиси и Баку? Не станет ли признанная Абхазии выгодной площадкой для инвестиций (гораздо более выгодной, чем признанная Грузия)? Что более полезно для функционирования политического трубопровода Баку-Джейхан, признания непризнанных образований или их насильствен-

ное возвращение в лоно «материнских территорий». В любом случае, закулисный торг должен дополняться активными публичными мероприятиями, поскольку склонить мнение Брюсселя и Вашингтона (или отдельных стран-членов Евросоюза) в свою сторону можно только с учетом ставки на общественное и экспертное мнение этих стран. Для этого в свою очередь потребуется научиться говорить с Западом на понятном ему языке (права человека, права этнических меньшинств, гарантии миноритарных языков, невозможность военного урегулирования этнических споров).

Для обеспечения маневра Москве не следовало бы «закрывать» двери для реинтеграции Молдове, Азербайджану, Грузии. Россия также могла бы публично обозначить тот набор политических требований к признанным государствам, при соблюдении которых она могла бы поработать на процесс «воссоединения» конфликтующих народов. К таковым можно было отнести федерализацию признанных государств (унитарная Грузия- это нонсенс!), наполнение пустых деклараций реальным содержанием (принятие конституционных законов о статусе «проблемных территорий», корректировка внутреннего законодательства «здесь и сейчас», не дожидаясь лучших времен). Эти требования России были куда более обоснованными, чем претензии Греции на македонский «бренд»!

И последнее (по порядку, но не по важности). Признание непризнанных государств вовсе не означает их включения в состав России. Эти два явления надо четко разделять. России вовсе не следует бороться с грузинским сепаратизмом в Гальском районе Абхазии или селах Тамарашени и Кехви в Южной Осетии или получать помимо калининградского второй анклав – Тираспольский. Тем паче, что во всех трех случаях местная элита вовсе не грезит о приходе российских прокуроров и послушных Кремлю губернаторов.

Только обозначив четкие критерии признания непризнанных государств, просчитав наши ресурсные возможности, проведя серьезную пропагандистскую и дипломатическую работу, Россия может попытаться взяться за окончательное решение проблемы непризнанных образований. Главное в этом процессе руководствоваться не абстрактным гуманизмом, и не интересами самопровозглашенных элит, не советскими фантомами, а российским национальным эгоизмом.

ОБСУЖДЕНИЕ

Паата Закареишвили – Я хочу отреагировать на то, что апелляция на Косово, нравится это кому-то или не нравится, в любом случае будет происходить. И это нормально. Ничего страшного в этом нет. Почему, когда нам про Косово говорят, то ожидают, что мы будем говорить, что ни в коем случае не надо апеллировать. Но надо говорить как «А» так и «Б». Косово может стать хорошим стимулом для Грузии. Грузинское общество, в конце концов, поймет, что надо что-то делать и начнет шевелиться. Косово, конечно, и не прецедент, и не универсальный пример. Не надо бояться этих красных полотен. Это уникальный конфликт, и он никогда не выйдет за рамки Косово, потому, что любой конфликт уникален. Даже ситуация на территории Бывшей Южно Осетинской Автономной Области никак не похожа на Абхазскую, и конфликт в Бывшей Южно Осетинской Автономной Области будет решаться в одном формате, а конфликт в Абхазии будет решаться совсем в другом формате. Правильно было отмечено, что Косово происходит потому, что другого выхода нет. В печенках сидит Косово у Европы и решить им этот вопрос лучше, чем затягивать его решение. Все зависит от ресурсов – за счет каких ресурсов Косово добывается того, чего оно добьется? Это будет зависеть от тех ресурсов, которые там есть. Надо не только слушать Россию, может быть абхазские участники с этим не согласны, и идти в фарватере России, потому что Россия сейчас хочет угрожать миру, спасая Сербию. Россия шантажирует: если произойдет признание Косово, то этот пример обязательно будет универсальным. Насколько в этой игре выиграет Абхазия неизвестно. Ресурсы Косово следующие – во-первых, то что, Сербия никогда не позволяла, чтобы в Косово была местная политическая администрация, поэтому ООН вынужден был ввести туда свою администрацию. Грузия не признает но и не угрожает политическому руководству Абхазии. Во время выборов даже Россия вела себя по-другому, а не Грузия. Грузия не вмешивалась, говорила, что это незаконно, что это не соответствует законам Грузии, но никаких агрессивных действий, даже высказываний не было. Поэтому ресурсов для примирения между абхазами и грузинами зна-

чительно больше, чем в Косово. В Абхазии почти половина населения грузины. Там почти такое же количество грузин, как и абхазов. И несмотря на очень многие проблемы их геноцид там не происходит, в отличие от сербов в Косово. Косовских албанцев надо защищать от Сербии, но вот уже косовских сербов следует ограждать от большинства албанцев. Международное сообщество вкладывает туда огромные силы, чтобы защищать, чтобы не допустить геноцида, этнической чистки. Слава богу, в Грузии нет такого контекста в грузино-абхазском конфликте. Грузины не устраивали этническую чистку в Абхазии, скорей наоборот. Были не мало фактов, но Балканских масштабов не было. До сих пор проживание в Абхазии грузин подтверждает, что есть ресурсы для примирения, и что не обязательно вмешиваться международному сообществу и искусственными методами решать абхазский вопрос так, как решается косовский вопрос. Абсолютное большинство в Косово – это албанцы. Увы, абхазы не являются абсолютным большинством в Абхазии. Даже сегодня, при нынешнем раскладе сил, если собрать армян, русских и грузин – они окажутся в абсолютном меньшинстве. Это очень большой вызов для абхазского общества. Это те вызовы, которые ставят перед абхазским обществом совсем другие задачи. За Абхазией не стоит этнокультурное государство, как за Северным Кипром стоит Турция, за Карабахом Армения, за Косово Албания. К сожалению, у абхазов за спиной нет никого, кроме той России, о которой вы сами говорите. Я не буду говорить о той России, какой я ее представляю. Все эти ресурсы показывают, насколько уникальны конфликты, и распространять универсальность, это пускать пыль в глаза. А создавать мыльные пузыри для Абхазии и для осетин на руку России, но никак не на руку осетинам и абхазам. Вся беда Грузии в том, что мы в эту игру играем и не пытаемся показать абхазам и осетинам другие перспективы. И, к сожалению, толкаем им вот эти мифы и легенды.

Георгий Хелашвили – у меня короткий вопрос о причинно-следственной связи между конфликтами и политикой вообще в постсоветском пространстве. Уже говорят и американцы, и вы тоже подтвердили, что мы говорим о пост-постсоветском пространстве. Не

думаете ли вы, что фактически постсоветское пространство расщепляется на две части, одна из которых – восточная часть – «Шанхайская шестерка», которую уже называли деспотическим клубом в западных аналитических кругах. Не кажется ли вам, что именно экономические интересы толкают две части постсоветского пространства в абсолютно противоположные направления?

Нателла Акаба – у меня один вопрос маленький, а другой, может быть, немножко более обширный. Я хотела знать ваше мнение по поводу Южной Осетии. Настолько ли все детерминировано, как вы говорите? Я, например, знаю, что там есть и другое течение. Есть люди, которые не стремятся к воссоединению Южной Осетии с Северной. Даже более того, существуют довольно сложные отношения между южными и северными осетинами. Есть налицо конфликт. Насколько это может повлиять на дальнейшую судьбу Южной Осетии? И второй вопрос. Когда вы говорите о политике России, вы исходите из того, что она единая, стратегически выверенная или все-таки есть очень разные политические группы, политические интересы? Не все, может быть, согласны с тем, что Абхазия должна обязательно остаться в составе Грузии. Не исключаете ли вы, что есть достаточно влиятельные политические круги, которые придерживаются именно неомпёрской точки зрения, что Абхазия должна быть частью России?

Давид Дарчиашвили – первый вопрос насчет критериев. Тема очень интересная – кого и когда признавать. Но вопрос такой, какой институт, какая группа должна по-вашему делать заключение – созданы уже стабильные государственные институты, основанные на гражданских и индивидуальных ценностях, а не на этнических или не созданы? Насколько они стабильны и не чревато ли все это поворотом вспять? Какая структура должна этим заниматься?

Второе – откуда у вас информация, что в Грузии многие думают, что Европа поможет строительству великой или большой Грузии?

И третье. Вы начали разговор о федерализации, но не закончили. Я думаю, что нашим абхазским коллегам эта тема гораздо менее интересна, чем грузинским коллегам. Тема интересная, но вы пере-

шли от нее к разговору о критериях признания. Что вы думаете о перспективах федерализации Грузии?

Шалва Пичхадзе – Сергей, спасибо за очень интересный доклад. Я задам коротенький вопрос. В свете сказанного вами, как вы думаете, Россия пошла бы навстречу пожеланию южных осетин войти в состав России?

Инал Хашиг – в последние год-полтора в связи с Косово очень часто звучат от Путина, от разных российских структур мысль об универсализации принципа признания права народа на самоопределение. Иногда мне кажется, что здесь существует некий политический шантаж. И мне непонятно, насколько Россия, допустим, готова в случае признания Косово сделать то же самое с Абхазией? И в чем, в принципе, заключается эта возможность? И возможность признания, и невозможность признания? Здесь необходимы какие-то ресурсы или играет роль отсутствие необходимого количества политической воли?

Вячеслав Чирикба – очень маленькая ремарка. Очень интересный доклад. Насчет термина «самопровозглашенные государства». Все нормальные государства самопровозглашенные. Поэтому странно, когда этот термин применяется в отношении непризнанных государств. Я считаю, что это не очень точный термин.

Как вы оцениваете возможность того, если будет какой-то прецедент, если Россия решит как-то признать Абхазию, есть ли у нее возможность убедить часть членов СНГ вместе с ней выступить с этой инициативой или обязательно для этого нужна санкция США?

Вальтер Кауфманн – Сергей, спасибо большое за очень интересный доклад. Я рад, что у меня есть письменный текст, чтобы его более тщательно прочесть. Не приукрашивали ли вы, когда вы говорили, что в принципе у Евросоюза и у России один и тот же интерес в отношении к этим конфликтам, чтобы они не были решены насильственным путем? Это действительно так? Если Грузия или Азербайджан будут действовать военным путем, и тогда Россия призна-

ет..., чем это поможет? Это приведет к эскалации. Если российский интерес такой, чтобы не возобновилось насилие, в чем поможет в этом признание?

Батал Табагуа – Скажите, пожалуйста, кто все-таки повлиял на Воронина, когда речь шла о договоренности Смирнова с ним? Кто серьезно повлиял и, на ваш взгляд, почему? Чтобы свернуть этот проект?

Сергей Маркедонов – начнем с Воронина. Повлияли, прежде всего, европейские структуры. Молдова обозначила свой приоритет – вхождение в Евросоюз. Мне кажется, что Козаку надо было более тонко действовать, согласовать этот план с Евросоюзом. Все было бы иначе, если бы это согласование произошло, как на уровне обкома партии – у Молдовы появился новый ЦК. Постсоветские государства зачастую до сих пор работают в режиме республиканской компартии. Давайте говорить честно. Место ЦК занял брюссельский ЦК, вашингтонский ЦК. А надо было Козаку с брюссельским ЦК этот вопрос согласовать, и был бы принят меморандум. Если говорить о Приднестровье, то есть две проблемы. Это личность Смирнова и личность Воронина. Две личностные проблемы. Если Молдова завтра подпишет договор об объединении с Приднестровьем на основе асимметричной федерации, два разных субъекта, уходит Смирнов, уходит Воронин, вопрос с Приднестровьем будет решен практически даже без признания. Я думаю, что это очень важный момент. Это отличает ситуацию от Абхазии и Южной Осетии.

Насчет приукрашивания взгляда Евросоюза и России. Я не считаю, что российская дипломатия продуктивна, когда обязательно становится в стойку по отношению к любым инициативам Штатов или Европы. Есть вообще территории в СНГ, где наши интересы практически полностью совпадают. Центральная Азия: интересы Штатов и России полностью совпадают. Абсолютно. И мы, и они не заинтересованы в исламском фундаментализме. То, что касается Европы. В чем есть отличие Европы от США на том же Кавказе? Штаты рассматривают этот регион прежде всего с геополитической

точки зрения, комбинации геополитические. Европа рассматривает эти конфликты с одной стороны с более абстрактных позиций, например, права человека, гуманитарные вещи, но с другой стороны, более прагматично, поскольку речь идет о социально-экономических вещах. Европа на это делает акцент. Мне кажется, что наши взгляды совпадают в том, что и России не нужны конфликты на границе. И Европе новые этнические чистки, и новые Балканы тоже не нужны. Поэтому нужно вступать в диалог, надо объяснять европейцам реальности, не какие-то взгляды, которые сложились у Европы в начале 90-х годов и которые еще в России есть, что, например, абхазский режим – это коммуно-патриотический режим, что южноосетинский – коммуно-патриотический. Ерунда все это. Весь коммуно-патриотизм у Ардзинба потому был, что его в Верховном Совете никто слушать не хотел, кроме как Бабурин. Но это проблема наших «демократов», которые просто не хотели этих людей слушать. И вот такая публика, как коммунисты, Бабурин слушали. Кто мог слушать, те не разговаривали. Это ситуативный союзник, никакого коммуно-патриотизма нет в Абхазии. Это один из мифов. Почитайте книжки абхазские, газеты. Поэтому говорить, что это заповедники коммунизма очень некорректно.

Поможет признание или не поможет. Речь не о том, что в случае прямой агрессии – произойдет признание. Речь идет о цене вопроса. Если ценой вопроса реинтеграции является война, то мы против реинтеграции. Если она возможна гипотетически мирным путем, то, пожалуйста, но я пока этого не вижу. Я много общался не просто с какими-то рядовыми обывателями, я общался и с грузинскими политиками. У нас была встреча с Бурджанадзе в парламенте. Я несколько раз общался с Гией Барамидзе, который не последний пост занимает в грузинской структуре власти. Общались, в том числе, в неформальной обстановке. К сожалению, идеи возможного реванша есть. Зачем тогда Грузия отмечает день артиллерии в марте на уровне замминистра, замначальника генерального штаба? День артиллерии, посвященный победе грузин над абхазами во время штурма Сухуми. Зачем это празднуется? Абхазы ваши граждане, зачем праздновать победу в гражданской войне?

Реплика – там и русские воевали и чеченцы...

Сергей Маркедонов – я понимаю, что и русские и чеченцы...

По вопросу Шалвы. Я хочу зафиксировать очень важную вещь для понимания. Интересы России не тождественны интересам Сухуми и Цхинвали.

Реплика – в Грузии никто не слышал об этом празднике, а Сергей слышал.

Сергей Маркедонов – если вам интересно, то могу вам прислать и тексты и сообщения и т.д. Ответу на вопрос Шалвы. Пошла бы на встречу южным осетинам Россия? Я не уверен, что это необходимо, и проблема здесь в самом Владикавказе очень серьезная. Сейчас во Владикавказе появляется антиюжносетинское лобби, которое говорит: «Вы как-то там с грузинами решите», потому что наплыв кударцев очень большой. А были ситуации в начале 90-х годов, когда от общей численности беженцы из Южной Осетии и внутренней Грузии составляли треть населения. Это очень тяжелый вопрос. Кударцы очень во многом втянули Южную Осетию в осетино-ингушский конфликт. Поэтому это очень неоднозначно воспринимается в самом Владикавказе. Последний раз я был во Владикавказе в феврале и разговаривал с очень влиятельными людьми в МВД. Отношение очень неоднозначное. Я думаю, что присоединение Южной Осетии не очень отвечает интересам России. Другой вопрос, что мы не заинтересованы в новой войне и силовом поглощении...

Натали Точчи

РОЛЬ ЕС НА КИПРЕ И В СЕРБИИ- ЧЕРНОГОРИИ: СВЕДЕНИЯ ДЛЯ ГРУЗИНО- АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА

В моей презентации я собираюсь проанализировать влияние Европейского Союза на два конфликта на границах ЕС, а именно на Кипре и в Сербии-Черногории, а затем поразмышляю о том, что это нам говорит о фактическом или потенциальном участии Союза в разрешении грузино-абхазского конфликта. Сравнивая воздействие ЕС, я начну с того, что Союз имеет весьма разные договорные отношения с конфликтующими сторонами. В то время, как Кипр был допущен к процессу вступления и вошел в Союз в 2004 году, а Сербия и Черногория участвуют в рамках Соглашения о стабилизации и объединении (SAP), у Грузии намного более слабое Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) с Союзом, и она была включена в новую Политику Добрососедства в Европе, предложенную в качестве альтернативы членству. Влияние Союза на эти конфликты, таким образом, фундаментально зависит от природы его взаимоотношений с ними. Учитывая вышесказанное, я хочу продолжить свои рассуждения, сконцентрировавшись на нескольких широких аспектах либо подпитывающих этнополитические конфликты, либо способствующих их разрешению и проанализирую влияние Союза на эти факторы.

Сепаратизм

Первым измерением конфликта являются стремления, ведущие к сепаратизму и события, происходящие с сепаратистскими единицами. Из всех тех примеров, которые здесь приводились, самым успешным было сепаратистское стремление в Черногории. Вначале де-факто отделение Черногории консолидировалось при правлении Милошевича, когда Черногория, поддержанная международным сообществом, создала свои институты управления и взяла в свои руки

большинство политических полномочий, либо передала их международному сообществу.

Де-факто отделение сопровождалось ростом коррупции и организованной преступности, которые стали дополнительной мощной силой, заинтересованной в отделении. Затем процесс отделения встал на стезю легализации через Белградское Соглашение и Конституционную Хартию. Эти соглашения в процессе создания свободной конституционной связи между Сербией и Черногорией также узаконили фактическую независимость в большинстве областей политики. После истечения трехлетнего «испытательного» срока государственного союза, юридическое разделение достигло кульминации, со сдвигом в сторону официальной независимости, после референдума мая 2006 года проведенного в Черногории.

В Черногории ЕС непреднамеренно усилил сепаратистские настроения, вопреки целям провозглашенным им же. Несмотря на посредничество Солана и настойчивое требование Комиссии большей политической и институциональной централизации, сигналы и политика, которую проводил ЕС усилили сепаратистские инстинкты Черногории. В частности, привязывание SAP к условию осуществления реформ в обеих республиках, ЕС этим самым породил растущие настроения в Черногории о торможении их интеграции в ЕС из-за более глубоких проблем Сербии с реформами и ее неразрешенных национальных вопросов.

На Кипре сдвиг в сепаратистских тенденциях имел место в 2003-05 годах, хотя с 2004 года это сменилось волной разочарования по отношению к федеральным платформам. Бывшее руководство Турецкого Кипра более или менее ясно заявляло, что из-за закоренелой приверженности к доминированию греков-киприотов, самоопределение турок-киприотов может быть гарантировано только путем свободной конфедерации или независимости. При их отсутствии, для турок-киприотов будет лучше интегрироваться с Турцией. Особенно в конце 90-тых настроения действительно потянулись в сторону фактической интеграции с Турцией. Отлив наступил в 2003-05 годах. После прихода к власти правительства АКП в Турции, турецкая риторика по Кипру сразу изменилась в сторону федерального решения. Это совпало со сменой квази-режима, которая произошла на северном Кипре в 2003-

05 годах. Однако, хотя официально поддерживалось федеральное решение, в период после референдума было заметно возрастающее разочарование турок-киприотов в греках-киприотах. Это перешло в «неофициальную позицию», которая, поддерживая федеральный компромисс, налаживает также тесные связи с Анкарой и нормализует внешние отношения турок-киприотов.

На Кипре вклад ЕС в сепаратизм со временем приобрел больший размах. Политика ЕС в 90-х усугубила сепаратистские тенденции. Рассматривая процесс вступления в ЕС Республики Кипр, одновременно не имея никакой стратегии насчет вступления Турции, политика ЕС усилила сепаратистские или ирредентистские тенденции турецких киприотов, которые боялись европейского членства, ища новое логическое оправдание для следования своим целям достижения независимости и/или интеграции с Турцией. К 2002 году, условия поставленные ЕС в отношении Турции и Северного Кипра, наряду с предстоящим близким вступлением Кипра и ставшим более вероятным после 1999 года курсом вступления Турции, вновь содействовало вновь обретенной приверженности турок-киприотов и Турции в отношении федерального компромисса. Ожидание определенных выгод от вступления усилило лагерь умеренных турок-киприотов. Условия, которые выдвинул ЕС в отношении Турции и перспектива открытия переговоров о вступлении, напротив обусловили сдвиг в политике Анкары. Однако, возрастающее с 2004 года разочарование турок-киприотов также и в ЕС, вызванное невыполнением обещания прекратить их изоляцию, привело к постепенной, но все же заметной, смене настроений на севере.

Как это увязывается с Абхазией? Как и в Черногории, сепаратизм силен и в Абхазии, хотя вместо того, чтобы продвигаться в сторону легализации и, по сути как раз из-за отсутствия юридического признания, он пошел в сторону фактической ассимиляции с Россией, как в случае с Северным Кипром и Турцией. Как и Черногория, Абхазия была полностью за независимость и учредила действующие органы власти для выполнения этой цели. Даже больше чем в Черногории, она поддерживала себя экономически посредством черного рынка и контрабанды, в значительной степени из-за наложенных на нее международных ограничений. До сих пор, в отличие от

Кипра и Черногории, влияние ЕС на Абхазский сепаратизм равняется, в сущности, нулю. Из-за своего ограниченного влияния на Абхазию, действия ЕС не повлияли на возрастающую приверженность абхазов к отделению от Грузии. Однако помощь Комиссии содействовала внутреннему политическому, экономическому и общественному развитию в Абхазии, особенно с 2003 года. Это было сделано таким образом, чтобы поощрить плюрализм, что в будущем могло бы привести к снижению уровня сепаратистского единодушия. Роль ЕС во внутреннем развитии Абхазии может быть намного сильнее. Навязывание себе излишней осторожности, уклонение от отношений с существующими властями, из-за боязни вызвать подозрение в их признании, продолжают мешать ЕС выполнять эту роль. Излишняя осторожность напоминает о несостоятельности ЕС в деле прекращения изоляции турецких киприотов после 2004 года, а также о проявлении недостаточного внимания со стороны ЕС к созданию институтов в Черногории, в особенности, до 2004 года

Государство Метрополия

Вторым измерением конфликтов являются тенденции, развивающиеся внутри государства метрополии. В Сербии-Черногории, Сербия и структуры федерального государства (ФРЮ в 1992-2001 и Государственный Союз в 2001-2006 годах) были относительно слабыми сторонами конфликта. Сербия без сомнения имеет основательные преимущества над Черногорией. Она в десять раз больше по территории, а поэтому может иметь более сильную экономику и военный вес в абсолютном выражении. Также, когда доходит до политического статуса, международное содружество считает Сербию правопреемницей Югославии во всех ее реинкарнациях. В связи с этим, Сербия выиграла от нежелания международного содружества признавать дальнейшие сецессии на Западных Балканах. Но, несмотря на эти преимущества, Сербия и федеральное государство были ослаблены наследием правления Милошевича. Наследие санкций вместе с трудными задачами реформировать социалистическую республику ослабили репутацию Сербии и ослабили ее потенциал – выступать в роли экономического полюса притяжения для Черно-

рии. Наследие, оставленное югославскими войнами, также оставило Сербии неразрешенные национальные вопросы, начиная со статуса Косово до пересмотра ее недавней истории. И, наконец, наследство Милошевича привело к образованию чрезвычайно разъединенного Государственного Союза в 2003 году, явная дисфункциональность которого породила стимул для его распада.

Влияние ЕС на Сербию было сильным, хотя не всегда позитивным. Во времена правления Милошевича, ЕС и США ослабили государство метрополию Сербию, подвергая его санкциям. ЕС также исключил Сербию Милошевича (и Черногорию) из SAP – Пакта Стабильности, как и из круга своих первых претендентов на возможное включение в процесс вступления. Негативная обусловленность ЕС действительно содействовала падению Милошевича и тем самым предотвращению возможного насильственного конфликта с Черногорией. Однако, негативная обусловленность ЕС также не дала подняться с колен Сербии в период после правления Милошевича. Ослабленная Сербия столкнулась с трудными задачами; надо было примириться с прошлым, преодолеть последствия санкций, смириться с фактической потерей территории и приступить к фундаментальным внутренним реформам. ЕС сыграл ключевую роль в оказании помощи Сербии в преодолении этих проблем, в частности, приняв ее в SAP и предлагая перспективу вступления. Однако, государственный союз, выторгованный посредничеством Солана, был (неизбежно) слабым и, по существу, задуман для сохранения (хотя бы временно) конституционной связи между двумя республиками, что также отразило степень уже существующего самоуправления. По существу, сам его замысел и встроенные импульсы предопределили распад.

На Кипре, наоборот, не сумев изменить статус-кво после разделения, метрополия – Республика Кипр извлекла пользу из ключевых политических, правовых и экономических преимуществ. Это привело общину греков-киприотов к нежеланию упразднить свои достижения и статус через федеральный компромисс. Республика Кипр греков-киприотов испытала экзистенциальный удар в 1974 году. Последующее присутствие турецких войск на северном Кипре и турецкое демографическое, военное и геостратегическое превосходство над греками-киприотами, сделало изменение статус-кво нереа-

листическим. Но Республика Кипр не была более слабой стороной в конфликте. В политическом и правовом измерении, начиная с 1964 года, международная общественность признавала сторону греков-киприотов как единственно законное государство на Кипре, несмотря на отсутствие там турок-киприотов. Признание обеспечило грекам-киприотам эксклюзивный прямой доступ в международные форумы, который они использовали для обеспечения внешней поддержки и легитимации. Это политико-правовое преимущество возросло после 1974 года, приобретая отчетливые нормативные измерения на фоне широкого осуждения аморальности турецкой оккупации. Превосходящее политическое положение сопровождалось также превосходящей экономической деятельностью южного Кипра в сравнении с северным. После трагедии 1974 года, в экономике греков-киприотов наступил бум в торговле и инвестициях, особенно, в туризме и оффшорных финансовых операциях.

Процесс вступления в ЕС напрямую способствовал значительному усилению мощности и статуса Республики Кипр. Добиваясь членства в ЕС, и когда возможность членства стала безоговорочным решением, у греков-киприотов укрепились их позиции в переговорах с турками-киприотами, а также возросло их чувство защищенности от Турции. Процесс вступления и членство также вверили грекам-киприотам намного более сильные рычаги против Турции, чей процесс вступления, начавшийся почти на десятилетие позже, намного больше затянут и туманен, и поставлен во все растущую зависимость от урегулирования на Кипре. Это упрочнение позиции греков-киприотов в купе с приближающимся предельным сроком для вступления в ЕС, спровоцировали побуждения бывшего руководства греков-киприотов заключить соглашение до вступления. Однако, смена руководства на Южном Кипре и выгоды, которые обещало близкое вступление в ЕС, способствовали отказу греков-киприотов от Плана Аннана в 2004 году и с тех пор укрепили позиции Республики Кипр.

Как и в Сербии, в Грузии, в отличие от Кипра, государство метрополия является слабым. Эта слабость затруднила разрешение конфликта и поэтому привела Грузию к несостоятельности в качестве надежного партнера для переговоров и, в противоположность Южному Кипру, очернила образ Грузии как страны, с которой стоило

реинтегрироваться. Слабость Грузии была плодом гражданской войны, военного поражения и плохого управления. В особенности при Шеварднадзе, Грузия все больше обретала черты слабеющего или несостоявшегося государства, с заглохшим процессом реформ, вялой экономикой, разлагающей коррупцией и закипающей этнической и политической напряженностью. Революция роз обратила вспять этот процесс упадка. Грузия сегодня чувствует себя намного увереннее, и сделала впечатляющие шаги навстречу модернизации и хорошего управления. Однако, еще много предстоит сделать, и послереволюционная Грузия проявила большую склонность к балансированию на грани войны, к военной конфронтации, на которую с опаской оглядываются в Сухуми и Цхинвали. В случае с Грузией, если сравнивать с Кипром и Сербией, влияние ЕС на внутреннюю ситуацию было незначительным до Революции Роз. Это потому, что обязательства по договорам ЕС с Грузией были слишком незначительными для Союза, чтобы особенно влиять на тяжелые негативные внутренние события, разворачивающиеся в Грузии. После революции, расширение ENP вместе с объявленной грузинским правительством приверженности процессу «европеизации», позволило Союзу оказывать влияние на происходящие реформы на более высоком уровне. Однако в свете замороженного процесса мирного урегулирования и постоянной (и в некоторых случаях усиливающейся) опасности нестабильности и конфронтации между конфликтующими сторонами, влияние Союза остается намного слабее того, что необходимо для воздействия на события внутри самих конфликтов.

Региональное Измерение

Третьим измерением является региональный аспект, охватывающий там, где это уместно, и пограничные страны и родственные государства. Кипр является самым ясным примером, где для анализа конфликта необходима оценка процессов протекающих внутри и между соплеменными государствами Грецией и Турцией, а также роли, которые они играют по отношению к своим «собственным» родственным обществам. В течение 90-х динамика между четырьмя игроками значительно обострила конфликт. В Греции и на Южном

Кипре возрожденный период греко-греко-киприотского национализма был отражен в совместных агрессивных оборонных инициативах. В противовес этому турки и турки-киприоты стали теснее сплачиваться во второй половине 90-х. Греко-турецкие отношения также значительно ухудшились, угрожая войной в 1996 году из-за спора о суверенитете Эгейских островов Имиа/Кардак. Динамика этих событий изменилась после 1999 года. С одной стороны, греко-турецкие отношения вступили в беспрецедентный процесс возобновления дружественных отношений, который продолжается по сей день. С другой стороны, собственная позиция Турции в отношении Кипра изменилась в сторону одобрения федерального соглашения после избрания правительства АКП в 2002 году.

Вступление Греции в Европейский Союз, не включение Турции, а также начало процесса переговоров о вступлении Турции имели сильное воздействие на региональное измерение конфликта. Ужесточение позиций турок-киприотов и Турции и их усилия, направленные на объединение во второй половине 90-х, было откровенной реакцией в ответ на переговоры о вступлении в ЕС Республики Кипр и, вместе с тем, на исключение Турции из процесса. Хельсинкское Решение Европейского Совета изменило эту негативную тенденцию. Начинаясь в 1999 году возобновление дружественных отношений способствовало Хельсинкскому решению и изменению позиции Греции по отношению к стремлению Турции вступить в ЕС. Начало процесса вступления Турции также настроило Анкару на более благосклонное отношение к Афинам. И наконец, нарастающий в 2002-2004 годах темп процесса вступления Турции и последующее усиление обусловленности относительно конфликта, вынудило Анкару изменить свою позицию в отношении решения Кипрского вопроса.

В Сербии-Черногории региональный аспект не связан «родственными узами». Однако, на фоне совместной истории в рамках союза в Югославии, а также и насильственного распада, события на Балканах неизбежно влияют на ситуацию внутри и между Сербией и Черногорией. Первое, сербское наследие войны 1990-х и ее политика в отношении Косово, которая привела к войне 1999 года, породили у Черногории желание отделиться. Второе, события на Западных Балканах явились наиболее важными движущими факторами в Белг-

радском соглашении. Эскалация напряженности в Македонии, опасения насчет ирредентизма в Республике Сербской и преждевременное обсуждение статуса Косово, породили широко распространенное междуна­родное и сербское нежелание допущения отделения Черно­гории. Наконец, более определенно, послевоенное примирение на Западных Балканах, развитие схем регионального сотрудничества, успешное предотвращение Македонского конфликта и междуна­родное единодушие насчет попытки определения статуса Косово, создали более благоприятную и мирную обстановку для Черно­горского референдума 2006 года.

Связи ЕС с Западными Балканами создали обстановку для более широкого контекста влияния Союза на Сербию и Черно­горию. Возрастающее осуждение Сербии Милошевича в Европе вылилось в НАТОвскую кампанию в 1999 году, что для Черно­гории Джукановича стало важным стимулом для следования курсу самоуправления. Таким же образом, беспокойство Союза о региональных последствиях отделения Черно­гории в 2001-2002 годах, вынудили Солана выступить со своим решительным ходатайством о Государственном Союзе. В заключение, навязанные Евросоюзом схемы регионально­го сотрудничества на Западных Балканах, такие как Пакт Стабильности или Процесс Сотрудничества в Юго-Восточной Европе (SEECP), успешное предотвращение конфликта в Македонии и желание ЕС попытаться найти решение о статусе Косово в 2006 году, привели к более свободной от напряжения обстановке для Черно­горского референдума.

В Грузино-Абхазском конфликте, региональный аспект в основном определяется доминирующим влиянием России. Как и на Западных Балканах, участие России в конфликте не является, строго говоря, связанным с «родством», несмотря на присутствие многих русских в Абхазии. Так же, как и на Балканах, роль России на Кавказе глубоко ушла корнями в историю и в советское прошлое. Но участие России в конфликте напоминает больше роль Турции на Кипре. Как и в случае с турками-киприотами, абхазы не смогли бы провозгласить и поддержать свою фактическую независимость без участия России. Воздерживаясь от поддержки полной независимости (в отличие от поведения Турции по отношению к Турецкой Республике

Северного Кипра TRNC), Россия поддержала Абхазию политически, экономически и в военном отношении. В то же самое время Россия, как и Турция, была и остается обязательным элементом для примирения, соглашения и разрешения конфликта. Такие шаги вперед, как, например, соглашение о прекращении огня не были бы достигнуты без участия Москвы.

Говоря о влиянии ЕС на региональный аспект конфликта, надо отметить, что в отличие от того, как это было с Кипром и Сербией-Черногорией, Союз не имел положительного влияния в Грузии-Абхазии. Союз, по большому счету, отстранился от российской стороны конфликта. С позитивной стороны, это, может быть, оградило ЕС от открытого антагонизма по отношению к России. Скорее всего, это могло нарушить логику политического равновесия и перегрузить акторами мирный процесс в Абхазии. Несмотря на это, непомерная осторожность ЕС в обсуждении кавказского досье в своих двусторонних отношениях с Россией, глубоко повлияла на возможность положительного влияния на региональный аспект конфликта. Эта осторожность, в отличие от ситуации с Турцией, была, в основном, вызвана тем фактом, что Россия не находится в процессе вступления, и у ЕС гораздо меньше рычагов влияния на нее. Однако ее нежелание попытаться обсудить грузино-абхазские отношения в своих двусторонних связях с Россией, также обусловлено политическим нежеланием Союза вовлечь Россию в то, что определенно представляет собой чувствительный предмет.

Международное Измерение

Последним измерением конфликта является его международный аспект. На Кипре ООН является основным международным игроком, занимающимся миротворчеством и посредничеством. Результаты этой деятельности неоднородны. Миротворческие силы ООН (UNFICYP) базируются на острове с 1964 года. Хотя они и обеспечили важный элемент стабильности, UNFICYP не смогли предотвратить вспышку насилия в 1960-х и в 1974 годах, что способствовало сохранению статус-кво – ни мира ни войны, как раз из-за их стабилизирующей роли. Генеральный Секретарь ООН был ключевым

посредником, который выдвинул один за другим планы двухзональной и двух-общинной федерации. В частности, в 1986-87, 1990-92 и 2002-04, ГСООН и Секретариат вложили значительные человеческие и финансовые ресурсы в мирный процесс на Кипре. Делая это, ГСООН далеко превзошел свой формальный мандат обеспечения сторон «посредническими услугами». Это стало возможным потому, что внутри Совета Безопасности ООН существовал общий консенсус касательно контуров приемлемого решения. Однако международный консенсус не привел ни к реальному и постоянному вниманию к конфликту, ни к обеспечению необходимых международных ресурсов для поддержки соглашения. Отсюда, несмотря на успехи ООН в предложении федерального компромисса, ООН не сумела породить необходимое политическое желание среди конфликтующих сторон для заключения соглашения.

ЕС имел сильное влияние на международный аспект Кипрского конфликта, хотя не всегда положительное. Процесс вступления Кипра серьезно повлиял на природу и сущность посредничества ООН. С положительной стороны, он дал толчок и стимулировал мирный процесс ООН, а также обеспечил новые рамки, в которые мог бы вписаться федеральный Кипр. С негативной стороны, отсутствие прямого вмешательства ЕС в мирный процесс привело к широко распространенному неверному представлению о том, что может означать разрешение конфликта внутри ЕС. В частности, оно сыграло на руку националистам туркам-киприотам, которые утверждали, что федеральное решение повлечет за собой доминирование греков-киприотов. Это также снабдило греко-кипрских националистов новым «дискурсом ЕС», который был использован для того, чтобы отвергнуть предложения ООН, утверждая, что это будет противоречить достижениям Европейского сообщества (*acquis communautaire*).

В Сербии и Черногории важный международный аспект был представлен позициями и деятельностью США и международных финансовых организаций. После подписания Белградского соглашения и США, и МФИ предпочли довольно безучастный подход к Государственному Союзу и его жизнеспособности. МФИ приняли крайне децентрализованное разделение полномочий как должное,

не поощряя большей централизации, и не оправдывая многоголосные выкрики против дисфункциональности Государственного Союза. Роль США была более спорной. США, хотя и признавали на словах Государственный Совет и подчеркивали его жизнеспособность, однако на деле не возражали и против его распада. Некоторые американские деятели, судя по слухам, поощряли (или, по крайней мере, не препятствовали) развитие Черногории как туристического и беспопытного микро-государства. Это обусловило появление дополнительных стимулов у правительства Черногории для отделения и легитимации своей платформы, а именно «Соответствия Западу».

В отличие от этого, ЕС как главное действующее лицо, участвующее в посредничестве, было сильным приверженцем выживания Государственного Союза. Это породило в регионе ощущение противоречивой международной позиции, что было ловко использовано местными игроками для укрепления собственных соответствующих требований. Иными словами, отсутствие достаточно скоординированной международной позиции мало, что сделало для реального изменения позиций сербов и черногорцев. В то время, как сторонники Государственного Союза тяготели к позиции ЕС, его критики наращивали свои прозападные мандаты, сосредотачиваясь на амбивалентных взглядах Вашингтона. Как и на Кипре, местные деятели и в Белграде, и в Подгорице скорее подгоняли позицию международного сообщества под себя, нежели усваивали ее, подчеркивая существующие внутренние разногласия только для оправдания своих неизмененных позиций.

В отличие от Кипра и Сербии-Черногории, формальное участие международного сообщества в миротворчестве в Грузии-Абхазии было и неуместно и перенаселено действующими лицами, что способствовало самой природе замороженного мирного процесса. Преобладающая сила России в конфликте была формализована в качестве посреднической и миротворческой. Наряду с Россией имела место и слабая фасилитирующая роль ООН, также как и неуверенное и слабое вмешательство Западных государств, происходящее часто в противовес России. Вмешательство слишком большого числа международных организаций завело международные организа-

ции в тупик и привело к бесконечным дискуссиям между внешними игроками относительно желаемых решений. Следовательно, вместо того, чтобы посредничать между главными сторонами, внешние игроки скорее стали проецировать логику баланса сил и конкретного конфликта на международный уровень. Это резко отличается от Кипра, где общий международный консенсус, отраженный в Совете Безопасности, позволил ООН представить детальный федеральный мирный план. В Абхазии, наоборот, после более десяти лет посредничества, наиболее очевидным достижением стал документ длиной в одну страницу, «Документ Бодена» 2001 года, который никогда не был принят за основу переговоров. Российская превосходящая роль и поддержка отделившихся единиц наряду с относительным игнорированием Кавказа Западом и слабая роль международных организаций взаимодополняли друг друга.

Подавляющая роль России частично была результатом нежелания Запада брать на себя больше обязательств в миротворчестве. Это усилило неэффективность международных организаций в регионе. В результате, когда столкновения в конфликтных зонах возобновились, а Россия не сумела подавить насилие, UNOMIG бессильно наблюдала за разворачивающимися событиями.

Имея в виду такое многочисленное присутствие, можно считать, что неучастие ЕС в мирном процессе, поддерживаемом ООН, было мудрым, хотя и не обязательно преднамеренным решением. Формальный мирный процесс не только был значительно заморожен, но участие в нем также и ЕС могло затормозить его прямое незначительное воздействие на развитие экономики и государственности Абхазии и Грузии.

В качестве вывода напрашивается то, что обусловленность, будь то на Кипре или в Сербии-Черногории, в лучшем случае, не породила достаточной политической воли всех сторон к достижению федеральных соглашений, несмотря на то, что они были выдвинуты и поддержаны ЕС. Тем более в Грузии-Абхазии, при слабых связях ЕС с Грузией, при ограниченном контакте с Абхазией и при отсутствии процесса вступления России, было маловероятно, что деятели ЕС смогут стимулировать разрешение конфликта в регионе, применяя политику кнута и пряника. Для ЕС может оказаться намного более

плодотворным, если он вмешается в замороженный мирный процесс и сконцентрируется на поддержке внутреннего развития в конфликтных зонах. Когда и к какому конституционному завершению это приведет неясно, но ясно то, что, поддержка политического и экономического развития и плюрализма, скорее всего, приведет к мирному решению в будущем, каким бы ни было это решение.

ОБСУЖДЕНИЕ

Вахтанг Колбая – спасибо большое за интересный доклад. У меня такой вопрос – как Вы считаете, не усложнился ли процесс разрешения конфликта на Кипре тем, что дав возможность Кипру вступить в Евросоюз, ЕС тем самым лишил его мотивации для воссоединения, для разрешения конфликта, а также поставил Турцию перед выбором – открывать порты для Кипра или заставить его отказаться от идеи вступления в Евросоюз?

Инал Хашиг – западные политики последнее время в параллелях между Косово и Абхазией очень часто начинают упоминать о том, что это исключительная, эксклюзивная модель для Косово. То есть, что косовский случай уникален. Что вообще говорят сами западные эксперты? Я понимаю, что политическая элита может говорить одно, а западные аналитики, эксперты могут говорить совершенно другое. Есть ли какие-то другие варианты, которые могут рассматриваться в этом контексте?

Вальтер Кауфман – Спасибо Вам за интересную презентацию. Я с нетерпением жду выхода Вашей книги, которая, я думаю, должна быть переведена на русский. В ней много демистифицирующего содержания. Это очень важно, несомненно. Мой вопрос касается Вашей рекомендации о том, что ЕС должен больше заниматься процессом демократизации и модернизации и не обращать внимание на вопрос признания или непризнания. Существует ли какой-либо опыт других конфликтов, как это можно сделать? Потому что, я думаю, что эта встреча показывает, как трудно этого добиться.

Натали Точчи – Относительно первого вопроса о том, затрудняет ли процесс вступления Кипра поиск путей для заключения соглашения. Я думаю, что он имел разное влияние в разные отрезки времени. И я думаю, что ключом здесь является понимание того, каким образом вступление взаимодействовало с определенными внутренними процессами по обе стороны и в самой Турции. Если мы возьмем бывшее руководство греков-киприотов, станет ясно то, что в особенности к концу мандата Керидиса, наблюдался рост побуждений достичь соглашения, в особенности из-за того, что вступление в ЕС было близким и, потому что вступление предполагало обеспечение безопасности. Так что, бывшее руководство греков-киприотов было более чем согласно пойти на такие уступки, которые влекли за собой соглашение. Проблема в том, что то, что случилось, было вызвано сменой внутренней конъюнктуры на Южном Кипре в 2003 году, и тогда процесс вступления в ЕС породил новые мотивы для заключения соглашения на Южном Кипре. Таким образом, тот факт, что позиция греков-киприотов укрепилась благодаря вступлению в ЕС, а также то, что тогдашняя правящая верхушка не желала пойти на то соглашение, которое предлагала ООН, дали возможность тому руководству отказаться от Плана Аннана. То же самое можно сказать о Турции, только наоборот. Таким образом, тогда как в прошлом недопущение в ЕС укрепило риторику против федерального решения на Кипре и укрепило националистические позиции, тот факт, что произошли внутренние изменения в Турции в 2002 году, наряду с тем фактом, что процесс вступления стал более вероятным и сильным на тот момент, содействовали сдвигу в позиции Турции между 2002 и 2004 годами. Так что, я думаю, что ключевым тут является понимание того, каким образом европейцы взаимодействуют на внутреннем уровне.

В случае с уникальностью Косово, я не знаю, как много можно об этом сказать. Как говорилось до этого, каждый случай уникален. То, что интересно для аналитика и политика, это попросту изучить и понять сходства и расхождения в этих ситуациях, а также посмотреть, есть ли в них вообще то, что может помочь разрешению грузино-абхазского конфликта. В отношении вопроса Вальтера о том, как

обойти эту западню с признанием, я бы сказала, что, в конечном счете, когда ЕС хочет этого, он всегда может с легкостью обойти эту ловушку. Черногория не была независимым государством, но, несмотря на это, не было никаких проблем взаимодействия с организациями в Черногории, в особенности после того, как в 2004 году ЕС решил начать процесс стабилизации с двойным подходом. Это вопрос не только для ЕС. Международный Финансовый Институт (IFI) в Сербии-Черногории действовал на федеральном уровне для подписания грантов и залогов, а затем начал заключать договоры о конкретных предметах уже на республиканском уровне, хотя он не признавал их как государства. В конце концов, у меня такое чувство, что когда есть желание обойти некоторые вещи, это можно сделать. Чаще всего цензуру этих вопросов сами навязывают на себя. Это мое личное мнение. Спасибо

Питер Семнеби – Я хотел бы поблагодарить Вас за очень интересную презентацию. Я также жду выхода Вашей книги. Может, Вы сделаете для нас более детальный обзор своих заключений насчет грузино-абхазской проблемы. Вы упомянули, что ЕС должен быть менее стеснительным в отношениях с властями в Сухуми. Это то, о чем мы говорили вчера. Как Вы смотрите на политику кнута и пряника, которую использует ЕС в отношении Тбилиси в этом вопросе? У нас нет перспективы членства, и поэтому то условие, которое может поставить ЕС, не ясно. С другой стороны, Вы упомянули, что наблюдалось обратное влияние, связанное с тем, каким именно образом обусловленность была применена, и как другие меры были предприняты в процессе вступления в других случаях, которые Вы упомянули. Каковы Ваши рекомендации, основанные на этих наблюдениях, относительно применения обусловленности, в ситуации, где вы не имеете эффекта вступления? И как возможно избежать обратных эффектов, подобных тем, о которых Вы говорили?

Натали Точчи – Мой подход общий и интуитивный. С одной стороны, я вижу мирные процессы, которые заморожены и я, в частности, не вижу использования сравнительного преимущества, ко-

торое лежит на поверхности. На деле то, что я вижу и, я думаю здесь интересно сравнить юго-осетинский вопрос с абхазским, на первый взгляд кажется, что у ЕС получается лучше, купить себе путь в юго-осетинский мирный процесс. С другой стороны, несколько человек сказали мне, что это фактически усложнило деятельность ЕС в Южной Осетии и в других областях. Это не подтвердилось в случае с Абхазией. Я оставляю этот вопрос на этом уровне. Что может быть сделано изнутри между конфликтующими сторонами? Внутри самой Абхазии мы, на самом деле, не говорим об огромных денежных суммах, потому что это маленькая территория. Внимание, в основном, сосредоточено на проектах, которые географически и тематически сконцентрированы в большинстве на юге и которые, в основном, касаются вопросов, которыми могут заняться НПО, занимающиеся, конечно же, многими вопросами. Но многие вопросы, которые касаются реформ, не могут быть решены с помощью гражданского общества. Это то место, где проявляется стеснительность. Вопрос стеснительности извращает проекты такого типа, с какими я имела дело в связи с непризнанными единицами. На вопрос, какой пряник использовать для Грузии, я думаю, что если мы взглянем на Грузию взглядом, противоположным тому, каким мы смотрим на Украину и Молдавию, у ЕС есть большое преимущество. Если взглянуть на Европейскую Политику Добрососедства, то тут, либо ЕС проявил чуть-чуть больше желания и предложил вещи, которые имеют потенциальную цену, но соседствующие государства, на деле, приняли их не очень хорошо из-за своего стремления стать членами – например, Украина и, возможно, Молдова, или в случае с Южным Средиземноморьем, ЕС даже не имел желания предлагать странам, не очень стремящимся к членству, то что он предложил восточным соседям. В случае с Кавказом, в частности, с Грузией, здесь, с одной стороны, есть стремление войти в Евросоюз, но в отличие от Украины, по крайней мере как я слышала, на ЕНП смотрят очень положительно. Даже, несмотря на то, что ЕС настаивает на том, что это не шаг на пути к членству, грузинские власти, в основном, думают так – ладно пусть говорят что хотят, но мы все же используем это, как средство для Европеизации, а это, со временем, приведет нас к чему-то. Я ду-

маю, что эту возможность важно использовать. Но для того, чтобы ее использовать, как вы говорите, те вещи, которые рассматривались для Украины и Молдавии, также будут рассматриваться и в случае с Южным Кавказом.

По поводу вопроса об обратном действии обусловленности, я не хотела сказать, что обусловленность не должна использоваться. Она обязательно должна использоваться, и она, вероятно, является одним из самых важных инструментов влияния, которые имеет Евросоюз. Все, что я подразумевала это то, что деятели ЕС должны быть очень внимательны к тому, каким образом определенные условия принимаются местной элитой, а не используются в других целях. Если мы возьмем случай с Кипром, тут замечательно было то, что основное условие неожиданно стало причиной отказа от Плана Аннана. А пряник для гармонизации Сербии-Черногории, был использован черногорцами, которые сказали, что комиссия навязывает нам слишком большую централизацию. Это имело обратное действие, потому что это было использовано во внутренних политических дебатах не так, как предполагали действующие лица Евросоюза. Я хочу сказать, что официальные лица ЕС, видимо, должны знать о том, каким образом используется и злоупотребляется принцип обусловленности в контексте внутренней политики.

Октай Ф. Танрисевер

РОЛЬ ТУРЦИИ В ИНТЕГРАЦИИ ЧЕРНОГО МОРЯ И ГРУЗИНО-АБХАЗСКИЙ КОНФЛИКТ

В моем докладе о роли Турции в интеграции стран Черного моря и о грузино-абхазском конфликте, я бы хотел исследовать природу интеграции региона Черного моря, которая определяет внешний региональный контекст грузино-абхазского конфликта, путем рассмотрения возможностей и ограничений региональных аспектов, способствующих мирному урегулированию этого конфликта.

Этот доклад организован следующим образом: в начале доклада будет обсуждаться значимость процесса региональной интеграции для мирного урегулирования грузино-абхазского конфликта. Затем, я проанализирую, как Турция поддержала идею и практику регионального Черноморского экономического сотрудничества после окончания холодной войны. За этим последует исследование Европейской Политики Добрососедства (ENP) Евросоюза и возможности для более тесного сотрудничества Европейского Союза и Организации Черноморского Экономического Сотрудничества (ЧЭС) с целью осуществления ENP и мирного урегулирования замороженных конфликтов в регионе Черного Моря. Доклад завершится исследованием потенциальных результатов более тесного сотрудничества между Европейским Союзом и ЧЭС для мирного урегулирования грузино-абхазского конфликта.

а. Значимость процесса региональной интеграции для мирного урегулирования грузино-абхазского конфликта

Значимость процесса региональной интеграции для мирного урегулирования грузино-абхазского конфликта заключается в основном в выработке более широкого регионального взгляда у сторон конфликта, который убедит стороны пересмотреть их настоящие позиции и найти общие интересы. Нахождение таких общих интересов создаст основу для разработки плана мирного урегулирования этого конфликта. В настоящее время, конфликтующие стороны име-

ют склонность считать условия конфликта игрой с нулевой суммой, где победа одной стороны якобы принесет поражение другой.

Отчасти именно из-за того, что грузино-абхазский конфликт характеризуется условиями игры с нулевой суммой, это привело к большей зависимости Абхазии от России, как и к требованиям Грузии, урегулировать конфликт исключительно на грузинских условиях. Для выхода из этого тупика необходимо построить новые мосты и развить экономическую независимость сторон конфликта путем развития региональной экономической интеграции на Черном море.

Я думаю, что, расширение сферы поиска путей мирного урегулирования этого конфликта с привнесением регионального фокуса, а также оценка конфликта не с нулевой точки зрения, приведет стороны конфликта к нахождению новых общих интересов, новых общих ценностей. Общим аргументом этого доклада является то, что открытие этих интересов и ценностей может привести к изменениям позиций сторон, в конечном счете. Я думаю, что перенос внимания с двусторонних отношений между Грузией и Абхазией на региональный уровень, т.е. на уровень регионального сотрудничества стран Черного моря, может помочь развитию перспективы более плодотворной игры не с нулевой суммой для мирного урегулирования грузино-абхазского конфликта.

Для мирного урегулирования грузино-абхазского конфликта необходимо, чтобы у сторон был более новаторский и творческий подход в определении своих позиций. Если стороны не могут обратиться к таким позициям, внешние и внутренние игроки могут им в этом помочь. Из внешних игроков это, в основном, Европейский Союз, который может развить не только новые возможности, но также и оказать некоторое давление на поведение других игроков, вовлеченных в этот конфликт. Новые возможности могут продемонстрировать, какую выгоду могут получить конфликтующие стороны от следования более компромиссной позиции, а новое давление может показать те издержки, которые сопутствуют настаиванию на своих исходных бескомпромиссных позициях.

Этот беспристрастный подход к конфликту важен для эффективности регионального подхода к нему. Региональный подход должен предоставить благоприятную среду для развития более компро-

миссных позиций и сократить до минимума недружелюбное поведение. В противном случае, конфликтующие стороны будут придерживаться своих исходных бескомпромиссных позиций. Это может усилить ошибочное предположение, что *существующее положение вещей* дает им возможность достичь желаемого. В результате, надежды на мирное урегулирование этого конфликта сводятся к минимуму, из-за нежелания сторон

Следовательно, региональная перспектива может содействовать снижению рисков, угрожающих региональной безопасности, и развитию региональной стабильности для всех региональных участников. Внешние региональные игроки выиграют от такого регионального подхода, когда они поставят условием перед конфликтующими сторонами уменьшение неопределенности при изменении своих позиций, действий и суждений. В противном случае, будет чрезвычайно трудно достичь желаемого результата, которым является мирное урегулирование этого конфликта.

б. Турция и процесс регионального Черноморского Экономического Сотрудничества после окончания холодной войны

Также важно обсудить роль Турции как страны, способствующей региональному Черноморскому экономическому сотрудничеству, и какой смысл это имеет для замороженных конфликтов в регионе, таких как грузино-абхазский конфликт. Хотя Турция пока еще не сыграла очень активной роли в урегулировании этого конфликта, у нее есть возможность конструктивно содействовать мирному урегулированию этого конфликта. Это частично потому, что для Турции, как ведущей экономической державы в регионе, начавшей процесс экономического сотрудничества стран Черного моря, выгодно разрешение замороженных конфликтов в регионе, так как это сократит нестабильность и создаст новые возможности для дальнейшего экономического сотрудничества в регионе. Частично это обусловлено и тем, что некоторые граждане Турции имеют этнические грузинские и абхазские корни. Так что, это является важным интересом Турции иметь стабильные отношения с этими двумя группами на Кавказе.

Международная политика Турции в регионе Черного моря с конца холодной войны была определена, в основном, подходом экономической взаимозависимости в международных отношениях. Высокопоставленные политики при проведении международного политического курса Турции, пришли к единодушному соглашению, что создание экономической взаимозависимости стран Черного Моря приведет к более крепкому сотрудничеству и интеграции в этом регионе. В результате, Турция, как и ее партнеры в регионе, от этого выиграют.

Идея о том, что Турция должна поощрять региональное экономическое сотрудничество на Черном море вначале зародилась у Шукру Элекдага, в прошлом турецкого дипломата, а ныне члена турецкого парламента. Тургут Озал, бывший президент Турции предложил стране осуществить эту идею на практике. Вначале, в 1990 году Турция договорилась с Советским Союзом, Болгарией и Румынией о создании такого регионального форума для более широкого экономического сотрудничества в регионе Черного Моря. После распада Советского Союза в 1991 году, Армения, Азербайджан, Грузия, Молдавия, Украина и Российская Федерация, сменившая Советский Союз как его основное государство, присоединились к этому договору и тогда, в 1992 году, произошло формальное принятие договора о Черноморском экономическом сотрудничестве (ЧЭС). Затем, присоединилась Албания. Сербия-Черногория стала членом ЧЭС в 2004 году. Как вы все знаете, в 2006 году Сербия и Черногория стали отдельными государствами.

Это значит, что в ЧЭС сейчас входят 13 государств-членов. Члены ЧЭС включают прибрежные государства – Турцию, Румынию, Болгарию, Украину, Россию, Грузию; неприбрежные балканские государства – Албанию, Грецию, Молдову, Сербию и Черногорию; и неприбрежные Кавказские государства – Азербайджан и Армению. Профиль членства этой организации показывает, что ЧЭС имеет возможность соединить Балканы и Кавказ, два довольно нестабильных региона в Европе, и привести их к большей стабильности, применяя экономические рычаги, содействующие региональной интеграции на Черном море.

Интерес ЧЭС в региональном экономическом сотрудничестве подразумевает собой также и перспективу разрешения конфликта.

Страны-члены ЧЭС подчеркнули в своей декларации на Саммите 1992 года, что существует необходимость мирного урегулирования всех диспутов посредством, и в соответствии с принципами, обозначенными в документах Конференции по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (CSCE), позднее в 1994 году переименованной в ОБСЕ, которые они все подписали, Члены ЧЭС также вновь подтвердили свое стремление противостоять агрессии, насилию, терроризму, беззаконию, а также свою решимость помочь восстановить мир и справедливость. Эта декларация показывает, что ЧЭС является сторонником мирного урегулирования замороженных конфликтов в регионе со дня своего образования в 1992 году. Это значит, что ЧЭС может взять на себя функции обеспечения некоторой «мягкой безопасности» в регионе Черного моря. С точки зрения ЧЭС, главной идеей является использование регионального экономического сотрудничества для установления мира и стабильности в регионе.

Организационная структура ЧЭС отражает межгосударственный подход к международным отношениям. Межгосударственный подход этой региональной организации предоставляет всем странам-членам право вето на ключевые вопросы. Министры иностранных дел стран-членов ЧЭС проводят регулярные встречи. Поскольку каждая страна-участник может использовать свое право вето, на собраниях министров иностранных дел в ЧЭС, решения обычно принимаются единогласно. Хотя резолюции ЧЭС принимаются единогласно, решения и рекомендации могут быть приняты двумя третями голосов.

ЧЭС имеет также свой Парламент и Деловой Совет. Это означает, что политическая и предпринимательская деятельность в регионе Черного моря могла бы координироваться через каналы связи между политическими, а также деловыми высшими кругами. Кроме этих органов ЧЭС, существуют отделения ЧЭС. Черноморский Банк Торговли и Развития, который тесно сотрудничает с Европейским Банком Реконструкции и Развития, является довольно важным подспорьем для дальнейшего усиленного сотрудничества между Европейским Союзом и ЧЭС, поскольку эти финансовые организации могут служить как уже налаженные каналы сотрудничества между Европейским Союзом и ЧЭС. Кроме того, Международный Центр Черноморских Исследований и Координационный Центр ЧЭС по

Обмену Статистическими Данными и Экономической Информацией, также сотрудничают с формальными структурами ЧЭС как дочерние центры ЧЭС.

Конечно, у ЧЭС есть разные проблемы, которые мешают ей стать эффективным орудием дальнейшего регионального Черноморского экономического сотрудничества. Видимо главной проблемой ЧЭС является финансовая проблема. Ни одна из стран-участников не имеет твердой финансовой возможности для осуществления проектов ЧЭС. Почти все члены ЧЭС зависят от внешнего финансирования для осуществления основных проектов ЧЭС, в особенности в области энергетики и транспорта. Вторая проблема связана с медленными процедурами принятия решений в ЧЭС. Как было упомянуто выше, каждая страна-член ЧЭС может легко заблокировать процесс принятия решения, согласно принципам единогласия и права на вето. Это сделало довольно проблематичным сотрудничество по существенным вопросам в последние годы. Когда некоторые страны видят, что дальнейшее сотрудничество не в их непосредственных интересах, они используют свое право на вето, или замедляют процесс регионального сотрудничества. Не менее важными являются замороженные конфликты, включая грузино-абхазский конфликт, которые ограничивают возможности дальнейшего сотрудничества в регионе Черного моря, в силу самой разобщающей природы замороженных конфликтов.

Для преодоления этих институциональных проблем ЧЭС, с 2001 года было внесено несколько предложений. Вместо того, чтобы сосредотачивать внимание на сложных институциональных аспектах сотрудничества, стороны договорились укрепить подход, основанный на осуществлении проектов, направленных на решение существующих проблем. Идея заключается в разработке новых проектов, в которых все заинтересованные стороны могут развивать общие интересы. Это, я думаю, очень важно для развития рабочего подхода к институциональным проблемам ЧЭС. Для этой цели в 2004 году был создан Фонд Развития Проектов (ФРП), который начал работать в 2004 году. Я думаю, что более гибкий подход к вопросам регионального сотрудничества, может сделать ЧЭС более эффективной организацией.

В течение последних двух лет, наблюдался прогресс в отношениях между прибрежными странами Черного моря в вопросах, каса-

ющихся мягкой безопасности, таких как борьба с интернациональным терроризмом, с организованной преступностью, обеспечение энергетической стабильности и охраны окружающей среды. В связи с этим Турция стала инициатором создания Черноморской военно-морской группировки оперативного взаимодействия (BLACKSEAFOR) в 2001 году и проведения морской операции «Черноморская Гармония» в 2004 году для обеспечения безопасности на море в регионе Черного моря.

в. Европейская Политика Добрососедства (ENP) и возможности дальнейшего сотрудничества между Европейским Союзом и ЧЭС

Со времён окончания холодной войны уровень сотрудничества между Европейским Союзом и ЧЭС продолжает быть низким. Это происходит частично из-за того, что и Европейский Союз и страны-участники ЧЭС, по существу, недооценили ту потенциальную роль, которую могла сыграть ЧЭС в регионе Черного моря. На деле, Европейский Союз считал регион Черного моря довольно нестабильным и экономически недоразвитым регионом. Европейский Союз проигнорировал ЧЭС из-за ее финансовых и организационных трудностей. На нее смотрели как на дискуссионный клуб. Более того, страны региона Черного моря никогда не считали ЧЭС своей конечной целью. Они предпочитали считать ЕС своей конечной целью, потому что в ЧЭС они видели промежуточную организацию, которая сможет подготовить их к будущему вступлению в ЕС. На деле, Европейский Союз и ЧЭС несопоставимы по многим причинам.

В последние годы Европейский Союз проявляет больше интереса к деятельности ЧЭС, в особенности после того, как стало ясно, что Болгария и Румыния войдут в состав Европейского Союза в 2007 году, а Турция начала свои переговоры с Европейским Союзом о полном членстве в 2005 году. Эти изменения превратили Европейский Союз в региональное действующее лицо на Черном Море. Кроме того, низкий уровень сотрудничества между Европейским Союзом и ЧЭС, не означает, что не существует никаких каналов связи между этими двумя субъектами. Фактически, Европейский Союз и ЧЭС

организовали несколько конференций в 1999 и 2001 годах, в частности, во время греческого председательства. Эти конференции сыграли важную роль в вовлечении Евросоюза в процесс региональной интеграции на Черном море.

Вмешательство Европейского Союза в процессы региональной интеграции в регионе Черного моря усилилось, в особенности, после принятия Европейской Политики Добрососедства (ENP) Советом по внешним связям в марте 2003 года. Своей главной целью ENP объявила усиление стабильности, безопасности и благополучия в странах, соседствующих с Европейским Союзом. Для предотвращения появления новых разделяющих линий между Европейским Союзом и его соседями на Черном море, ENP предлагает странам – не членам Европейского Союза в этом регионе ряд возможностей для участия в различной деятельности Европейского Союза в области культуры, экономики, политики и безопасности.

Принятие ENP довольно важно и с точки зрения мирного урегулирования всех замороженных конфликтов в регионе Черного Моря, поскольку она обладает функцией формирования среды. Создавая положительное окружение, ENP будет закономерно содействовать мирному урегулированию в регионе Черного Моря. На деле, для эффективного осуществления ENP также требуется урегулирование замороженных конфликтов в этом регионе.

Однако у Европейской Политики Добрососедства (ENP) имеются два основных ограничения. Ведущим является финансовое ограничение – главный финансовый рычаг ENP, Европейский Инструмент Партнерства с Соседями (ENPI), по всей вероятности будет задействован лишь после 2007 года. Другим важным ограничением ENP является ее принцип двусторонних отношений. Она строит отношения с отдельными странами на индивидуальной основе посредством планов действий. Хотя Европейский Союз мог бы поработать над согласованием различных направлений своей политики по отношению к соседям в определенных регионах, это не всегда осуществимо, в частности по причине отсутствия региональной перспективы ENP в отношении региона Черного Моря.

В отношении сотрудничества между Европейским Союзом и ЧЭС я бы сказал, что дальнейшее сотрудничество между Европейс-

ким Союзом и ЧЭС может содействовать развитию региональной перспективы в Европейском Союзе. Это сотрудничество также может сделать ЕНР более эффективной в регионе Черного моря. Поскольку Европейский Союз всегда предпочитает взаимодействовать с регионами через институциональные рамки, институциональные возможности ЧЭС в этом отношении могут расцениваться в качестве актива.

Относительно возможностей продолжения сотрудничества между Европейским Союзом и ЧЭС, важно положиться на уже существующие каналы сотрудничества, такие как, сотрудничество между Европейским Банком Реконструкции и Развития и Черноморским Банком Торговли и Развития, о котором говорилось выше. Через эти каналы, Европейский Союз уже поддержал несколько проектов в регионе Черного моря, которые также входят в рамки деятельности ЧЭС в регионе, это вопросы энергетики, транспорта, торговли и окружающей среды.

г. Потенциальное значение более тесного сотрудничества между Европейским Союзом и ЧЭС для мирного урегулирования грузино-абхазского конфликта

Развитие более тесных отношений между Европейским Союзом и ЧЭС может также иметь положительное воздействие на урегулирование грузино-абхазского конфликта. Чтобы достичь этой цели, формат ЧЭС со своей скорее неформальной, нежели формальной сетью сотрудничества мог бы иметь более эффективное влияние, в силу того факта, что стороны грузино-абхазского конфликта, в основном, расходятся по вопросу о статусе Абхазии. Поскольку участие Абхазии в любой международной организации или формальной сети сотрудничества укрепило бы существующую позицию Абхазии в отношении статуса, это, вероятно, будет неприемлемо для Грузии. Для выхода из этого тупика, Европейский Союз и страны ЧЭС могли бы развить неформальное сотрудничество в регионе Черного моря, что может сблизить Грузию и Абхазию, без навязывания сторонам чего-либо относительно статуса Абхазии. Я думаю, что грузино-абхазский конфликт, подобно другим замороженным конфликтам,

может быть разрешен мирно, если стороны конфликта найдут общие интересы.

В этой связи Европейский Союз может реализовать подход снизу вверх по отношению к урегулированию абхазо-грузинского конфликта, вместо подхода сверху вниз. Это даст возможность Европейскому Союзу быть более гибким в деле содействия взаимопониманию между Грузией и Абхазией, без затрагивания сложного вопроса о статусе Абхазии. Для развития упомянутого подхода снизу вверх, Европейский Союз может взаимодействовать с ЧЭС для содействия сотрудничеству на уровне неправительственных организаций. В настоящий момент НПО могут присоединиться к ЧЭС. Они могут получить статус наблюдателей. Существуют 16 НПО, которые имеют этот статус.

Также, мэры и другие региональные власти в регионе Черного моря сотрудничают в рамках ЧЭС. Иным методом использования неформальной сети вместо формальных структур для сотрудничества, могут быть проекты-близнецы Европейского Союза, имеющиеся на данный момент в распоряжении вступающих стран. Если страны ЕНР, такие как Грузия, могли бы воспользоваться преимуществом этого инструмента, несколько экспертов из Европейского Союза могли поработать совместно с грузинскими экспертами над созданием благоприятных условий для сотрудничества Грузии и Абхазии, без принятия чьей-либо стороны. Европейский Союз может использовать эти каналы для поощрения дальнейшего сотрудничества между соответствующими сторонами и сближения их позиций.

В этой связи, развитие более тесных отношений между Европейским Союзом и ЧЭС является довольно важным, поскольку Черное море может служить основой для форума, который соберет вместе все соответствующие стороны вокруг грузино-абхазского конфликта. В состав ЧЭС входит Россия, которая является ключевым игроком в этом конфликте. В рамки ЧЭС включены также государства – члены Европейского Союза, страны, ведущие переговоры и государства, участвующие в Европейской Политике Добрососедства. Невозможно достигнуть мирного урегулирования таких замороженных конфликтов, отстраняя любого из этих субъектов. Инклюзивные рамки ЧЭС могут служить очень важным средством для мирного урегулирования грузино-абхазского конфликта.

Не менее важным является то, что Европейский Союз может способствовать мирному урегулированию грузино-абхазского конфликта путем продвижения процесса демократизации и уважения прав человека в Грузии и Абхазии. Нереалистично ожидать быстрых решений таких конфликтов, как грузино-абхазский конфликт. Более того, продвижение европейских демократических ценностей может оказаться одним из самых важных шагов для построения взаимного доверия между Грузией и Абхазией, что необходимо для проверки своих позиций и для того, чтобы подойти к новаторским идеям в будущем. В противном случае, это будет диалог глухих.

В заключение скажу, что главным вкладом Европейского Союза может быть пропаганда европейских демократических ценностей в Грузии и Абхазии наряду с более широким сотрудничеством с местными игроками в регионе Черного моря. Важность европейских демократических ценностей заключена в их способности дать возможность каждому воспринимать мир более терпимо. Эти изменения в восприятии могут, в конечном счете, привести к изменениям в позициях. Творческих решений трудных проблем можно ожидать только после осуществления этих изменений. Спасибо.

ОБСУЖДЕНИЕ

Игорь Торбаков – в качестве комментария я бы хотел представить некий, более широкий политический контекст, в который я хотел бы поместить очень интересный доклад моего друга Октя, в котором он сосредоточился на анализе взаимоотношений Турции и ее роли в региональной интеграции и в «Black Sea Economic Cooperation». Я думаю, что подобный широкий контекст вполне уместен именно здесь в Стамбуле, где мы обсуждаем все эти вопросы. Я не буду долго говорить о предыстории сегодняшней ситуации, связанной с внешнеполитическим курсом Турции и в качестве рубежа возьму чрезвычайно важную, как мне представляется, дату. Это – ноябрь 2002 года и победа партии «Справедливость и развитие» на национальных парламентских выборах и создание впервые за, пожалуй, последний десяток лет однопартийного правительства с мощной поддержкой в

парламенте. Почему этот рубеж мне представляется важным? Потому что победа этой партии знаменовала оформление совершенно ясного проевропейского курса Турции, поскольку вся политическая элита АКП в качестве главной цели внешнеполитического развития поставила вступление Турции в ЕС. По крайней мере, у целого ряда аналитиков, которые наблюдали за внешнеполитическими действиями в Турции, в том числе и у меня сложилось впечатление, что в 2002-2003 году эта цель практически затмила все остальные векторы внешней политики Турции. И очень важно для понимания того, что происходит во внешней политике Турции сейчас обратить внимание на те существенные изменения, в которых приходится делать те или иные выборы политическому руководству Турции, которые произошли на протяжении 2003 -2004 годов. Потому что, когда я сказал о совершенно однозначном выборе в пользу евроинтеграции, я имел в виду, что этот курс осуществляется, конечно же, при серьезной поддержке и стимулировании самого Евросоюза и при опоре на традиционные союзнические отношения с Соединенными Штатами. И нужно сказать, что действительно, первые год-полтора деятельности партии «Справедливость и развитие» привели к абсолютно беспрецедентным изменениям внутривнутриполитической ситуации в Турции. Через парламент были проведены опять же абсолютно беспрецедентные законы в рамках политики гармонизации турецкого законодательства с ЕС. Действительно усилилась демократизация, изменилось положение роли военных в обществе. То есть, эта партия начала заниматься вопросами, к которым боялись прикоснуться все предыдущие политические силы. Но в 2001-2003 годах произошли, на мой взгляд, радикальные изменения, которые существенно повлияли на то, как сегодняшняя Турция позиционирует себя в мире. Речь идет о подрыве, с моей точки зрения, двух столпов, на которые опирается проевропейская политика Турции, потому что практически параллельно начали портиться отношения с Европейским Союзом, как это ни парадоксально, и с Соединенными Штатами Америки. Ну, понятно, почему начали портиться отношения с Соединенными Штатами Америки – радикальную роль, конечно, сыграла война в Ираке и вторжение Америки в Ирак. Турецкие элиты были против этой войны. Они практически сделали все, чтобы она не началась.

Стратегически озабоченность Турции понятна, она, прежде всего, связана с ситуацией в Северном Ираке, с возможностью возникновения де-факто независимого Курдистана. И поскольку турецкие элиты, в том числе и военные, посчитали, что их интересы не были приняты во внимание и были серьезно нарушены, отношения с Америкой радикально ухудшились. И на самом деле сейчас они пребывают в чрезвычайно печальном, с моей точки зрения состоянии. Одновременно начали портиться отношения с Евросоюзом. И здесь есть несколько, по крайней мере, важных причин. С одной стороны, как ни парадоксально, по мере того, как перспектива вступления Турции в ЕС становилась все более и более реальной, среди политических элит и населения европейских стран начали усиливаться анти-турецкие настроения. С другой стороны, безусловно, чрезвычайно негативную роль сыграла ситуация с Кипром. Буквально перед нашими выступлениями об этом немножко говорила Натали. С моей точки зрения, принятие греческого Кипра полноправным членом в ЕС в качестве представителя всего острова было грандиозной ошибкой Евросоюза. И сейчас эта ситуация отравляет атмосферу по линии отношений Брюссель-Анкара. И в общем я не исключаю, что дальнейшее обострение отношений может привести к коллапсу переговоров. Я говорил об этом ухудшении взаимоотношений между Турцией и западным миром для того, чтобы буквально тезисно перейти к проблеме русско-турецких отношений, потому что то, что сейчас называется русско-турецким сближением происходит как раз на фоне вот этого охлаждения отношений Турции с Евросоюзом и Америкой. У этих потеплевших отношений есть очень мощная экономическая база. Это – стремительно растущая торговля, это сильнейшие энергетические связи, это туризм. Очень важно не забывать и о чрезвычайно существенных взаимных интересах в сфере безопасности. То есть, ведь на самом деле за последнее время, и это отмечается и турецкими аналитиками и российскими и западными, по целому ряду ключевых вопросов Турция оказывается значительно ближе к Москве, чем к Европейскому Союзу или США. Если уже говорить о тех проблемах, которые мы обсуждаем, то есть, например, проблемы связанные с ситуацией в Черноморском регионе, с ситуацией безопасности, и Турция, и Россия чрезвычайно скепти-

чески относятся к тому, что многие называют «американским демократическим...». Да, на словах, конечно, Турция демократическая страна, она приветствует распространение демократии. Но я просто знаю из разговоров с турецкими политиками и аналитиками, что реально они чрезвычайно осторожно относятся к перспективе распространения так называемых «оранжевых революций» именно в силу того, что для них, как и для России, ключевое понятие, ключевая цель в этом регионе – это стабильность. Именно поэтому и Турция, и Россия в общем противятся присутствию, особенно военному присутствию нерегиональных крупных сил и попытке американцев распространить антитеррористическую операцию из Средиземноморья в Черное море. Эта попытка столкнулась с двойным отпором – со стороны Анкары и Москвы, что вызвало откровенную негативную реакцию со стороны американского Госдепартамента. Завершая свой короткий комментарий, я должен сказать, что если вот эти намеченные мной тенденции будут продолжаться, то Турция, которая боится остаться в стратегической изоляции, в стратегическом одиночестве, вынуждена будет искать новый вектор и новых союзников. Это произойдет, если действительно будут ухудшаться отношения между Турцией и Европейским Союзом, с одной стороны, и Америкой с другой, а это может происходить, потому что сейчас тенденций для какого-то радикального поворота в позитивную сторону я не вижу. И, кстати, об этом, начиная с 2002-2003 года, говорят не только гражданские политики, но и продолжающие оставаться влиятельными члены военного корпуса. Они призывают турецкие элиты к реализму. Они говорят о том, что двери в Европейский Союз, скорее всего, будут еще закрыты долгое время, и что Турции нужно искать новых союзников и в качестве этих союзников называются и Россия, и Иран. Спасибо.

Батал Табагуа – скажите, пожалуйста, как на ваш взгляд смотрит турецкая сторона на то, что Украина может стать членом НАТО? Нет ли здесь какой-то зависти, может быть, я немножко упрощаю, потому что здесь на Черноморье Турция все-таки основная точка опоры?

Игорь Торбаков – да, зависти и опасений по поводу вступления Украины в НАТО нет. По крайней мере, я с подобными суждениями

и текстами не сталкивался. Но абсолютно очевидно, что существовала зависть и определенные опасения по поводу того, что Украина особенно в атмосфере эйфории, которая существовала после оранжевой революции, может обойти на крутом повороте Турцию на пути в ЕС. И эта полемика была достаточно активной в турецкой прессе.

Кристиан Бжания – у меня вопрос к господину Танрисеву. Достаточно известно, что у абхазской общественности есть определенные симпатии к Турецкой республике. Они связаны с известными обстоятельствами. И в этой связи как вы считаете: не имея особой необходимости Турция присоединилась к санкциям Содружества Независимых Государств против Абхазии. Имея здесь значительную часть черкесской диаспоры, фактически добровольно оторвала от себя Абхазию. Сейчас есть такие тенденции, которые свидетельствуют о возобновленном интересе Турции к урегулированию грузино-абхазского конфликта, во всяком случае, к активному участию в его разрешении. Не кажется ли вам, что Турция упустила, к сожалению, очень много шансов быть объективным посредником в этом процессе и утратила шансы и значительные возможности быть симпатичным для Абхазии участником вот этих процессов?

Давид Дарчиашвили – Как бы Вы оценили шансы неевропейской альтернативы для Турции, которая может привести к очередной линии размежевания между демократическими союзами и недемократическими союзами? Как Вы думаете, турецкое общество, включая военных, согласится на такое разделение, будучи на другой стороне? Может реальной альтернативой членства в ЕС все же является гибкое сотрудничество со всеми его трудностями? Каковы, по Вашему мнению, перспективы содействовать этому сотрудничеству у других стран, принадлежащих к региону Черного моря, в особенности тех, кто на Северо-Восточной стороне моря, и кто не имеет отчетливой перспективы для вступления в ЕС? С экономической и геополитической точек зрения существует много противоречий между прибрежными и неприбрежными государствами. Но, может быть, мы начнем работать над образованием, изучением социальных вопросов, и выработаем, если возможно, черноморскую идентичность,

основанную на Византийско-Османском наследии? Если это будет развито, Турция действительно может сыграть одну из главных ролей. Она также может привлечь Евросоюз к сотрудничеству на Черном море. Европейский Союз очень интересуется жизнеспособными регионами, а не искусственными и виртуальными.

Вальтер Кауфманн – Господин Танрисевер, какое участие может ЧЭС обеспечить для Абхазии? И вопрос к Игорю. Я помню на международной встрече, где мы встретились год тому назад, армянский тюрколог долго говорил о турецком национализме, про турецкие внешнеполитические элиты и т.д. После доклада я его спросил: «А вы не забыли одну часть турецкой элиты – прозападную часть?» И он ответил, что про них не говорил, потому что они вообще не занимаются этим регионом. Меняется ли это сейчас?

Рейчел Клогг – Я бы хотела добавить пару слов к тому вопросу, который задал Вальтер. Это вопрос к Октаю. Вы сказали, что важным элементом ОЧЭС является то, что она собирает все стороны в регионе вместе. В своем выводе, когда Вы сказали, что ОЧЭС должна сыграть более значительную роль в урегулировании конфликта, у меня возникла мысль, что важно, чтобы и стороны конфликта были там представлены. Так что, это действительно вопрос о том, как Вам представляется ОЧЭС, включающая интересы Абхазии в настоящий контекст?

Питер Семнеби – мой вопрос, прежде всего, к Игорю. Из его доклада создается впечатление, что отношения между Турцией и Европейским Союзом непременно и закономерно развиваются к худшему. Я удивляюсь, что не было упомянуто в его докладе, что были сделаны в последнее время важные шаги в этом отношении. И, прежде всего, это решение 3 октября прошлого года начать переговоры о членстве с Турцией. Разве вы думаете, что это не играет никакой роли для турецкой общественности? И еще одно изменение, которое сейчас будет менять ситуацию. Я полагаю, это поменяет ситуацию радикально, что касается турецко-европейских отношений – это расширение Европейского Союза, который включит Болгарию и Румы-

нию. Это будет означать, что Европейский Союз будет иметь два члена на Черном море. Разве это не делает Европейский Союз намного более релевантным актором и партнером для Турции?

Шалва Пичхадзе – У меня вопрос и к Игорю, и к Октаю. Недавно, пару дней назад, я услышал об обеспокоенности одного оппонента относительно вступления Турции в Европейский Союз. Обеспокоенность о том, что если Турция продолжит свой путь, направленный на интеграцию с Европейским Союзом, это даст больше рычагов европейцам продолжить свою политику дезинтеграции Турции. Это политика Первой Мировой Войны, когда европейцы разъединили Османскую Империю. Это, возможно, приведет, в конце концов, к отделению Курдистана от Турции, и образованию Курдистана как независимого государства. Что Вы можете сказать по поводу этой обеспокоенности?

Вячеслав Чирикба – мой вопрос к господину Октаю Танрисеву. На основе вашей информации, как вы могли бы сформулировать позицию Турции по абхазскому вопросу?

Георгий Хелашвили – У меня вопрос к Октаю. Можете ли вы прокомментировать, как Турецкое правительство согласовывает угрозу курдских сепаратистов со стремлениями турецких меньшинств на Северном Кипре? Существуют ли здесь какое-либо противоречие?

Октай Танрисев – Я могу ответить на вопрос Вячеслава Чирикба о позиции Турции по Абхазии, утверждая, что Турция может сыграть конструктивную роль в этом конфликте, не вставая ни на чью сторону. Я думаю, что объективность очень важна для построения взаимного доверия между сторонами конфликта. Естественно, есть разные мнения насчет этого в Турции. Это моя личная точка зрения. Для Турции важно не отчуждать или усиливать антагонизм грузинской и абхазской сторон. Официальная позиция Турции всегда была основана на принципах справедливости и урегулирования конфликтов в регионе Черного моря мирным путем. Турция, подобно многим другим странам, не имеет сильного рычага воздействия на сто-

роны этого конфликта. Это частично оттого, что Абхазия находится в российской сфере влияния. Поэтому трудно другим сторонам, включая Европейский Союз, добиться прогресса в этом. Восприятия сторон характеризуются, как я уже упоминал, пониманием конфликта, как игры с нулевой суммой. Для подведения итога скажу, что сбалансированный подход Турции является правильным подходом, и Турция должна иметь хорошие отношения с обеими сторонами.

Я бы хотел коротко прокомментировать вопрос об отношениях Турции с Западом и с Европейским Союзом и ЧЭС. Я верю в то, что Турция всегда будет прозападной страной. У любой страны могут быть различные проблемы. Несмотря на свои трудности, Турция является частью многих западно-европейских и западных структур, и Турция уже добилась значительного прогресса в процессе вестернизации. Я думаю, это не только выбор высших кругов общества, и элита, и большинство населения хотят быть на Западе и хотят соединиться с Западом. Поэтому Турция делает огромный прогресс в своих отношениях с ЕС. Начался процесс переговоров. Есть проблемы. Процесс вступления, скорее всего, будет долгим. Будут взлеты и падения, но это серьезное дело. Турецкая сторона знает об этих взлетах и падениях. К тому времени, когда Турция ответит всем требованиям этого процесса, не останется причин, чтобы ей не быть частью Евросоюза. Так что, я думаю, что Турция может продолжать свою политику вестернизации и европеизации с успехом.

Относительно вопросов Вальтера Кауфманна и Рейчел Клогг о том, как Абхазия может быть вовлечена в процесс интеграции на Черном море, для того чтобы содействовать процессу мирного урегулирования грузино-абхазского конфликта, я мог бы сказать, что в силу межгосударственной природы ЧЭС, вовлечение Абхазии в деятельность ЧЭС формально невозможно, потому что Грузия использует свое право вето на любой шаг включить Абхазию в формальные структуры ЧЭС. Что я предложил в своей презентации это то, чтобы Евросоюз использовал свою Политику Добрососедства, как механизм урегулирования конфликтов, это может открыть важные возможности и оказать давление на Грузию и Абхазию в этом процессе. Наверное, это нелегко, однако все же возможно содействовать использованию ENP в роли инструмента для урегулирования конфлик-

тов. Если ЕС заинтересован в этом, он может оказать некоторое давление и, это может изменить позиции Грузии и Абхазии до некоторой степени. Конечно, я не жду от Грузии приятия формального участия Абхазии в ЧЭС, или в любой другой международной организации, но как мне кажется, есть много неформальных способов для сотрудничества, которые создадут благоприятную атмосферу для мирного урегулирования грузино-абхазского конфликта. В своей презентации я говорил о подходе снизу вверх к урегулированию конфликта. Я говорил о сотрудничестве на местном уровне. Сотрудничество на уровне деловых встреч может быть довольно влиятельным, а проекты-близнецы Евросоюза могут быть использованы для изменения грузинской позиции таким образом, что они откроют зеленый свет некоторому неформальному сотрудничеству с абхазской стороной, и создастся более благоприятная атмосфера для мероприятий по укреплению доверия и урегулированию конфликта мирным путем. В противном случае, не похоже, чтобы процесс урегулирования конфликта конструктивно и успешно продвинулся вперед, поскольку возобладает восприятие конфликта как игры с нулевой суммой. В моей презентации я говорил не о настоящей ситуации, а о будущих возможностях. Мы также не обсуждали возможную позицию России по этому вопросу. Это Европейский Союз, Грузия и других страны-участники ЧЭС должны изыскать новые возможности для мирного урегулирования конфликта. Были также некоторые другие вопросы, на которые я не ответил, потому что они не на тему моего доклада. Спасибо.

Игорь Торбаков – постараюсь ответить максимально коротко. Короткая ремарка по поводу вопроса Давида по поводу альтернатив. На самом деле, я не считаю, что есть какая-то железная дихотомия между черноморской интеграцией и ориентацией на Россию или Иран, потому что, как я уже сказал, быть может, дальнейшее негативное развитие отношений между Турцией и Западом, будет усиливать интерес Турции к черноморскому региону. И черноморская интеграция может действительно выступать в качестве плана «б» для тех турецких элит, которые, как я уже сказал, боятся оказаться вообще в стратегическом одиночестве. Насчет поисков новой идентич-

ности и возможности того, что вы сформулировали как «византийско-оттоманскую идентичность». Эта идентичность может сыграть какую-то позитивную роль в качестве какого-то интеллектуального конструкта, может быть, но как историк я должен сказать, что создание подобной широкой идентичности чрезвычайно проблематично в силу того, что сегодняшняя Турция – это продукт очень жесткой социальной инженерии Ататюрка. И создание нации и государства предопределяло абсолютно жесткий отрыв от всего прошлого до 1923 года. И, собственно говоря, только сейчас ситуация начинает меняться на уровне учебников, на уровне того, как преподается история. То есть, на самом деле подавляющее большинство турок очень плохо знают Оттоманскую историю, не говоря уже о византийских корнях. И это, кстати, действительно мешает им сейчас налаживать контакты с Европейским Союзом и уменьшать вот эти европейские фобии, показывая, что – да, они несколько более поздние пришельцы на территорию, но они, если угодно, интериоризировали и эту традицию, и теперь византийская традиция является частью сегодняшней турецкой культуры. Они начинают это понимать, но это буквально последние озарения. По поводу вопроса Вальтера о турецком национализме. Да, действительно, это болезненный вопрос. И я не считаю, что здесь что-то существенно изменилось по сравнению с тем, что говорил участник той конференции. Потому что действительно получается так, что представители турецкого национализма, во многом находящиеся в интеллектуальном поле пантюркизма, монополизировали отношения с регионом Кавказа и Центральной Азии. И именно они представлены в правом движении. Действительно, турецкие либеральные прозападные политики уделяют этим регионам значительно меньше внимания, потому что они в основном ориентированы на Брюссель и Вашингтон.

По поводу вопроса Питера. Я согласен с тем, что я сознательно заострил в коротком выступлении свое внимание на негативных тенденциях. Определенный позитив есть. Я его не буду отрицать, но нам важно понимать, где есть болевые точки, и как ситуация может развиваться в случае реализации наиболее негативного сценария. Я согласен с вашим аргументом, что, конечно же, 3 октября – начало переговоров, и это, безусловно, важный шаг. Но не мне вам говорить, в каких

условиях эта дата была определена, и как долго самолет стоял в аэропорту Анкары, ожидая завершения унижительной торговли относительно расширения ЕС. Конечно же, расширение ЕС за счет Болгарии и Румынии дает определенный стимул и определенный позитивный сигнал Турции, поскольку Анкара видит, что процесс расширения продолжается. Это очень важно, потому что после провала конституционного договора на референдумах во Франции и в Голландии, не мне вам говорить, какие острые дискуссии разгорелись внутри самого Европейского Союза. И таким образом, вопрос возможного турецкого членства стал вопросом внутренней политики целого ряда стран. Турки же это знают, они за этим следят, и это очень важно. Но решает ли это вопрос для турок окончательно? Нет, не решает. И вы прекрасно знаете, что вопрос о Кипре является сейчас главным камнем преткновения. И Эрдоган сказал, что никакого открытия аэропорта и портов не будет. То есть, ситуация очень и очень непростая.

Вопрос по поводу существующих антизападных фобий и негативного образа Евросоюза. Это огромная интеллектуальная традиция в турецком обществе. Она берет свои корни в ограниченном суверенитете Османской империи, в режиме капитуляции, в попытках раздела Османской империи в 1918-20 году. Севрский договор – это ночной кошмар, который довлеет над умами в националистических кругах. А то, что сейчас происходит в Турции, то, о чем мы говорим, эти негативные моменты в отношениях Запада дают гигантский толчок к развитию турецкого национализма. Речь даже идет не столько об усилении политического ислама, сколько об усилении турецкого национализма. И это главная проблема, с которой европейским коллегам придется здесь столкнуться. И в умах многих представителей турецких националистов политика Европейского Союза действительно воспринимается как попытки диктовать, попытки вмешиваться, попытки поучать, как продолжение старой западной тенденции, направленной на ограничение турецкого суверенитета. Европейцы должны сообразовываться с тем, что происходит в умах людей. Да, действительно, очень многие турецкие политики до сих пор верят в то, что Запад плетет какие-то заговоры с тем, чтобы, может быть, даже разделить Турцию. Пугает и, скажем, позитивный взгляд на процессы в Северном Ираке и на возможность, с точки зрения каких-то

американских политиков, независимого Курдистана. Кстати, это, действительно, есть, я сам читал ряд очень серьезных статей, написанных не аналитиками, а людьми, которые принимают политические решения в Америке. Это не Европейский Союз, но все равно это часть Запада. В этих статьях речь идет о том, что не нужно бороться за сохранение единства Ирака, это проигрышная игра, нужно согласиться с тем, что есть три религиозные общины. И с точки зрения американских интересов можно разделить Ирак, и действительно дать ход созданию Курдистана. Как эти идеи могут отразиться в Турции? Вы можете это представить?

Лиана Кварчелия – Спасибо Игорю и Октаю за очень интересные доклады и комментарии. Сейчас мы перейдем к обсуждению. Мы сегодня прослушали четыре очень интересных доклада, которые стимулируют дискуссии. У многих участников по моим наблюдениям накопились комментарии. Сейчас есть возможность задавать вопросы, но на это у нас меньше часа. Давайте дадим возможность высказаться всем желающим, максимально коротко выражая свои мысли.

Шалва Пичхадзе – я постараюсь быть максимально кратким. Две ремарки к очень интересному и в хорошем смысле провокационному докладу Сергея.

Первое. Я бы позволил себе не согласиться с мнением о том, что в результате так называемых «цветных революций» стало уменьшаться российское влияние в этих государствах.

Сергей Маркедонов – я этого не говорил. Я имел в виду прямо противоположное.

Шалва Пичхадзе – Что российское влияние стало увеличиваться? Тогда первая ремарка отменяется. Значит, я неправильно понял. Я понял, что российское влияние стало уменьшаться в тех государствах, где произошли «цветные революции».

Сергей Маркедонов – если позволите, я говорил, что в российском экспертном сообществе принято считать, что снижение российского

доминирования есть следствие «цветных революций». Я говорил о том, что это доминирование начало рушиться с отвержения плана Козака, когда Молдова впервые показала, что есть другие коопонсы урегулирования, другие центры силы. Это был первый случай на постсоветском пространстве столь четкого отвержения эксклюзивной роли России как миротворца. «Цветные революции» просто продолжили это.

Шалва Пичхадзе – спасибо. По поводу параллелей между Косово и нашими конфликтами на постсоветском пространстве, и вообще по поводу вопроса прецедента. Я считаю, что параллель между Косово и, скажем, Абхазией не существует, и я сейчас объясню почему. Хотя бы потому, что абхазам сегодня, как вчера уже говорилось приходится доказывать, что их надо признать. Даже России приходилось это доказывать в течение десяти лет, тем более европейцам придется доказать, что их следует признать в качестве независимого государства. За косоваров это сделал Милошевич в свое время. Его абсолютно преступная, вдвойне преступная политика, если меня спросить, создала такие условия, когда моральные соображения независимости косоваров перешли в какие-то правовые соображения. То есть, ситуация качественно изменилась. Вдвойне преступная политика, потому что он, во первых, истреблял косовских албанцев, а во-вторых способствовал развалу собственного государства и отделению Косово от Сербии. Существуют ли какие-то прецеденты? Мне ли вас учить, что в международных отношениях прецедентов нет. То есть, они есть, но ими никто не руководствуется. Руководствуются совершенно другими соображениями. Но если бы руководствовались прецедентами, то вслед за признанием Восточного Тимора должны были бы признать и независимость Северного Кипра. Если бы руководствовались прецедентами, то в известном выступлении президента Путина, когда он проводил параллели между Косово и Абхазией и Южной Осетией, он должен был бы упомянуть и Нагорный Карабах. Хотя он «забыл» о Нагорном Карабахе. На самом деле основные игроки руководствуются совершенно другими соображениями. Они руководствуются соображениями национальных интересов, соображениями национальной безопасности и т.д. Если, допустим, их национальным интересом будет при-

знать Абхазию – они признают Абхазию и сразу вспомнят о Восточном Тиморе. Не говорю о Косово, потому что Косово пока еще никто не признал. Если не признают, то они скажут: «Знаете, мы не признаем, потому что есть прецедент, что не признали Северный Кипр». Вопрос прецедента, говоря фигурально пока что – это халва, от которой во рту должно стать слаще, и только.

Кристиан Бжания – к сожалению и к счастью, историко-политический анализ часто напрямую не связан с реальностями, тем более с реальностями, имеющими прямое отношение к урегулированию конфликтов. Я за несколько дней дискуссий для себя понял, что среди прочих опасений и предположений, есть две вещи, которые устойчиво кочуют вперед. К сожалению, у меня не получилось непосредственно у Натали Точки уточнить, но в ее докладе мне запомнилась выражение «ограниченный сепаратизм». Я хотел получить пояснение, что она под этим подразумевает, потому что нечто подобное в последнее время мы часто слышим. Подчеркивается, что в Абхазии не столь агрессивное отношение, поэтому, возможно, есть механизмы для урегулирования и возможно через некоторое время путем предложения неких проектов сотрудничества в образовательной и других сферах, может быть, через 10 лет, как я услышал сегодня, или чуть-чуть попозже, но все же позиции изменятся. Это наталкивает на мысль, что у участников переговорного процесса складывается впечатление, что можно-таки добиться от абхазов уступок. И если в этом состоит принцип «ограниченного сепаратизма», то это глубочайшее заблуждение тех, кто хочет принимать активное участие в разрешении конфликта. Может быть, я ошибаюсь, но я все больше убеждаюсь, что они крайне далеки от реального положения вещей. А абхазы все еще ведут переговоры только лишь потому, что хотят мирного разрешения конфликта. Я уверяю вас, что у абхазов было много шансов – с помощью Грузии – крайне негативно отреагировать на те же террористические акты, чтобы продемонстрировать мировому сообществу, насколько абхазы агрессивны по отношению к грузинам. Я думаю, что вот такое понимание – это своего рода «мессидж» для агрессивно или радикально настроенных в абхазском обществе, как мой коллега и друг Батал Табагуа. Я хочу вам

сказать, что такие настроения имеют место в Абхазии и достаточно популярны. И сегодня у правительства Абхазии большие трудности с тем, как объяснить, что все же мы будем как цивилизованные люди вести переговоры, сначала поставим экономику во главу угла, а потом политику, вопрос статуса и т.д. Я уверен в том, что эта позиция начинает раздражать абхазское общество все больше и больше, потому что нам без конца говорят, что «раз вы все еще можете разговаривать, значит, это хорошая тенденция».

И еще один болезненный момент. Я думал, что люди, которые равноудалены от грузинской позиции и от абхазской позиции, имеют более объективное понимание истинных позиций абхазского руководства или общества относительно пресловутой зависимости от России. Мы говорим: «Нет, нет, нет», а они повторяют: «Да, да, да». И только из этого понимания строят свое отношение и свое участие. На самом деле, это тоже начинает раздражать абхазское общество, когда нам говорят, что мы зависимы. Я не знаю, что нужно абхазам сделать, чтобы, наконец, поняли, что это не совсем так. Я часто на встречах вижу с уважаемым мною грузинским коллегой, очень взрослым и очень опытным человеком, который любит повторять: «Мы же не дети, мы выросли из штанишек». Действительно, мы уже давно выросли, мы все понимаем, что Абхазия в какой-то степени зависима от России, и Грузия также уязвлена в своей независимости. Во всяком случае, в абхазском правительстве нет кабинетов для политических консультантов из России – то что я видел, скажем, в Грузии, где сидят политические советники из США. Если Абхазия в определенном смысле уязвлена, то это действительно потому, что она между молотом и наковальней, и ее маневры достаточно ограничены. Но я не соглашусь с тем, что Грузия такая уж независимая страна. Поэтому не думаю, что практично и полезно без конца упоминать о какой-то особой зависимости Абхазии от России.

Вахтанг Колбая – абсолютной независимости не существует. Все от кого-то зависят. Хотя, конечно, я абсолютно понимаю, Кристиан, то, о чем ты говоришь. Вчера об этом ты уже говорил, сегодня еще раз повторил. Но никто сегодня словом не обмолвился о том, что кто-то, кого-то, куда-то тянет. Просто я вынужден буду повториться, напоми-

ная одну вещь, которая мне очень нравится. Возвращаясь к Белфастскому соглашению, которое было заключено между правительством Великобритании и Шин Фейном и другими партиями. Один из пунктов этого соглашения гласит: «Мы признаем значительные различия между нашими постоянными и равно законными политическими чаяниями. Однако мы будем стремиться всеми практическими путями к примирению, сближению в рамках демократических и согласованных процедур. И это для того, чтобы идти вперед. Для моих коллег из Тбилиси, которые бывают на подобных встречах в первый раз, воспринимается как новость то, что абхазская сторона видит свою цель в политическом мирном урегулировании видят в достижении независимости Абхазии, признании ее независимости, в том числе и Грузией. И для вас, Кристин, не должно быть откровением, что для грузинской стороны целью политического мирного урегулирования является восстановление территориальной целостности, предложив Абхазии жить в общем государстве, строить единое демократическое сообщество. Я не хочу опять же повторять те же избитые слова о какой-то широкой автономии. Поэтому мы сегодня говорим о том, что может нас сближить, не говоря о том, что мы декларируем. Мы хотим, чтобы нашлись те пути соприкосновения, которые дадут нам возможность двигаться к цивилизованному демократическому обществу, к условиям нормального сосуществования на этой планете, вне зависимости от того, будет ли Абхазия стремиться к независимости или будет ли к этому препятствовать Грузия или нет.

Возвращаясь к выступлению уважаемого Сергея Маркедонова, которого очень давно знаю. Я не стал бы об этом говорить, если бы мы эту тему не затронули позавчера, когда мы приехали. Причем, эта проблема была озвучена в Вашем выступлении на одной из конференции, стенограмма которой вышла в виде сборнике. Там выступал и Батала Кобахия, которого — физически не знаю, но слышал о нем очень многое.

Все смеются.

вместе с тем, мне понравился подход Б. Кобахия, в частности, когда он задает вопрос Сергею о той фразе, которая прозвучала из

уст небезызвестного губернатора Ткачева, когда он пригрозил населению Абхазии, что если они не будут голосовать за того, кого предлагал Кремль, то Краснодарский край перекроет дыхание Абхазии, кстати сказать, они действительно перекрыли дорожное сообщение, все коммуникации, прекратили на время завоз зерна и т.п. Позже, когда выборы завершились, Ткачев приехал в Сухуми и подарил один миллион рублей и несколько-то вагонов зерна новому президенту.

Реплика – он понял ситуацию.

Вахтанг Колбая – И Батал спрашивает вас: «Как отреагировала российская общественность на то, что Ткачев предложил объединить Адыгею с Краснодарским краем? И какие могут возникнуть ассоциации у тех людей, которые находятся вблизи и которым вначале предлагали ассоциированные отношения?». И на этот вопрос вы, уважаемый Сергей, отвечаете, что России не хватает двух базовых вещей – государства и гражданского общества. Если у государства не хватает государственности, не хватает гражданского общества, то видимо те постулаты, о которых вы говорили сегодня, и с которыми я во многом согласен, требуют базового осмысления или переосмысления. Я удовлетворен ответом господина Рябова на мой вопрос о том, что может быть «революцией роз» в России, и какие могут быть последствия или угрозы в его случае? Я понимаю, что нарождающаяся демократия требует каких-то жертв. Дело в том, что универсальное понятие демократии по-разному воспринимается в Москве, на севере России, и в средней части континента. В том то и беда, что мы по-разному его трактуем.

То, о чем говорил Октай. Эта тема немного устарела. ЧЭС, может быть, изначально выполнило свои функции, когда на фоне развала огромного пространства бывшего Союза нужно было какое-то региональное объединение. Мне уже приходилось здесь говорить, на эту тему. И после развала она пыталась играть роль некоего альянса государств, имеющих общий региональный экономический интерес, но не удалось создать такую систему сотрудничества, которая бы способствовала развитию потенциала региона полностью, в первую очередь, из-за того, что цели, преследуемые чле-

нами организации, были не адекватными самим идеям, лежащих в основе этой организации.

А также и то, что у разных стран были свои конфликты. У Турции- с Грецией, у Армении- с Азербайджаном, у Грузии были свои проблемы, у России были интересы, которые не совпадали с интересами других стран. Этой организации не хватало стабильности, не хватало принципиальности, ей не хватало возможности имплементации своих собственных принятых решений. Она потеряла свою актуальность, и поэтому люди начали искать другие форматы. Сначала это был ГУАМ, потом «Содружество демократического выбора». И ничего удивительного в этом нет. Человек ищет, где лучше, рыба – где глубже. Это естественно, что создаются новые альянсы. Не в пику кому-то, а в поиске решения каких-то насущных проблем.

Я говорил с Кристианом о возможности Турции участвовать в процессе разрешения конфликтов. Господин Сергей сказал, что Турция в течение 14 месяцев помогала Абхазии в войне. Я все-таки не понимаю, почему невозможно, как говорил Октай в своей презентации, для баланса, включить Турцию в процесс? Неужели отношение к ней настолько девальвировано, что она не может более активно участвовать в этом процессе? Я удовлетворен тем ответом, который по этому вопросу мне дал Андрей. Нужно договориться, на каком уровне возможно это участие.

Лиана Кварчелия – У меня очень маленькая реплика по поводу того, что сказал Шалва. Мне кажется, когда ты говоришь о том, что Косово не может быть прецедентом, аргументация, которую ты приводишь, как раз, отражает двойные стандарты. Если Косово признают, потому что Милошевич убивал албанцев...

Шалва Пичхадзе – я сказал немножко по-другому. Я сказал, что Милошевич сделал так, что косоварам не приходится доказывать всему миру, что единственная форма выживания – это независимое государство. Если бы это не входило в национальные интересы основных игроков, даже это не помогло бы косоварам.

Лиана Кварчелия – Дело как раз в том, что Госсовет Грузии сделал такие вещи, что Абхазия не может видеть себя в составе Грузии. Но поскольку существуют двойные стандарты, этот момент миром игнорируется.

Сергей Маркедонов – я начну тогда с первого вопроса, который был задан – насчет причинно-следственных связей между конфликтами и между эрозией СНГ – фактически формированием постсоветского пространства. Я не считаю, что распад постсоветского пространства происходит жестко по двум линиям – вот эти страны с Западом, а эти страны с Россией. Это очень примитивный подход, извините, за резкость. С кем Азербайджан – с Западом или с Россией?

Реплика – с Россией, конечно.

Сергей Маркедонов – министр обороны Азербайджана Сафар Абиев поправил бы вас, когда сказал, что Азербайджан является важнейшим конструктом будущей Европы. А если говорить о военно-стратегическом партнерстве Азербайджана и Соединенных Штатов, то Ильхаму Алиеву все прегрешения против демократии простили, когда он выступил на Совете по международным отношениям, очень влиятельная, серьезная неоконцовская структура, с докладом по поводу Ирана. Азербайджан очень нужен из-за Ирана.

Шум.

Сергей Маркедонов – с кем Азербайджан – с Западом или с Россией? Я как-то в одной из статей говорил о политике качелей в Азербайджане. Азербайджан имеет очень хорошие отношения со Штатами и очень неплохие отношения с Россией. И в последнее время начал иметь очень хорошие отношения с Ираном, Ахмадинежад был в Баку. Потому что Азербайджан прекрасно понимает, что делать ставку на какую-то одну страну, на какого-то одного игрока, в общем, не совсем правильно. Если говорить о центральной Азии, то здесь есть еще интересы такой страны, как Китай. Поднебесная империя жестко после Андижана обозначила не только экономические, но и поли-

тические интересы в Узбекистане и Киргизии. По крайней мере, уже не два, а три лагеря появляются. Казахстан – какая страна, с кем находящаяся? Почему Чейни после Вильнюса едет в Казахстан, в очень недемократический, заметьте, Казахстан и дает блестящие авансы Казахстану? Потому что в Казахстане есть модернизация, потому что американцы понимают, что выбор в Азербайджане не между демократами и Алиевым, а между полусумасшедшими людьми из «Муссават» и Организацией освобождения Карабаха и Алиевым. Вот выбор. Он не велик. А скажите, пожалуйста, с кем у нас Армения? С Россией, сейчас вы скажете, самый стратегический партнер. А полтора миллиарда долларов за 15 лет, кто Армении дал? Россия или Соединенные Штаты? Тридцать тысяч долларов Карабаху каждый год выделяет Конгресс США или Государственная Дума Российской Федерации? Не надо вот эти клише, не надо заниматься агитпропом, как раньше научный коммунизм, а сейчас научный демократизм. Мир сложнее и ситуация в СНГ сложнее. Нет такого: два мира – две политики, как в советские времена это было в киносериалах.

Следующий вопрос очень коротко – насчет неоимперских традиций в руководстве России. Есть эти традиции, безусловно. Я могу назвать Рогозина и ряд людей. Поймите, что политика России – не имперская, она не антиимперская, она никакая. Я вот могу здесь смело говорить, что российская внешняя политика – это, прежде всего, бизнес-интерес господина Путина и тех, кто стоит рядом. Нет там никакой имперской политики. Я был бы счастлив, если бы она была. Ее нет. Есть очень серьезная роль коррупции как системообразующего фактора и внутри, и во внешней политике. Есть интересы разных групп, очень серьезное влияние неформальных связей. Это плохо. Когда мне говорят, что я критикую Россию – да, я считаю, что нынешняя Россия действительно очень несовершенна как государство внутри страны, и очень противоречивая и неправильная внешняя политика. Из этого вовсе не следует, что я противник минимизации российского влияния на постсоветском пространстве. Оно нужно постсоветскому пространству, потому что а) в Европе никто не ждет постсоветские образования, б) потому что состоятельность и перспективы этих образований очень туманны и сами эти образования, я специально ссылаюсь на очень либерального российского эксперта Дмитрия Фурмана, инфан-

тильны, потому что все ищут причины во вне. России это тоже касается, кстати, когда ищем под кроватью цветные революции и т.д. Но в значительно большей степени это касается других постсоветских государств. Когда я был в штаб-квартире НАТО, мне НАТОвские чиновники пожаловались на прибалтов. Говорят, что достали их с угрозами про агрессию России в Прибалтике. Таких идей нет вообще, если говорить о неких неоимперских тенденциях, может быть, относительно Абхазии или Южной Осетии эти идеи как-то озвучиваются, но даже Рогозин, Бабурин, Зюганов – никто не говорит о реинтеграции Прибалтики. В реальном пространстве таких людей просто не существует. Не хочет Россия никого завоевывать.

Следующий вопрос – по поводу санкций США. По-моему, этот вопрос обозначал Вячеслав. Да, действительно ситуация в сегодняшнем мире такова, что как не хотелось старцу Феофилу, чтобы был четвертый Рим, похоже, что четвертый Рим существует сегодня и без определенных санкций четвертого Рима многие вещи делать нельзя. По крайней мере, перед тем, как наше руководство вдруг решит кого-то признать или включать, надо этот вопрос с Штатами очень серьезно обсуждать. Речь идет о реальности. Может быть, мне не хотелось бы так себя вести. Я призываю всех вас разделять нынешнюю путинскую российскую администрация и Россию вообще как страну. Для России, которая кавказская страна, интересы на Кавказе в черноморском регионе будут всегда – будет ли Путин или Ляпкин-Тяпкин. Это совершенно неважно. И они должны быть и никуда Россия с Кавказа не уйдет, как бы кому это не хотелось из постсоветского пространства. Если уйдет, то это будет означать полную маргинализацию этой страны и это не в интересах России. Потому что продолжением будет ослабление позиций внутри собственной страны. Поэтому надо эти вещи разделять – конкретный путинский интерес и т.д. Для национальных интересов страны, говоря о национальном эгоизме страны, нужна стабильная союзная граница. Вот и все, это главная цель. Вопрос о признании, непризнании Абхазии и Южной Осетии – это уже инструментальный вопрос. Не спорят об инструментах, понимаете? О молотке нельзя спорить, молотком можно убивать, а можно гвозди заколачивать. Поэтому с Штатами, конечно, работать нужно, безусловно.

И вопрос Давида по поводу критериев признания. Кто и какая группа государств будет определять? Судьи кто – грибоедовский вопрос. Действительно, а судьи кто? Я не предлагаю, чтобы Россия выступала единым судьей. Я говорю о том, что российская дипломатия могла бы в кои-то веки предложить какой-то свой проект, не ждать какой-то инициативы со стороны Евросоюза, США, а сама предложить вот эти критерии, что российские официальные лица были здесь первыми, наконец, в чем-то. Не в дурацких разговорах про постсоветскую постимперскую реинтеграцию, не в тоске по обломкам Советского Союза, а в некоем новом мессидже. Новая Россия как новая страна заинтересована в разрешении конфликтных ситуаций – вот наши критерии. Давайте их обсуждать. Естественно, такие вещи должны быть предложены и должны обсуждаться в некоем сообществе государств. Я бы мог сказать ООН, но ООН это структура, переживающая глубочайший кризис. В принципе, мы сегодня находимся в ситуации такого международного постмодернизма. Нет международного права. Есть только какие-то обломки по инерции. Нет нового миропорядка. И последний еще очень важный момент. Я бы абсолютно признал новый порядок, который базировался бы на американской гегемонии, или на европейской. Признал бы, потому что это лучше «order is better, than disorder». Но задача организаторов нового мирового порядка в адекватности. Если бы американцы были адекватны и европейцы тоже были бы адекватны во многих ситуациях, с удовольствием поднял бы руки и признал. Для меня – человека западных взглядов Балканы были неким элементом крушения Запада. Вот Шалва говорил по поводу того, что Милошевич делал преступную политику. А кто его вынудил на эту преступную политику? Кто признавал Хорватию? Кто вообще играл за одну команду на протяжении всего балканского кризиса?

Шалва Пичхадзе – Я говорил только о Косово, а не о Хорватии, это разные вещи.

Батал Табагуа – то, что я говорю некоторые воспринимают, что это жестко и т.д. Вы знаете, меня очень разочаровало то, что сказал Паата, в каком плане? Закладывается очень плохая мысль. Я продолжу

ту идею, о которой говорил Кристиан. Когда мы приезжаем и когда нас спрашивают, какое у нас мнение, что вы слышали и т.д. Если я, предположим расскажу то, что говорил Паата, то думаю, что возникнут достаточно серьезные проблемы у тех абхазов, которые вообще ведут какие-то переговоры с грузинами. Очень серьезные. Дело в том, что нужно понять, что есть оппозиция и т.д. и основной конек этой оппозиции состоит не в экономических проблемах, а состоит в том, что они видят, что власти идут на какие-то разговоры и переговоры с грузинами. И у меня возникает такая мысль, если вы помните в 1998 году в Гальском районе разразилась война. Результаты этой маленькой войны вы тоже знаете. Это сожжение практически 50 процентов Гальского района. Уверяю вас, что когда вот эти идеи и мысли витают в Абхазии, еще подобный один шаг и закончили на этом. В Абхазии мы пытаемся интегрироваться вообще не только в понятиях европейских принципов демократии, выборности, но как-то сами пытаемся построить свое государство вот на этих принципах. Но нас как бы толкают тем, что говорят, вот мы такие хорошие и с нами можно поговорить, нас можно пригладить и т.д. и все будет нормально и решится этот вопрос, толкают на то, что усилятся радикальные настроения и радикалы скажут: «Ничего этого нам не надо, потому что для того, чтобы нам самосохраниться нужно избавиться от той части грузинского населения, которая еще осталась». Эта часть никакого отношения к войне не имеет, они абсолютно ни в чем не виноваты. Но они могут стать виноватыми в контексте политики, которую проводит грузинское государство, когда пытается внушить всему миру, что мы такие ребята, с которыми можно договориться, и в конечном итоге, если на нас поднажать, то мы окажемся с ними вместе. Вот здесь Натали права, когда говорит, что Евросоюз идет на помощь, и финансовую и какую угодно, как в случае с Кипром, когда это ему выгодно. Абсолютно согласен и с Шалвой – выгодно будет, мы зайдем вот в то помещение и через полчаса вместе с представителями Евросоюза напишем такую бумажку, где четко будет отражено со ссылками на прецеденты, со ссылками на международное право о том, что Абхазия должна получить независимость. Если это надо будет, а если это не надо, то это другой вопрос. Здесь еще Паата сказал о том, что за греческим Кипром – Греция, за северным – Тур-

ция. За каждым в общем кто-то есть, а вот абхазцы такие обездоленные, что за ними никого нет, но вообще-то там есть Россия. Вы знаете, я был бы очень рад, если бы за нами стояла Россия, которая говорила бы, что она за то, чтобы нас признали, и они нам будут помогать и оказывать экономическую помощь и т.д. Тогда вообще вопросов не было бы, честно говоря.

У нас еще возникает такой вопрос, нас пугают, что если нас не признают, мы останемся только в российской сфере и т.д. Вы знаете, ничего страшного в этом нет. Ну, останемся в российской сфере, и никаких проблем нет. Будем торговать, будем жить, ну что делать? Если мир не признает, подождем, это не самое худшее и не самое страшное. У нас есть определенные цели, чтобы наше государство, наши люди хорошо жили, могли передвигаться по миру, чтобы мы могли бы следовать общечеловеческим ценностям, вы их называете демократическими, а я их считаю общечеловеческими. Чтобы человек мог избрать своего президента, мог избрать свой парламент – наша цель вот эта, и чтобы наши люди жили богато и хорошо. Здесь же стоял вопрос о том, что мы получили российский паспорт. Ну и что? Абсолютно нет проблем, это просто инструмент, с помощью которого мы передвигаемся по миру, общаемся с Россией и т.д. Вы получаете 2 миллиарда в год за счет своей диаспоры, которая живет в России, это как бы не обидно, а российский паспорт обидно? Что же вы не откажетесь от этих денег? Потому что это невыгодно.

У меня есть еще один такой момент. Паата, вот ты приезжаешь в Абхазию, мы тебя все любим и т.д. Это – менталитет. И мне обидно, что вы, грузины, жили столько лет и живете рядом с нами, знаете абхазскую ментальность, и многого не понимаете. Прочтите наши сказки, даже если это твой враг, ты должен с достоинством к нему обратиться, даже своего кровного врага, которого ты должен уничтожить, ты не имеешь права уничтожить его в такой ситуации, которая недостойна человека, унижает его достоинство. Если, например, человек купается. Возьмите и прочтите рассказ Михаила Лакрба: человек купается, враг сидит за дверью, готовый пристрелить его, и когда жена говорит: «Здесь твой враг, тебя могут убить», он отвечает: «он не такой недостойный враг, чтобы воспользоваться этим моментом». Вы никак не можете понять психологию абхазов – когда

вы приезжаете, когда мы общаемся, это не повод думать о том, что абхазы что-то забыли или что-то простили. Или вот у Вахтанга очень много родственников в Абхазии живет, и если кто-то может помочь какие-то вопросы решить, это не значит, что это может распространиться на всю остальную часть. Меня лично беспокоит другой вопрос – чтобы в Абхазии мы не перешли вот эту грань сами, чтобы у нас в обществе не возникла такая мощная оппозиция, которая обвинит всех, кто участвует в каких-либо переговорах в том, что мы являемся предателями и ищем какие-то пути с Грузией и т.д. И вот это тогда крахом закончиться для нас внутри. Я так считаю. Я говорю немножко не на дипломатичном языке.

Георгий Хелашвили – я хочу сделать небольшой комментарий по поводу комментария Сергея Маркедонова о расколе постсоветского пространства. Я думаю, что это процесс, а не уже свершившийся факт и примитивностью было бы думать, что на протяжении такого маленького временного периода это могло бы случиться. Этот процесс пошел, как говорил наш первый и последний общий президент. И, наверное, рано или поздно мы придем к геополитическим реалиям, когда постсоветское пространство будет состоять из двух противоположностей – прозападной и пророссийской. Российское руководство, к сожалению, делает все для того, чтобы это произошло. Что касается сути моего комментария, то это о том, насколько прецеденты, в том числе Косово, могут влиять на принятие решений и об амбивалентности международного подхода к этим конфликтам, что звучало красной линией в течение последних четырех дней. Я думаю, что когда у нас есть два принципа в международном праве – незабываемость границ и самоопределение народов, то должен быть какой-то критерий, который определяет, что делать – признавать либо не признавать. Я это часто говорил и в Грузии. Самый значительный критерий разрешения конфликтов – это долгосрочная международная безопасность. И я думаю, что долгосрочная безопасность сопряжена в эти дни с демократией. И поэтому имеет большое значение, куда вот эти маленькие территории движутся. Либо они движутся в рамках постсоветского пространства в направлении России, которая более и более становится деспотическим государством, либо эти

маленькие территории движутся в западном направлении. Я понимаю, что эта дихотомия не совсем пока что реальная, но в долгосрочной перспективе международное сообщество будет определять подход к этим маленьким территориям в зависимости от того, они в демократическом сообществе или в недемократическом сообществе. Хотите, называйте это двурушничеством и двойным подходом, но это есть политическая реальность. Поэтому я и думаю, что выгодно абхазским политикам и абхазской общественности идти на переговоры в рамках Евросоюза, чтобы реально демонстрировать свою приверженность к прозападному курсу, а не для того, чтобы это смотрелось хорошо.

Вальтер Кауфманн – По поводу комментариев я согласен с Сергеем, что не все делится на пророссийское или на прозападное. Это слишком упрощенно. Лучше спросить подробно, в чем заключается демократичность или деспотизм. Есть в России очень волнующие моменты, очень неприятные. Я не представляю как Россия могла бы в конструктивном виде предложить дипломатическую инициативу относительно критериев для признания. Это опять будет вечная дискуссия о прецедентах. И сразу столкнется с реальной политикой и со стороны России, боюсь, не воспримется как очень серьезное предложение.

Насчет выступлений Батала и Кристиана. Хотя я понимаю вашу реакцию на разные вещи, которые были тут сказаны, все-таки у меня складывается впечатление, что Абхазия вообще не хочет ни в каком формате участвовать с Евросоюзом до того, как признают статус.

Шум в зале

Вальтер Кауфманн – Я говорю о впечатлении, я не говорю, что вы четко так сказали. Если вопрос статуса держать открытым, то всегда любая интеграция содержит разные непредвиденные потенциалы. Я с вами согласен, что если вас нарочно и долго стремятся приманить туда, то это для вас это неприемлемо. С другой стороны, вы должны сформулировать, что для вас интересно и приемлемо. Если условие такое, что мы никогда ни в чем не уступим, это то, за что мы воевали

и т.д. ... хорошо... но если любая интеграция содержит угрозу не компромиссной позиции, то и для Грузии интеграция, если Евросоюз будет развивать конструктивные отношения с Абхазией, будет означать риск, что это может, в конце концов, привести к признанию Абхазии. И Абхазии должна согласиться на риск, что такой интеграционный процесс может вылиться в непризнание.

Батал Табагуа – вы нас неправильно поняли. Может быть, я неправильно высказался, немножко эмоционально. Мы слушали представителя Евросоюза очень внимательно. И мы поняли, я, по крайней мере, что первично для них – это работа с Грузией. Даже помощь, которую они оказали в Абхазии, за которую мы очень благодарны...

...проблема с азербайджанцами, населяющими Грузию, проблема с армянами, еще не известно, чем это закончится, Осетия и Абхазия покажутся цветочками. Я не хочу, чтобы у Грузии были проблемы, но они готовы хоть на космос улететь, лишь бы кто-то решил эти проблемы за них, потому что слишком много проблем навалилось. Мы это прекрасно ощущаем и знаем в Абхазии. И мы ждем своего часа. А то, что вы говорите про евроинтеграцию, что кому-то сказали: «Не идите сюда» и кого-то не пускают? Россия, кстати, приоткрыла границу, к чести им нужно сказать. Они открыли границу, чтобы к нам могли ездить иностранцы. Хотя может быть, это и во вред России. Зачем им это делать? Какую пользу от этого они имеют? Но поняли ситуацию и открыли. Россия говорит, что мы не признаны, но они с нами считаются. А что сделал Евросоюз? Он говорит, что мы – никто и они нас не признают. То же самое говорят американцы и т.д.

Питер Семнеби – я хотел бы воспользоваться случаем и поблагодарить за приглашение на это первое для меня мероприятие такого рода. Мне было очень интересно, я слышал очень много интересных вещей, которые я увезу с собой в Брюссель и буду анализировать. Может быть, возникнут какие-то новые идеи со стороны Европейского Союза. Я буду продолжать с большим удовольствием этот диалог и индивидуально с вами и в Тбилиси и в Сухуми. В том числе в тех рамках тех программ, которые мы сейчас подготавливаем для Южного Кавказа. Для меня были очень интересны и те

знакомства, которые я приобрел здесь, они будут очень важны для меня в дальнейшей работе.

Вальтер Кауфманн – После оставшихся выступлений хотелось бы получить обратную связь о том, что вы считаете полезным и нужным в будущем, учитывая эти четыре дня, по теме европейской интеграции? Стоит ли продолжать эту тематику и если да, то, в каком формате и по каким аспектам? Это вопрос ко всем участникам после четырех последних выступлений.

Паата Закареишвили – я хотел бы как-то отреагировать на выступления Кристиана и Батала. Мне кажется, что вы меня неправильно поняли. Но не это меня волнует. Мы должны учитывать контекст, в котором мы говорим. У меня была очень конкретная реакция и комментарий по выступлению Сергея. Речь шла о Косово. Я сказал, что в контексте Косово мир вынужден разбирать косовские дела. Не хочется, но вынужден. Даже не хочется Сербию делить, это не тот случай, когда мир что-то хотел бы делать. Это тот случай, когда другого выхода нет. И в этом контексте я привел два конкретных примера о том, как мир вынужден защищать Косово от Сербии, от ярого национализма Сербии и вынужден был держать там ООН-овскую администрацию, чтобы как-то управлять ситуацией. Мир вынужден защищать и сербов в самом Косово, потому что как в Сербии готовы уничтожить всех албанцев, так и албанцы готовы уничтожить всех сербов. Слава богу, несмотря на то, что была тяжелая война и в самом деле никак нельзя сравнивать тяжесть и т.д., наш конфликт таких масштабов не приобрел. Абхазы хотят создать свое государство, это происходит на фоне того, что Грузия не вмешивается в их выборы, не выворачивает руки, никаких условий не ставит, только делает заявления и больше ничего. И, слава богу, в Абхазии живут грузины, и абхазы гордятся этим. Они везде и всюду говорят, что они настолько демократичны, что грузины живут там. Это великолепные плюсы, чтобы мир узнал, что между грузинами и абхазами есть ресурсы, чтобы они примирились. Я же не говорю, на каких условиях примирились. Может быть, примирением будет признание независимости Абхазии. Я не понял, почему была такая реакция, что я что-то такое

сказал. Эти наши встречи, разговоры. Конечно, можно их не проводить. Если вы считаете, что суверенитет Абхазии как-то теряется от того, что вы приезжаете на встречи, тогда я ничего хорошего, извините, не могу думать о том, суверенитете, который в Абхазии есть. Если встречи с грузинами ставят под сомнение государственность Абхазии, тогда я больше имею представление о государственности Абхазии, чем те люди, которые могут поставить под сомнение свой суверенитет только потому, что они встречаются с грузинами. Во время войны на подконтрольные абхазскими властями территории был каждую неделю, потому что абхазы были заинтересованный в этом. Я в Абхазию еду только тогда, когда абхазская сторона приглашает. Я не принадлежу к тем грузинам, которые очки набирают от того, что часто ездят в Абхазию. Очень многие в Абхазии, даже Батал, оказывается, думает, что я часто езжу в Абхазию. Я был там всего два раза после войны. Я могу воздержаться в дальнейшем и не поехать в Абхазию. Если мои абхазские друзья считают, что мое присутствие, присутствие других грузин в Абхазии им полезно и нужно, только в том случае можно такие вопросы обсуждать. В любом случае эти разговоры нам дают возможность проверить, насколько наши стремления, наши желания соответствуют действительности. В мире в этих отношениях есть двойные стандарты. Я хочу согласиться с Шалвой, но двойные стандарты исходят от прагматизма. Мир больше управляется прагматизмом, чем двойными стандартами. Я не хочу лукавить и показаться беспокойным человеком, который говорит больше, чем нужно, но мне кажется, что я более знаю об Абхазии и о независимости Абхазии, чем многие абхазы. Я хочу призвать вас не попадаться в коварные сети России, которой плевать и на Грузию, и на Абхазию. Ее не интересуют эти государства. Я согласен с Маркедоновым, что интересы российского государства превыше всего. Великолепно, здорово, дай бог, чтобы все русские думали так. Интересы грузинского государства тоже превыше всего. К сожалению, Грузия очень плохо себя ведет по отношению к Абхазии. И это моя проблема, а не то, как абхазы себя ведут и как русские себя ведут. Вся беда в том, что Грузия ничего не предлагает Абхазии, и Абхазия вынуждена хвататься за такие мыльные пузыри и за такие псевдопозиции, как косовский прецедент и т.д. Как только Косово

получит свою независимость, этот вопрос исчезнет, потому что все поймут, что это было написано именно для Косово, и Россия в первую очередь не будет продвигать это как универсальную модель. Даже если Грузия станет очередным штатом США, Россия будет сотрудничать с такой Грузией, потому что все-таки Грузия стратегически важна для России, чтобы она на эмоциональном уровне с ней заигрывала. Так что, в любом случае этот прагматизм России мне больше всего нравится, и моих абхазских друзей я хочу призвать быть более прагматичными и более реально смотреть на мир. Я, прежде всего грузин призываю к этому, чтобы они постоянно что-то предлагали абхазам. Или мы постоянно будем играть в кошки-мышки, как очень многие другие страны, которые до сих пор находятся в мышеловке.

Кристиан Бжания – я хотел о другом начать говорить. Но сейчас Паага наваял еще новые мысли. Я думаю, что если бы в определенный день Борис Николаевич Ельцин и его компания не напились бы, грузинская независимость была бы таким же воздушным шариком или пузырьком. Просто так случилось. Поэтому я не знаю сейчас к чему этот разговор. Абхазы достаточно практично относятся к вопросу признания своей независимости. Мы не питаем иллюзий. Если мы пытаемся лавировать, то я думаю, что мы делаем это правильно. И вообще я думаю, что это вопрос времени и вопрос не для такого формата обсуждения – когда она будет и будет ли вообще. Я хотел бы, следуя призыву, сказать вот о чем. На мой взгляд, Абхазия могла бы быть причастной к программе добрососедства при том, что перед ней не ставили бы политические условия, и что абхазы имели бы гарантию или хотя бы были убеждены в том, что здесь действительно нет второго дна. Если бы абхазам предложили реальные проекты сотрудничества, тогда, конечно же, многое из того, что сейчас отрабатывается в рамках Евросоюза, было бы приемлемо и для абхазов. Вы призывали сказать, к чему все же Абхазия готова. И хочу сразу сказать, может быть, я ошибаюсь, я почти уверен, что нет хорошего продолжения, хорошего будущего у этого предложения сотрудничества, потому что уверяю вас, вы обязательно вспомните мои слова, первый же проект возможного сотрудничества экономического или гуманитарного, не знаю... он в пух и прах разобьется, потому что

официальный Тбилиси обязательно поставит условие: все согласовать с ними, любое передвижение – с ними, раздать учебники только через них, открыть транспортные коммуникации только через них. Вы прекрасно знаете, к чему это может привести. Конечно, это фактор, раздражающий абхазскую сторону. Если мы будем сотрудничать, основываясь на коммерческом расчете, на коммерческой взаимовыгоде, то тогда конечно. Но если взять такой маленький пример, штрих, наверное, но он поможет лучше понять, почему абхазы так настороженно к этому относятся. Наверное, в масштабах Европы это очень смешной факт, но это имеет серьезное значение для абхазского общества. У нас с большим раздражением воспринимают даже то, что скажем, организация «Врачи без границ» ездят по Абхазии в машинах с грузинскими дипломатическими номерами. Очень категорично ставят вопрос – либо вы вообще прекратите свою деятельность здесь, либо ездите с номерами нашей страны. Вам это покажется смешным. Наверное, это смешно, потому что люди страдают, им надо оказать помощь. И на согласование вот таких глупых, может быть, нюансов уходит время, тогда как человек реально нуждается в помощи. Но это присутствует, это есть и от этого мы не можем уйти. Это объективно, это реально и это надо учитывать. Я не понимаю, о каком конкретно проекте можно говорить, если у нас все коммуникации фактически зарублены? Если республика изолирована от внешнего мира? Если нет морского сообщения, нет воздушного сообщения? Абхазы ситуацию воспринимают таким образом – снимите режим экономических санкций, и мы будем вместе работать над какими-то конкретными проектами. Но, сохраняя статус-кво, сохраняя режим изоляции, говорить о каких-то виртуальных проектах – это не будет воспринято. Мы часто апеллируем к вопросу Ингургэс как к яркому примеру сотрудничества сторон. Уверю вас, если бы электроэнергия не была бы жизненно важной, как для грузин, так и для абхазов, никакого успешного проекта не было бы, не на что было бы ссылаться вообще. Не знаю, какие еще можно придумать проекты, которые были бы жизненно важными, такими, в которых день и ночь нуждались бы абхазы и грузины. Но возможно есть действительно практичные вещи, которые были бы полезны. Опять-таки они были бы полезны и имели бы перспективу, на

мой взгляд, если бы они не увязывались с политическими вопросами. И тогда, я думаю, что проблем не было бы. Я искренне хочу поблагодарить всех, кто был причастен к этой конференции. Не бывает отсутствия результатов, результат всегда есть. Спасибо.

Инал Хашиг – я хотел бы, наверное, продолжить дискуссию об отношении абхазов к Евросоюзу. Для нас это вещь новая. Вещь новая, о которой, по большому счету, никто ничего не знает и никто не знает, что нам предлагают. По той презентации, которую вчера устроил господин Семнеби, складывалось впечатление... я потом у абхазов спрашивал о том, кто, что понял? Что же предложил господин Семнеби? В итоге выяснилось, что толком ничего не поняли, но есть такой контекст – интересы Евросоюза. Евросоюз говорит о том, что для него соседство важно... то есть, вот эта программа по соседству важна, чтобы иметь хороших, стабильных соседей. Но нам, абхазам, показалось, что Евросоюзу перво-наперво важен все-таки не этот принцип. Когда Евросоюз начинает что-то предлагать, ему важнее не стабильные соседи, а интеграция Абхазии в грузинское пространство. Нам сейчас говорят: «мы вам откроем Европу, и эта Европа придет к вам через Грузию, и все будут счастливы». Для нас такой посыл неприемлем. Нам даже еще больше сужают пространство. Раньше говорили, что для нас мир откроют через Грузию, а теперь всего лишь Европу открывают через Грузию. Хотелось бы, наверное, чтобы была какая-то ясность в тех целях, которые Европа преследует по отношению к Абхазии. Дело в том, что мы сейчас не избалованы, как Грузия различными евро-союзовскими программами. Это раз. Во-вторых, мы абсолютно не готовы и не собираемся этого делать – торговать тем, что есть у нас, абхазов – собственной независимостью. Разменивать независимость на бутерброд, какой бы аппетитный он не был, мы не собираемся. Для нас это архиважная аксиома. Я думаю, что надо исходить из каких-то реалий и просто не растягивать попусту время. Если Европа преследует не те цели, о которых я сказал, о которых у меня есть только подозрения и не только у меня, но и у многих абхазов, то наверное, надо быть более реалистичными. Более года назад, я помню, когда власть сменилась и, когда европейские струк-

туры начали более активно общаться с нашим новым руководством и предлагать какие-то послабления, было очень много оптимизма в связи с этим в Сухуме. И даже было удивительно слышать об этих послаблениях и со стороны грузинского представителя Ираклия Аласания. Это, наверное, был единственный раз, когда о грузинском представителе вся политическая элита высказывалась в неоптимистических тонах. Но в итоге, все вернулось на круги своя. И сегодня господин Аласания уже отсутствует, то есть кредит доверия закончился. И за этот год даже пресловутый пассажирский кораблик, который можно было бы запустить, как бы пиара ради, между Трабзоном и Сухумом, не запущен. Это говорит об отношении, о ситуации. Сегодня как бы продолжается та же тенденция, когда нам любой доллар, любое евро в виде помощи Абхазии обязательно передают по согласованию с Тбилиси. И нам все время навязывают эту модель. Такой путь бесперспективен. Я уже говорил об этом, и повторюсь – если Евросоюз хочет, чтобы абхазы смотрели на него, как на партнера, так же, как мы, абхазы, смотрим сейчас на Россию, то Евросоюз, по-простому говоря, должен столько же выложить, сколько это сделала Россия для Абхазии. Когда два игрока долгое время сидят за столом, играют в карты на деньги, и в итоге на кону образовалась большая куча денег и, вдруг кто-то приходит со стороны с тремя рублями и хочет включиться в игру. Да его просто пошлют подальше. Может быть, это циничное сравнение, но ситуация приблизительно такова. Это не деньги, это отношение. И сегодня нам по крайней мере Россия не навязывает получение какой-то экономической помощи через Тбилиси. Если вы хотите нас задушить, пожалуйста, душийте, но не надо такими иезуитскими методами. Я просто хочу, чтобы тот прагматизм, которым обычно любят хвалиться европейские структуры, когда-нибудь коснулся и нашего абхазского вопроса.

ЗАВЕРШЕНИЕ ВСТРЕЧИ

Вальтер Кауфманн – Мне кажется, что действительно встреча была успешной в смысле обмена информацией. И тут обменивались информацией не только грузины и абхазы, но и представители ЕС, «Международной тревоги», «Ресурсов примирения», Бегхоф-центра. Это говорит о том, что существует потенциал. Думаю, что присутствие Семнеби действительно стоит всем воспринимать как серьезный потенциал. И я поддерживаю то, что сказал Марк, что не надо ожидать, что международники выступят судьями, что они вам скажут свое решение вопроса. Так не будет. Разочарование выступлением Семнеби говорит о том, что это очень осторожный подход, но меня обрадовало, что он человек, который прислушивается и человек, который действительно заинтересован. И в этом смысле важно установление контактов. Я не скрываю, что я в какой-то степени ожидал большего. Учитывая все претензии друг к другу и все ограничения в том смысле, что абхазы не хотят, чтобы это было использовано как средство «приманивания», и грузины не хотят, чтобы это было использовано как форма для признания, есть ли все-таки какие-то конкретные возможности?

Мое первое предложение по названию конференции было «Черноморская интеграция как средство урегулирования грузино-абхазского конфликта». Тогда абхазская коллега предложила, что лучше для Грузии и для Абхазии. Хорошо, пожалуйста. Но сейчас получилось так, что из-за этого мы все время говорили, что нет равного доступа и что поэтому все так трудно. Я это говорю только потому, что мне особенно важно понять, какие форматы нужны для того, чтобы развивать шаги, которые приемлемы для обеих сторон. Конкретные шаги, которые мы потом можем донести до тех, кто принимает решения. Конечно, меньше всего мы можем это довести до президента Саакашвили или до президента Путина, легче в данном случае до президента Багапша или Питера Семнеби. Но все-таки можно попытаться. И

можно, конечно, генерировать конкретные идеи. Не только обмениваться вопросами относительно Косово. Это для меня некоторый недостаток этой встречи и потенциальных новых встреч. Нужны не просто идеи для обсуждения, но идеи именно для такого формата, чтобы вообще говорить о каких-то конкретных шагах. Интеллектуальные способности и опыт, который тут собран огромный, поэтому хочется его использовать не только для оформления уже известных позиций, но и для генерирования новых идей. Я хочу всех вас поблагодарить за очень интенсивную работу. Все очень интенсивно слушали, значит, встреча была важной, и это было видно.

Спасибо всем.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Конференция

Перспективы для Грузии и Абхазии в контексте черноморской интеграции

**Фонд им. Генриха Белля, Калифорнийский университет Ирвайн
Гостиница «Grand Öztanik», Стамбул, 24.06.-27.06.2006**

В ходе расширения НАТО и Европейского Союза, а также в связи с «Европейской политикой добрососедства» (ENP) черное море все больше становится частью единого политически-стратегического пространства: Румыния и Болгария являются членами НАТО и скоро станут членами ЕС. Турция – член НАТО и кандидат в ЕС. Украина, Молдова, Грузия участвуют в ENP и стремятся стать членами НАТО. Только Россия и непризнанная республика Абхазия остаются вне этих интеграционных рамок, хотя Россия принимает участие в Черноморском Пакте об экономическом сотрудничестве (BSEC).

На конференции в Стамбуле грузинские и абхазские представители экспертных сообществ и гражданского общества будут между собой и с международными гостями обсуждать вопрос, под какими условиями Абхазия хочет или может стать частью интеграционных процессов вокруг Черного моря и какие перспективы перед ней тогда откроются. Также будет поставлен вопрос, насколько эти процессы могут повлиять на урегулирование грузино-абхазского конфликта.

Встреча состоится из двух частей: Первая часть – двухстороннее обсуждение темы и актуальных вопросов в грузино-абхазских отношениях. Вторая часть: Международная конференция с экспертами из России, Турции, представителями ЕС и НАТО.

ПРИГЛАШЕННЫЕ УЧАСТНИКИ

Абхазские участники:

1. Нателла Акаба, Абхазская Ассоциация женщин, Сухум/и
2. Кристиан Бжания, руководитель Управления правительственной информации при Президенте Республики Абхазия, Сухум/и
3. Манана Гургулия, директор «Апсныпресс», Сухум/и
4. Инал Хашиг, редактор газеты «Чегемская правда»
4. Лиана Кварчелия, Центр гуманитарных программ, Сухум/и
5. Батал Табагуа, председатель Центральной избирательной комиссии Абхазии
6. Вячеслав Чирикба, эксперт – кавказовед
7. Ираклий Хинтба, выпускник Российского университета дружбы народов, Сухум/и

Грузинские участники:

1. Шалва Пичхадзе, НПО Грузия для НАТО
2. Георгий Хелашвили, Тбилисский Государственный Университет
3. Георгий Гогия, Международная кризисная группа
4. Паата Давитая, политическое движение «Мы сами»
5. Давид Дарчиашвили, Фонд Открытое Общество – Грузия
6. Паата Закареишвили, Центр Развития и Сотрудничества
7. Вахтанг Колбая, Кавказский диалог, Тбилиси
8. Тинатин Хидашели, Ассоциация Молодых Юристов Грузии; Республиканская Партия

Международные участники:

1. Питер Семнеби, Спецпредставитель Евросоюза для Южного Кавказа, Брюссель (26./27.06.)

2. Сергей Маркедонов, Институт политического и военного анализа, Москва (26/27.06.)
3. Андрей Рябов, Фонд Горбачева, Москва (26/27.06.)
4. Игорь Торбаков, журналист (Jamestown Foundation), Стамбул (26./27.06.)
5. Октай Ф. Танрисевер, Турецкий фонд экономических и социальных исследований TESEV, Стамбул (26./27.06.)
6. Натали Точки, Центр европейских политических исследований
7. Рейчел Клогг, Ресурсы Примирения, Лондон
8. Пола Гарб, Калифорнийский университет, Ирвайн,
9. Ральф Фюкс, председатель фонда им. Генриха Белля, Берлин (26./27.06.)
10. Вальтер Кауфманн, фонд им. Генриха Белля, Тбилиси
11. Евгения Липски, фонд им. Генриха Белля, Тбилиси

